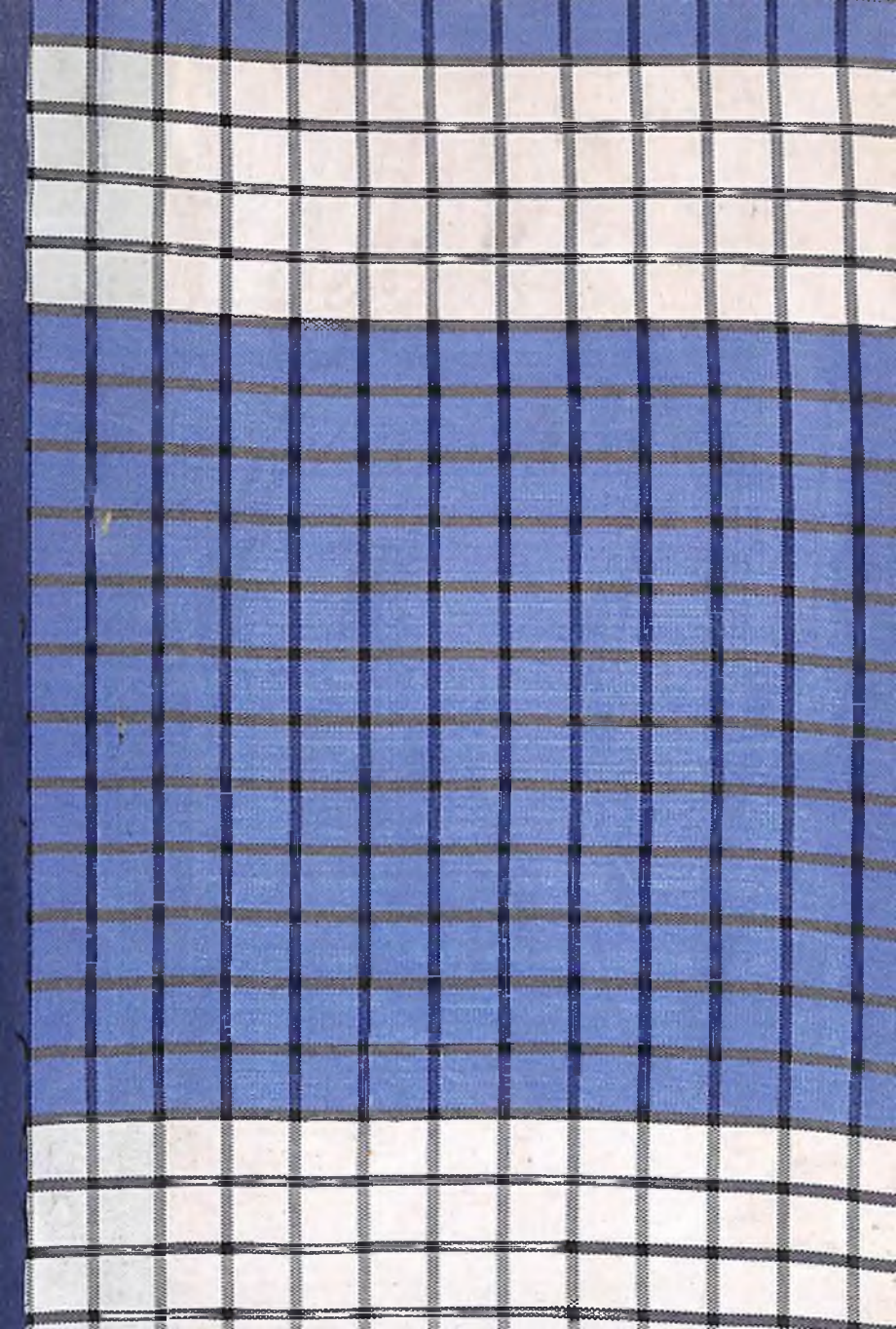

К. Гусевский

СОЧИНЕНІЯ

К. К. СЛУЧЕВСКАГО.

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Стихотворенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКОВА.

Типографія А. Ф. Мариса. Среди. Подъячская. № 1.

ОГЛАВЛЕНИЕ I ТОМА.

	стр.		стр.
Думы.		Лух астерна	18
Неуловимое	1	Заря во всю ночь	19
Невмѣняемость	5	Въ Кіевѣ ночью.	21
Усталость	6	«Да, нѣтъ сомнѣнья въ томъ, что жизнь...»	23
Простота	7	На публичномъ чтеніи	24
Насъ двое.	8	«Я задумался и — одипокъ остался»	25
«Когда бы, какъ-нибудь, для насъ возможнымъ стало»	9	Будущимъ могиканамъ	26
«Когда тяжелая истома»	10	Dies irae	27
«Да, я усталъ, усталъ».	11	Еще ударъ.	28
Мы—стойки	12	«Кто вамъ сказалъ»	29
«За то, что вы всегда отъ колыбели лгали».	13	Живыя пустыни	30
Въ лабораторіи	14	Двѣ молитвы.	31
Формы и профили	15	«Гдѣ только крикъ какой»	32
Въ больницѣ Всѣхъ Скор- бящихъ	17	«Скажите дереву: ты пере- стань расти»	33
		«Гдѣ только есть земля»	34

	стр.
Въ этнографическомъ музеѣ	35
Голова Робеспьера	36
«Край, лишенный живой красоты»	38
На судоговореньи	39
Воплощеніе зла	41
Въ костелѣ	44
На раутѣ	45
Въ театрѣ	46
«Да, трудно избѣжать»	47

Женщина и дѣти.

«Словно, какъ лебеди бѣ- лые»	51
Пѣсня луннаго луча	52
«Будто мѣсяцъ съ шатра голубого»	53
«О, если-бъ мнѣ хотъ только отраженіе»	54
«Тебѣ обязанъ я святою тишиной»	55
«Утро! Тронулись туманы»	56
«Погасъ заката золотистый трепетъ»	57
«Ты—нѣжнѣй голубки бѣ- локрылой»	58
«Изъ-подъ тѣнистаго куста»	59
«Чуть прохожу я у окошка»	60

	стр.
«Когда, привѣтливо и ве- село ласкался»	61
«Ты сидѣла со мной у окна»	62
«О! Въ моей-ли любви не глубоко»	63
«Я люблю тебя, люблю не- удержимо»	64
«Мнѣ ее подарили во снѣ»	65
«Есть цѣлый міръ въ груди моей»	66
«Свѣтится, въ листьяхъ такъ чудно»	67
«Люблю и тихую задумчи- вость мою»	68
«Идѣть меня при тебѣ»	69
«Объята полной тишиной»	70
Невѣста	71
«Я поставилъ свѣчу»	72
«Когда я въ полночь замѣ- чаю»	73
«Принесите изъ ближнихъ садовъ»	74
«Я ласкаю тебя, какъ лас- кается боръ»	75
«По шопоту глубокой ти- шины»	76
«Создавъ свой міръ въ міру людскомъ»	77
На старый мотивъ	78

	стр.
Разлука	79
«Но погасай хоть ты» . . .	80
«Кто, кто сказалъ»	81
«Весла спустивъ, мы кати- лись, мечтая»	82
«Тебя онъ въ шутку звалъ старушкой»	83
«Возьмите все—не пожа- лѣю!»	84
Въ бурю	85
«Вотъ она, моя дорога» . .	87
Изъ чужого письма	88
Приди!	90
«Философъ»	92
«Въ костюмѣ свѣтломъ Ко- ломбины»	94
«Во всей красѣ на утрѣ лѣтъ»	94
«Въ красотѣ своей долго старѣя»	96
«Часть безконечности» . . .	97
«Слышишь: поютъ по окрест- ности птицы»	99
Къ портрету дѣвочки	101
Обликъ пѣсни	102
Памяти ребенка	103
«Когда, дитя, передо мной»	105
Колыбельная пѣсенка . . .	107
Не можетъ быть	108

Лирическія.

	стр.
«Дай мнѣ минувшихъ годовъ увлеченія»	111
«О, не брани меня»	112
«Часъ ночи! Погасли по окнамъ огни»	114
Послѣдняя слеза	116
«Не трогаютъ меня: ни блескъ обычный дня» . .	118
На чужбинѣ	119
Часы съ курантами	121
Бандуристъ	123
Разбитая шхуна	125
«Нашъ умъ порой, что поло послѣ боя»	127
«Въ немолчномъ говорѣ при- роды»	128
«Вдоль безконечнаго луга»	129
Каріатиды	130
На мотивъ Микель-Анжело	132
Множь	133
На плотинѣ	134
«Мнѣ грезились сны золо- тые»	135
Въ деревнѣ	136
Острая могила	138
Карогагепъ	140
Ночь и день	142

	стр.
«Когда-то въ насъ души на многое хватало»	144
«Въ души шелъ свѣтлый пиръ»	145
Молодежи	146
«Шли путемъ невѣдомымъ»	147
«По небу быстро подни- маясь»	149
Подлѣ сельской церкви . .	150
Камаринская	152
Спѣтая пѣсня	154
Про старые годы	156
«Гдѣ намъ взять веселыхъ звуковъ»	157
«Ох! Отвѣтилъ бы на мечту твою»	158
«Съ моею, чисто русской, жаждой»	159
«Нѣтъ! Слишкомъ ты тѣ- шишься счастьемъ мгно- венія»	160
«Что вамъ въ толковомъ объясненьѣ»	161
Три градин.	162
Прежде и теперь	163
«Когда обширная семья» .	167
Подражаніе Апокалипсису	168
«Нѣтъ, жалко бросить мнѣ на сцену»	172

	стр.
Старый божокъ	174
Студенческія рюмы	175
Искусственная развалина .	176
Анакреонтическіе хоры . .	178

Мгновенія.

Кукла	183
«Гдѣ бы ни унало подлѣ ручейка»	184
«Каждою весною, въ тотъ же самый часъ»	185
«Послѣднія изъ грезъ, и тѣ»	186
Зернышко	187
«Рано, рано! Глаза свои снова закрой»	188
«Отдохните, глаза, закры- ваясь въ ночи»	189
«Что вы, травки малыя» .	190
«Очи внавѣя, ротъ занек- нѣйся»	191
Передъ статуей Богоматери	192
Девятая симфонія	193
«Градины выпали»	194
«Онъ охранялъ твой сонъ»	195
«Я занесъ къ тебѣ съ мо- роза»	196
«Изъ твоего глубокаго на- доя»	197

	стр.		стр.
Черноземная полоса (I—XXXVII)	199	Первый морозъ	256
Мурманскіе отголоски (I—XVI)	227	«Мало свѣта въ нашу зиму»	257
Изъ природы.		Снѣга	258
На рѣкѣ весной	247	Въ лѣсу	259
«Животворящій блескъ весны»	248	Тучи и тѣни	260
Майскимъ утромъ	249	Осенній мотивъ	261
Разсвѣтъ въ деревнѣ	251	Утро	263
Прощаніе лѣта	252	Amaryllis.	264
«Старый плюнь здѣсь ползеть»	253	Жальникъ	265
Въ листопадѣ	254	Утро надъ Невою	267
		Наши птицы	269
		Ель и олива	271
		На озерѣ осенью	273
		Мефистофель (I—X)	275
		Изъ альбома односторонняго чловѣка	295
Пѣсни изъ „Уголка“ (I—LXIV)	313		

ДУМЫ.

НЕ УЛОВИМОЕ.

Неуловимое порою уловимо,
Какъ вѣтеръ, какъ роса, какъ звукъ или кристаллъ!
Все уловимое скорѣи проходитъ мимо,
Чѣмъ чувство, мысль, мечта, сомнѣнье, идеаль!

Богъ создалъ не одинъ, а два великихъ міра:
Міръ, видный для насъ, весь въ краскахъ и чертахъ,
Міръ тяготивій! Отъ камня до эмира
Онъ—въ подчиненіи, въ безсилъѣ и въ цѣпяхъ...

Но подлѣ міръ другой! Изъ мысли человѣка
Отъ вѣка рожденный, онъ, что ни день, растетъ!
Для мысли добрей нѣтъ, и ей вездѣ просѣка,
И тяготивія она не признаетъ.

Въ ней мощь неслѣняя! Повсюду проступая,
Мысль свой особый міръ въ подлунной создала,
И въ немъ она вернеть, мысль Бога воплощая,—
Перукотворныя и вѣчныя дѣла!

Она порой грѣшитъ, смутясь въ исканьи хлѣба...
А все же, кажется, что въ нѣдра душъ людскихъ,
Въ насъ корни нѣкіе спускаются отъ неба,
Свидѣтели судебъ и силъ советъ иныхъ.

НЕВМѢНЯЕМОСТЬ.

Есть въ земномъ твореніи облики незримые,
Глазу незамѣтные, чудеса творящіе,
Странно ненавистные, горячо любимые,
Цѣлый міръ обманчивый въ этотъ міръ вносящіе.

Въ жизни человѣческой, въ важныя мгновенія,
Облики незримые вдругъ обозначаются,
Въ обаяньѣ подвига, въ злобѣ преступленія
Нежданно, негаданно духомъ прозрѣваются.

Съ ними все незримое видимымъ становится,
Въ гробовомъ молчаніи разговоры слышатся,
Что-то небывалое въ жизнь вступить готовится,
Всѣ основы мыслей, какъ тростникъ, колышатся...

Человѣкъ рѣшается... и въ его рѣшеніи
Міръ несуществующій въ обликахъ присутствуетъ,
Онъ зоветъ на подвиги, тянетъ къ преступленію,
И совсѣмъ по-своему вразумивъ—напутствуетъ...

УСТАЛОСТЬ.

Не сынь, но насынокъ, есть чувство въ насъ одно,
Забито бѣдное, обижено оно,
Невзрачнымъ именемъ—усталостью зовутъ...
То чувство, иногда, слѣдь нѣсколькихъ минутъ,
Но, чаще, грузный плодъ тяжелыхъ, долгихъ дней...
Подъ гнетомъ множества пенитанныхъ скорбей,
За потрясеньями измученной души
Изъ ненарушенной святой ея тиши,
Изъ сокровеннѣйшихъ и темныхъ уголковъ,
Изъ незамѣченныхъ до срока тайниковъ
Души страдающей, на свѣтъ пробьется вдругъ
Для неожиданныхъ и дорогихъ услугъ
Усталость и гласитъ: «Поконченъ долгій путь,
Ты сдѣлалъ все, что могъ, а дальне—будь что будь!»

ПРОСТОТА.

Мелкія силы сердечныхъ движеній, —
Сколько испугныхъ, безумныхъ, смѣшныхъ?
Изъ неисчисленныхъ въ сердцахъ стремленій
Зрѣть любой изъ поступковъ людскихъ.

Прежнихъ мытарствъ на себѣ не являя,
Кажется намъ онъ такъ ясенъ, такъ простъ;
Жизнь, намъ сдается, задача простая,
А прослѣдите—мучительный ростъ?

Сколько хорошихъ людей возникало?
Сколько погибло въ напрасной борьбѣ?
Съ тѣмъ только жило и съ тѣмъ умирало,
Чтобъ не помочь ни другимъ, ни себѣ!

НАСЪ ДВОЕ.

Никогда, нигдѣ одинъ я не хожу,
Двое насъ живутъ между людей:
Первый—это я, какимъ я стать на видъ,
А другой—то я мечты моеи.

И одинъ изъ насъ вполне законный сынъ;
Безъ отца, безъ матери—другой;
Вѣчный споръ у нихъ и ссоры безъ конца,
Сонъ придетъ—во снѣ все тотъ-же бой.

Потому-то вотъ, что двое насъ—нельзя,
Мы не можемъ хорошо прожить:
Чуть одинъ изъ насъ устроится—другой
Радъ въ чемъ можетъ только-бъ досадить!

* * *

Когда-бы, какъ-нибудь, для насъ возможнымъ стало
 Вдругъ сблизить то, что въ жизни возникало
 На разстоявьяхъ многихъ-многихъ лѣтъ—
 При дикой красотѣ негданныхъ сближеній
 Для многихъ чувствъ хотѣлось-бы прощенья...
 Прощенья нѣтъ, но и забвенья нѣтъ.

—

Вотъ отчего всегда, вездѣ необходимо
 Прощать другихъ... Для нихъ проходитъ мимо
 То, что для насъ давнымъ-давно прошло,
 Что было куплено большимъ, большимъ страданьемъ
 Что стало ложью, бывши унованьемъ,
 Явилось свѣтлымъ, темнымъ отошло...

~~~~~

Когда тяжелая истома сердце давитъ,
Мечтаемъ: скоро-ль смерть насъ призоветъ ко сну,
Жизнь новыхъ прелестей предъ очи не поставитъ,
Поставивъ, наконецъ, послѣднюю, одну...

Некрополь наша жизнь! Что день, то годовщина
Какихъ-нибудь скорбей, какихъ-нибудь утратъ,
Тоска, отчаянье, сомнѣнье, боль, кручина...
Взглянуть не хочется, обидно бросить взглядъ.

И вотъ, отрезвлены къ концу существованій,
Уносимъ мы съ собой всѣ скорбные листы,
Чтобы сказать: «Господь! Ты знаешь смыслъ дѣяній--
Ихъ не простили здѣсь, а тамъ простишь-ли Ты?»

Да, я усталъ, усталъ, и сердце стѣснено!
О, если-бъ кончить какъ-нибудь скорѣе!
Актеръ, актеръ... Какъ глупо, какъ смѣшно!
И, что ни день, то хуже и смѣшнѣе!
И такъ меня мучительно гнетутъ
И мыслей чадъ, и жажда сновъ прошедшихъ,
И одиночество... Спроси у сумасшедшихъ,
Спроси у нихъ—они меня поймутъ!

МЫ — СТОИКИ.

Да, смерть намъ не страшна, мы это знаемъ;
Мы каждый день немного обмираемъ.
Слабѣютъ чувства, ясность мысль теряетъ,
Надежды гибнуть, вѣра погасаетъ,
И эту правду вѣчныхъ погасаній
Того, что кѣмъ-то, какъ-то зажжено,
Мы величаемъ именемъ призваній...
Смѣшно!

За то, что вы всегда отъ колыбели лгали,
А, можетъ-быть, и не могли не лгать;
За то, что, торопясь, отъ бѣдной жизни брали
Скорѣй и болѣе, чѣмъ жизнь могла вамъ дать;

За то, что съ дѣтскихъ лѣтъ въ васъ жажда идеала
Не въ мѣру чувственной и грубою была,
За то, что васъ печаль порой не освѣжала,
Путемъ раздумія и часу не вела;

Что вы не плакали, что вы не сомнѣвались,
Что святостью труда и бодростью его
На новые труды идти не подвигались,—
Обманутая жизнь—не дастъ вамъ ничего!

ВЪ ЛАБОРАТОРИИ.

Изъ темноты угловъ ея молчащихъ.
 И изъ приборовъ, всюду видныхъ въ ней,
 Изъ книгъ ученыхъ, по шкапамъ стоящихъ,
 Не вызвать въ жизнь ни духовъ, ни тѣней!
 Сквозь рядъ машинъ, вдоль проволокъ привода,
 Духовный міръ явиться не дерзнетъ,
 И свѣтлый силъ въ объятыхъ кислорода
 Въ соединеньѣ новомъ пропадегъ...
 О, сколько правды въ мертвенности этой!
 Но главный выводъ безотвѣтно скрытъ!
 Воображеніе — бредъ мысли подогрѣтой,
 Зачѣмъ молчишь ты и душа молчитъ?
 Лги, лги, мечта, подъ видомъ убѣжденія—
 Не все въ природѣ цифры и пани,
 Міръ чувствъ не рабъ законовъ тяготѣнья,
 И у мечты законы есть свои;
 Имъ власть дана, чтобъ имъ вслѣдъ пробилась
 Иныхъ началъ живучія струи,
 Чтобъ живы стали и зашевелились
 Всѣ эти цифры, мѣры и пани...

ФОРМЫ И ПРОФИЛИ.

Какъ много очерковъ въ природѣ? Сколько ихъ?
Отъ темныхъ пѣдръ земли до края небосклона,
Отъ днѣй гранитовъ и осадковъ мѣловыхъ
До мысли Дарвина и до его закона!

Какъ много профилей проходятъ въ облакахъ,
Въ живой игрѣ тѣней и всякихъ освѣщеній;
Какихъ нѣтъ очерковъ въ молюскахъ и цвѣтахъ,
Въ обличіяхъ людей, народовъ, поколѣній?

А сказки сновъ людскихъ? А грѣзы всякихъ свойствъ
Болѣзней и смертей? А бредъ галлюцината?
Видѣнья мрачныя психическихъ разстройствъ,—
Все братья младшіе въ груди больного брата!

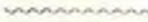
А въ творествѣ людскомъ? О, нѣтъ! Не оглянуть
Всѣхъ типовъ созданныхъ и тѣхъ, что нарождаются;
Людское творчество—какъ въ небѣ млечный путь:
Въ немъ новыя міры безъ усталы родятся!

Міры особые въ одномъ большомъ міру!
А все прошедшее, все, что ушло въ былое...

Да, безконечности одной не-понутру
Скоплять все мертвое и сохранять живое.

Ей, безконечности, одной не совладать
Съ великой дробностью такого содержания.
Когда-бы въ помощь ей безмертья не придать
И неустаннаго, тупого ожиданья.

Но, что мудрёнѣе всего, такъ это—то,
Что ни въ одной изъ формъ нѣтъ столько хлѣбосольтва.
Чтобъ въ ней сказались свобода, миръ, довольство!..
И счастья полнаго не обрѣталъ никто!

ВЪ БОЛЬНИЦѢ ВСѢХЪ СКОРБЯЩИХЪ.

Еще одинъ усталый умъ погасъ...
 Бѣднякъ играть, глухими словами...
 Смѣется!.. Это онъ осмѣиваетъ насъ,
 Какъ въ дни былые былъ осмѣянъ нами.

Слеза мірская въ людяхъ велика!
 Великъ и смѣхъ... Безумные плодятся...
 О, берегитесь вы, кому такъ жизнь легка,
 Чтобы съ безумцемъ вамъ не побораться!

Чтобъ тотъ-же мракъ не опустился въ васъ;
 Онъ ближе къ намъ, чѣмъ кажется порою...
 Да кто-жъ, поистинѣ, скажите, кто изъ насъ
 За долгій срокъ не потемнѣлъ душою?

LUX AETERNA.

Иногда свѣтъ мѣсяца безстрастно озаряетъ
Заснувшій ночью міръ и все, что въ немъ живетъ,
Порою кажется, что свѣтъ тотъ проникаетъ
Къ намъ, въ отомеднѣвшій міръ, какъ подъ могильный сводъ.

И мнится при лунѣ, что міръ нашъ—міръ загробный,
Что гдѣ-то, до того, когда-то, жили мы,
Что мы—не мы, послѣдъ другихъ существъ, подобный
Жилыцамъ безвыходной, таинственной тюрьмы.

И мы спуемъ по ней какими-то тѣнями,
Чужды грядущему и прошлое забывъ,
Въ дремотѣ тягостной, охваченные снами,
Не жизнь—но право жить—какъ-будто сохранивъ...

ЗАРЯ ВО ВСЮ НОЧЬ.

Да, ночью лѣтнею, когда заря съ зарею
 Соприкасаются, сойдясь одна съ другою,
 Съ особой ясностью на памяти моей
 Встасть прошедшее давно прожитыхъ дней...
 Обычный ходъ отъ дѣтства въ возмужалость;
 Ненужный грузъ другимъ и ничего себѣ;
 Жизнь силы и надеждъ, сведенная на шалость,
 Въ самодовольной и тупой борьбѣ;
 Громадность замысловъ какой-то новой славы,—
 Игра лучей въ граненыхъ хрусталяхъ;
 Успѣховъ раннихъ острья отравы,
 И смѣлость бурная, и непонятный страхъ...

* * *

Бой съ призраками конченъ. Жизнь полна.
 Въ ней было все: ошибки и наденья,
 И чадъ страстей, и обалнь сна,
 И слезы горькія больного вдохновенья,
 И жертвы, жертвы... На могилахъ ихъ
 Смириться развѣ?—но смириться больно,
 И жалко мнѣ себя, и жалко силъ былыхъ...
 Не бросить-ли все, все, сказавъ всему: довольно!

И, успокоившись, по торному пути,
Склонивши голову, почтительно пройти?

* * *

А тамъ?—А тамъ смотрѣть съ умѣньемъ знатока,
Смотрѣть художникомъ на вѣрность исполненья,
Какъ истязаются, какъ гибнуть поколѣнья, —
Какъ жить имъ хочется, какъ бѣднымъ смерть тяжка, —
И поощрять дѣтей въ возможности успѣха
Тяжелой хрипотою надтреснутаго смѣха!..

ВЪ КІЕВЪ НОЧЬЮ.

Снитъ пращуръ городовъ! А я съ горы высокой
Смотрю на очерки блестящихъ куполовъ,
Стремящихся къ звѣздамъ надъ уровнемъ домовъ,
Подъ сѣнью темною, лазурной и стоокой.

И Дѣйръ уносится... Его не слышу я,—
За далью не шумитъ блестящая струя.

О, нѣтъ! Не мѣсяцъ здѣсь живой красѣ причина!
Когда-бы волю дать серебрянымъ лучамъ
Скользить въ безбрежности по темнымъ небесамъ,
Ты не явилась-бы, чудесная картина,

И разбѣжался-бы безмолвные лучи,
Чтобъ сплунуть, потонуть въ невѣдомой ночи.

Но тамъ, гдѣ имъ въ пути на землю пасть случилось,
Чтобы свѣтить на то, что въ тягостной борьбѣ,
Такъ или иначе, наперекоръ судьбѣ,
Богъ вѣдаетъ затѣмъ, составилось, сложилось—

Иное тѣмъ лучамъ значеніе имѣть:
Въ нихъ мысль затеплилась! Ей пламенемъ горѣть!

Суть въ созданномъ людьми, ихъ тяжкими трудами,
Въ каменьяхъ, не въ лучахъ играющихъ на нихъ,
Суть въ исчезаньи силъ, когда-то столь живыхъ,
Силъ возникающихъ и гибнущихъ волнами, —

А кроткій мѣсяцъ тутъ, конечно, ни при чемъ
Съ его безсмысленнымъ, серебрянымъ лучомъ.

Да, нѣтъ сомнѣнья въ томъ, что жизнь идетъ впередъ,
И то, что сдѣлано, то сдѣлать было нужно.
Шумить, работасть, надѣется народъ;
Ихъ мелочь радуеть, имъ помнить недосужно...

А все-же холодно и пусто такъ кругомъ,
И жизнь свершается какимъ-то смутнымъ сномъ,
И чуетъ сквозь шумъ великаго движенья
Какой-то мертвый гнетъ большого заустѣнья;

Пугаетъ вѣчный шумъ безумной толчеи
Успѣховъ гибнущихъ, ненужныхъ начинаній
Людей, ошибшихся въ избраніи призваній,
Существъ, исчезнувшихъ, какъ на рѣкѣ струи...

Но не обманчиво-ль то чувство заустѣнья?
Быть-можетъ, устають, какъ люди, поколѣнья,
И жизнь молчитъ тогда въ какомъ-то забытіи.
Она, родильница, встрѣчаетъ боль слезами
И ловитъ блѣдными, холодными губами
Живого воздуха лѣнивыя струи,
Чтобы, слышавъ крикъ рожденнаго созданья,
Вздохнуть и позабыть все, все свои страданья!

НА ПУБЛИЧНОМЪ ЧТЕНІИ.

Когда великій умъ въ часъ смерти погасаетъ,
Онъ за собою вельдѣть потомству оставляетъ,
Помимо всякихъ дѣлъ, еще и обликъ свой,
Какимъ онъ въ жизни сталъ за долгою борьбой..
И вотъ къ нему тогда радѣтели подходятъ,
И, увѣряя всѣхъ, что память мертвыхъ чтутъ,
Въ душѣ погаснувшей съ фонариками бродятъ,
По сокровеннѣйшимъ мечтамъ ея снуютъ,—
Въ догадкахъ, вымыслахъ и выводахъ мудреныхъ
Концунствуютъ при всѣхъ и, на правахъ ученыхъ,
Въ любезномъ чаяннѣ различныхъ благодѣйствъ
Немытою рукой касаются святынь...

* * *

Я задумался и—одинокъ остался;
Полюбилъ и—жизнь великой степью стала;
Дружбу я узналъ и—пламя степь спалило;
Плакалъ я и—василиски парождались.

Сталъ молиться я—пошли по степи тѣни;
Сталъ надѣяться и—свѣтъ небесъ погаснулъ;
Проклялъ я—застыло сердце въ страхѣ;
Я заснулъ—но не нашелъ во снѣ покоя...

Усомнился я—заря зажглась на небѣ,
Звучный ключъ пробился гдѣ-то животворный,
И по степи, неподвижной и алкавшей,
Поросъ новая въ цвѣтахъ зазеленѣла...

~~~~~

БУДУЩИМЪ МОГИКАНАМЪ.

Да, мы, смирясь, молчимъ... въ концѣ концовъ—безспорно!..
 Юродствующій вѣкъ проходить надъ землей,
 Онъ развиваетъ умъ старательно, упорно,
 И надсмѣхается надъ чувствомъ и душой.

Ну, что-жь? Положимъ такъ, что вовсе не позорно
 Молчать сознательно, но заодно съ толпой;
 Въ веселыи чувственности сытой и шальной
 Засмѣивать печаль и шествовать покорно!

Толпа всегда толпа! Въ толпѣ себя не видно;
 Въ могилу заодно сойти съ ней не обидно;
 Но каково-то тѣмъ, кому судьба—старѣть,

И ждать, какъ подрастутъ ниня поколѣнья
 И окружать собой ихъ, ждущихъ отпущенья,
 Послѣднихъ могиканъ, забывшихъ умереть!

DIES IRAE.

Нерѣдко въ сердцѣ боль слышна...
Боль эта—выраженъе связи
Души и тѣла! Силетена,
Какъ буквы строкъ славянской вязи.
Та связь, тѣ боли въ сердцѣ—плодъ
Душой испытанныхъ невзгодъ:
Душа на тѣло повліяла!
И вотъ, когда, какъ то бывало
Въ давно забывшуюся старь,
Въ гирляндѣ свѣжихъ розъ ступая,
Шла жертва Богу предъ алтарь.
Жрецъ говорилъ жрецу: «Ударь!»
И жертва, очи закрывая,
Кончалась... Такъ любой изъ насъ
Предстанетъ жертвой въ пѣкій часъ,
Въ гирляндахъ всѣхъ своихъ страданій,
И смерть, какъ стародавній жрецъ,
Ударитъ въ сердце наконецъ.

ЕЩЕ УДАРЪ.

Еще ударъ судьбы... Хотя оно и грустно,
 Но этотъ всѣхъ другихъ рѣшительнѣй, сильнѣй,
 Онъ неожиданъ былъ, онъ нанесенъ искусно
 Рукою близкаго, и оттого больнѣй!
 И грудь уже не та, какъ нѣкогда бывало,—
 Года осилили и жизнь въ конецъ измяла!

А все-же кажется и вѣрится подчасъ,
 Что въ этой груди есть остатковъ силъ не мало,
 Что будто этихъ силъ, хоть-бы въ послѣднѣй разъ,
 Хоть на одинъ порывъ, но все-же бы достало...
 Такъ, говорятъ, поверженный въ бою
 Глазами тусклыми и видомъ угрожаетъ,
 Сжимаетъ крѣпко длань, вздымаетъ грудь свою,—
 Но эту грудь не вздохъ, а тѣнь поднимаетъ..

* * *

Кто вамъ сказалъ, что ровно половина
Земли, та именно, что въ ночь погружена,
Гдѣ темнота царитъ, гдѣ звѣзды свѣтятъ зримо,
Вся отдана успокоенью сна?

Бессонныхъ множество! Смѣясь, или кляня,

Они проводятъ въ ночь живую ярость дня!

Кто вамъ сказалъ, что ровно половина
Земли вертящейся объята свѣтлымъ днемъ?

А всѣ образчики классической дремоты,

Умовъ охваченныхъ какимъ-то столбнякомъ?!

Нѣтъ! Половъ день земли, въ которомъ бьемся мы,
Духовной полночью, смущающей умы.

ЖИВЫЯ ПУСТЫНИ.

Ясно лазурное небо полудня! И какъ ни гляди—
 Все ничего не увидишь, и все пустота впереди...
 А, между тѣмъ, это небо великою жизнью полно!
 Чуть только вечеръ наступитъ и станетъ немного темно,—
 Звѣзды очертанья безшумно встаютъ, продвигаются въ тьму,
 Есть что увидѣть тогда, есть за что ухватиться уму!
 И оживають, горять міровыя пустыни пространствъ
 Мощной, особою жизнью пылающихъ ярко убранствъ...

Такъ-то бываетъ и въ жизни. Свѣтъ жизни, весь полонъ тѣней,
 Много чудесныхъ явленій какъ-будто скрывается въ ней,
 Намъ, изъ-за множества обликовъ, трудно, нельзя отличить
 То, чѣмъ прекрасна она, что достойно дѣйствительно жить!
 Надо, чтобъ тьма опустилась. Какая? Не все-ли равно!
 Тьма-ли могилы, тьма времени?!—Только-бы стало темно...
 И проступаютъ тогда, разгораясь въ коронахъ лучей,
 Ярко, на диво неожиданно прозрѣвшихъ очей,
 Цѣлыя сферы красотъ безконечно живыхъ,
 Чтобы безмолвно свѣтять въ ночь дѣяній людскихъ...

ДВѢ МОЛИТВЫ.

Молитва Аріевъ древнѣй другихъ! Она,
Тончайшей плотью словъ облечена,
Дошла до насъ. Въ ней просить человекъ,
Чтобъ солнце въ засуху не выпивало рѣкъ,
Чтобъ умножились приплодами стада,
Чтобъ червь не подточилъ созрѣвшаго плода,
Чтобы огонь не пожпралъ жилищъ,
Чтобъ не былъ человекъ болѣзненъ, слабъ и нищъ!

Какая дѣтская въ молитвѣ простота!
Когда сравнишь ее съ молитвою Христа,
Поймешь: какъ много зла на жизненномъ пути
По человечеству должно было возрасти,
Чтобы оно могло понять и оцѣнить—
Божественную мысль, мысль новую... простить!

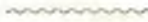
* * *

Гдѣ только крикъ какой раздастся, или стenanье —
Не все-ли то равно: родной, или чужой —
Туда влечетъ меня неясное призванье
Быть утѣшителемъ, товарищемъ, слугой!

Тамъ ищутъ помощи, тамъ нужно утѣшенье,
На пиршествѣ тоски, на шабашѣ скорбей,
Тамъ страждетъ человѣкъ, одинъ во всемъ твореньѣ,
Крушась сознательно въ волненіи зыбей!

Онъ дѣлаетъ круги въ струяхъ водоворота,
Безсильный выбраться изъ бездны роковой,
Безъ права на столбнякъ, на глупость идіота,
И безъ виновности своей, или чужой!

Ему данъ умъ на то, чтобъ понимать крушенье,
Чтобъ обобщать умомъ печали всѣхъ людей,
И чтобъ имѣть свое, особенное мнѣнье,
При видѣ гибели, чужой или своей!

* * *

Скажите дереву: ты перестань расти,
 Не оживай къ веснѣ листьями молодыми,
 Алмазами росы на солищѣ не блести
 И птицъ не осыняй съ ихъ пѣснями живыми;

—

Ты не пускай въ землѣ питательныхъ корней,
 Ихъ гнѣзной облизывай не спорить съ вѣчной тьмою...
 Взгляни на кладбище кругомъ гниющихъ пней,
 На сушь валежника съ умершею листвою.

—

Все это, были дни, возрастало, какъ и ты,
 Стремилось въ пышный цвѣтъ, и зрѣлый плодъ давало,
 Ютило пѣсни птицъ, глядѣло на цвѣты,
 И было счастливо, и счастья ожидало.

—

Умри! Не стоить жить! Подумай и завянь!
 Но дерево растетъ, призывае совершая;
 Зачѣмъ-же людямъ, намъ, дано нарушить грань
 И жизнь свою прервать, цвѣтенья не желая.

Гдѣ только есть земля, въ которой насъ зарюютъ,
Гдѣ въ небѣ облака свои узоры ткуть,
Въ свой часъ цвѣтеть весна, зимою вьюги воютъ,
И отдыхъ сладостный смѣняетъ тяжкій трудъ.

Тамъ есть картины, мысль, мечтанье, наслажденье,
И если жизни строй и злобенъ, и суровъ,
То все-же можно жить, исполнить назначенье;
А гдѣ-же нѣтъ земли, весны и облаковъ?

Но если къ этому прибавить то, что было,
Мечты счастливыя и встрѣчи прежнихъ лѣтъ,
Какъ, другъ за дружкою, то шло, то проходило,
Такая-то жила, такой-то не былъ сѣдъ;

Какъ съ однолѣтками мы время коротали,
Какъ жизни смыслъ и цѣль казались ясны, —
Вы вновь слагаетесь, разбитыя скрижали
Полузабывшихся, но не пропавшихъ, дней.

ВЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ МУЗЕѢ.

За стеклами шкаповъ виднѣются костюмы;
Пращи и палицы и стрѣлы дикарей,
Рядъ масокъ съ перьями, съ хвостами льва и пумы,
Съ клыками, съ камнями въ отверстіяхъ очей!

Большія чучела въ смѣшныхъ вооруженьяхъ,
Ежи какіе-то отъ головы до пятъ,
Разсчитаны на то, чтобы пугать въ сраженьяхъ,—
Совсѣмъ стѣсняющіи и пресмѣшной нарядъ.

Что-жь? Разница не то, чтобы совсѣмъ большая:
Такое пугало въ колючкахъ и ножахъ—
И страны цѣлыя, отъ края и до края
Одѣтыя въ металлъ, всѣ въ пушкахъ и штыкахъ?

Тамъ—человѣкъ одинъ; здѣсь—цѣлые народы,
Себѣ и всѣмъ другимъ мѣшающіе жить...
Но что-же за шкапы имъ нужно, что за своды,
Чтобы, современемъ, въ музеи размѣстить?

ГОЛОВА РОБЕСПЬЕРА.

На полкахъ одного изъ множества музеевъ
 Замѣтенъ длинный рядъ головъ большихъ злодѣевъ,
 Убійцъ, разбойниковъ, внушавшихъ людямъ страхъ,
 И усноковившихся въ постлихъ, на кострахъ.
 Пестро раскрашенные лица восковыя
 Глядятъ изъ-подъ стекла какъ-будто-бы живыя,
 И вѣтъ холодомъ и затхлостью гробовъ
 Отъ блещущихъ очей и выкрашенныхъ лбовъ.

Но между тѣхъ головъ, и лысыхъ, и косматыхъ,
 Безусыхъ стариковъ и женщинъ бородатыхъ,
 Какъ-будто въ чуждую среду занесена,
 Замѣтишь другихъ покоится одна.
 Скула и челюсти жестоко перебиты,
 Но зоркіе глаза безтрепетно открыты,
 Въ нихъ неожиданный, негаданный покой:
 Глядятъ—удивлены, познавши міръ иной...

Нѣтъ, не разбойникъ ты! Ты кровью обливался
За то, что новый складъ судебъ тебѣ мечтался,
И ты отравленъ былъ чудовищной мечтой
Съ ея безжалостной ужасной простотой—
Но силой этой-же чудовищной мечты,
Сказавшейся въ другомъ, въ свой срокъ погибъ и ты.

---

*
* * *

Край лишенный живой красоты,
Въ немъ намеки один, да черты,
Все веясно въ немъ, полно тѣней,
Начиная отъ самыхъ людей;
Если плачутъ—нечаль ихъ мелка,
Если любятъ—такъ любятъ слегка,
Вяль и медлець неискренній трудъ,
Складъ всей жизни изношенъ и худъ,
Вѣчно смутенъ, тревоженъ ихъ взгляды,
Всѣ, какъ-будто, о чемъ-то молчать...
Откровенной улыбки въ нихъ нѣтъ,
Ласки странны, двусмысленъ совѣтъ...
Эта блѣдность породы людской
Родилась изъ природы самой:
Цѣпи мелкихъ, пологихъ холмовъ,
Непривѣтныя дебри лѣсовъ,
Рѣки, льющія волны сквозь сонъ,
Вѣчно сѣрый, сырой небосклонъ...
Тяжкій холодъ суровой зимы,
Дни, безсильные выйти изъ тьмы,
Гладъ пѣмая безбрежныхъ равнинъ—
Рядъ неконченныхъ кѣмъ-то картинъ...
Кто-то думалъ о нихъ, рисовалъ,
Бросилъ кисти и самъ задремалъ...

НА СУДОГОВОРЕНЬѢ.

Тамъ, круглый годъ, почти всегда,
Въ угрюмомъ зданіи суда,
Когда вершигы приходятъ судъ,
Картины грустныя встаютъ;
Встаютъ одна востѣдъ другой,
Съ неудержимой быстротой,
Изъ мыслей, словъ и дѣлъ людскихъ,
Въ чертахъ, до ужаса живыхъ...

И не одинъ ужъ рядъ именъ
Въ синодикъ скорбный занесенъ,
И не съ преступниковъ однихъ
Спадають вдругъ личины ихъ:
Простой свидѣтель, иногда,
Важный судимыхъ п суда;
Важный обоихъ ихъ, порой,
Мы сами, въ общемъ, всей толпой!

Но въ глупахъ всякихъ, всякихъ дѣлѣ,
Подлоговъ, взломовъ, мертвыхъ тѣлѣ,
Безсиьной воли, злыхъ умовъ,
Уродства чувствъ и фальши словъ,
И безконечныхъ вереницъ
Холодныхъ душъ и нервныхъ лицъ,—
Замѣтна общая черта:
Незрѣлой мысли пустота!

ВОПЛОЩЕНІЕ ЗЛА.

Читали-ль вы когда, какъ Достоевскій страждетъ,
 Какъ въ изученіи зла запутался Толстой?
 По людямъ нустозвонъ, а жизнь рѣшеній жаждетъ,
 Мышленье блудствуетъ, безжалостенъ законъ...
 Сплелись для насъ въ вѣнцы блаженства и мученья,
 Подъ оскѣненьемъ ихъ даютъ морщины лбы;
 Какъ зримый признакъ ихъ, свой вѣнчикъ отпущенья
 Уносимъ мы съ собой въ безмолвные гробы.
 Весь смутный бредъ страстей, вся тягота угара,
 Весь жаръ открытыхъ ранъ, все ужасы, вся боль—
 Въ могилахъ гасятся... Могилы—слѣдъ пожара—
 Ояѣ, въ концѣ концовъ, счастливая юдоль!

А все-же надобно бороться, силы множить,
 И если зла нельзя повсюду побороть,
 То властенъ человекъ сознательно тревожить
 Его заразную, губительную плоть.

Пуская мысль на мысль, дѣянье на дѣянье,
 Въ борьбѣ на жизнь и смерть слагать свои судьбы...
 Вѣдь церковь Божія, вѣщая покаянье,
 Не отрицаетъ правъ возмездья и борьбы.

Зло не фантастика, не мнѡѡ, не отвлеченность!
 Добро—не звукъ пустой, не призракъ, не мечта!
 Все древле—бывшее, вся наша современность
 Полна ихъ битвами и кровью залита.
 Ни взвѣсить на вѣсахъ, ни сдѣлать измѣренія
 Добра и зла—нельзя, на то нѣтъ средствъ и силъ.
 Забавно приобѣгать къ чертамъ изображенья;
 Зачѣмъ тутъ—когти, хвостъ, Молохъ, Сатанинъ?
 Легенда древняя зло всячески писала,
 По своему его изображали народъ,
 Испуганная мысль зло въ темнотѣ искала,
 Въ извивахъ пламени и въ пѣдрахъ тучъ и водъ.
 Зачѣмъ тутъ видимость, зачѣмъ тутъ воплощенья,
 Явленія демоновъ, гдѣ медленно, гдѣ вдругъ—
 Когда въ природѣ всей смыслъ каждаго движенія—
 Явленіе зла, страданіе, боль, испугъ...
 И даже чистыхъ думъ чистѣйшіе порывы
 Порой отравой зла на смерть поражены,
 И кажутся добры, привѣтливы, красивы
 Всѣ ухищренія, всѣ козни сатаны.

Какъ свѣта лучъ, какъ мысль, какъ смерть, какъ тяготѣнье,
 Какъ холодъ и тепло, какъ жизнь цвѣтка, какъ звукъ—

Зло несомненно есть. Свидѣтель—все творенье!
 Тутъ временный пробѣлъ въ могущество наукъ:
 Онѣ покажутъ зло когда-нибудь на дѣлѣ...
 Но былъ-бы человекъ и жалокъ, и смѣшонъ,
 Признавъ тотъ обликъ зла, что нѣкогда воспѣли
 Дантъ, Мильтонъ, Лермонтовъ, и Гёте, и Байронъ!

Мѣняются годъ, мечты, народы, лица,
 Но вся земная жизньъ, всё, всё ся судьбы—
 Одна, единая, мельчайшая частица
 Борьбы добра и зла и слѣдствій той борьбы!
 На Пѣтмосѣ, въ свой день, великое видѣнье
 Одишь, изъ всѣхъ людей, воочию видалъ—
 Борьбы добра и зла живое напряженье...
 Паль ницъ... но—призванный писать—живописалъ!

ВЪ КОСТЕЛѢ.

Толна въ костелѣ молча размѣстилась.
 Гудѣлъ органъ, шла мощная кантата,
 Трубили трубы, съ канцеля свѣтилось
 Сѣдоо темя толстаго прелата;
 Стуча о плиты тяжелой булавою
 Ходилъ швейцаръ въ галуниномъ, красномъ платьѣ;
 Надъ алтаремъ, высоко надъ стѣною
 Въ тѣни видѣлось Рубенса «Распятъ»...

Картина цѣнная лишь по частямъ видна:
 Христось, съ чернѣвшей раной прободенья,
 Едва видѣлся въ облакѣ куренья;
 Яснѣй всего блистали съ полотна:
 Бока коня со всадникомъ усатымъ,
 Ярлыкъ надъ старцемъ бородатымъ
 И полногрудая жена...

НА РАУТѢ.

Людишки чахлые,—почти любой съ изъязномъ!
Одно имъ нужно: жить и не тужить!
Тутъ мальчикъ съ пальчикъ былъ-бы великаномъ,
Когда-бъ ихъ по уму и силѣ чувствъ сравнить.
А между тѣмъ, все то, что тѣшитъ взоры,
Все это держится усилъями подпоръ:
Не домъ стоитъ—стоятъ его подпоры;
Его прошедшее—пасмѣшка и позоръ!
И можетъ это все въ одно мгновенье сгинутъ,
Упорно держится Богъ вѣдаетъ на чемъ!
Не молотомъ хватить,—на биржу вексель кинуть—
И онъ развалится, блестящій, старый домъ...

ВЪ ТЕАТРѢ.

Они тѣнь Гамлета изъ гроба вызываютъ,
 Маркиза Позы рѣчь на музыку кладутъ,
 Христа Спасителя для сцены сочиняютъ,
 И будетъ итъ Христосъ такъ, какъ и тѣ поютъ.

Уродовъ буффонадъ съ хвостатыми тѣлами,
 Одѣтыхъ въ бабочекъ и въ овощи земли,
 Кривыхъ подагриковъ съ наростами, съ горбами
 Они на Божій свѣтъ, состряпавъ, извлекли.

Больной фантазіи большыя порожденья,
 Одно другихъ пошлѣй, одно другихъ срамнѣй,
 Явился въ міръ искусствъ плодами истощенья,
 Когда-то здравыхъ силъ пролгавшихся людей.

Толпа валить смотрѣть. Причиною понятной—
 Всѣ эти пошлости не трудно объяснить:
 Толпа, въ нелѣпости, какъ море необъятной,
 Нелѣпость жизни жаждетъ позабыть.

---

*
*   *
*

Да, трудно избѣжать для множества людей
Вліянья творчествомъ отмѣченныхъ идей,
Вліянья Рудинныхъ, Раскольниковыхъ, Чацкихъ,
Обломовыхъ! Гнетутъ!.. Не тотъ-же-ль гнетъ цѣпей,
Но только умственныхъ, совсѣмъ не тяжкихъ, братскихъ...
Художникъ выкроилъ изъ жизни силуэтъ;
Онъ, собственно, ничто, его въ природѣ нѣтъ!
Но слабый человѣкъ, безъ долгихъ размышленій,
Беретъ готовыми птоги чуждыхъ мнѣній,
А мнѣніямъ своимъ нѣтъ мѣста прорасти,—
Какъ наутиною всѣ затканы пути
Простыхъ, не ломанныхъ, здоровыхъ заключеній,
И надъ умомъ его—что день, то гуще тьма
Созданій мощнаго, не своего ума...

ЖЕНЩИНА и ДѢТИ.

* * *

Словно какъ лебеди бѣлые
 Дремлютъ и очи сомкнули,
 Тихо качаясь надъ озеромъ, —
 Такъ ея чувства уснули...

Словно какъ лотосы пѣжные,
 Лики сокрывъ восковые,
 Снять надъ глубокой пучиною, —
 Грезы ея молоды...

Вы просыпайтесь, лебеди,
 Тропьте струю голубую!
 Вы раскрывайте-же, лотосы,
 Вашу красу восковую!

Въ небѣ заря, утро красное...
 Здѣсь я... и жду пробужденья,
 Свѣтомъ любви озарямый
 Въ тихой мольбѣ пѣснопѣнья.

ПѢСНЯ ЛУННАГО ЛУЧА.

Свѣтлой искоркой въ окошко
 Мѣсяць къ дѣвункѣ глядитъ...
 «Отвори окно немножко», —
 Мѣсяць тихо говоритъ.

«Дай прилечь вдоль бѣлыхъ складокъ
 Гостю, лунному лучу,
 Вѣрь мнѣ: все придетъ въ порядокъ
 Чуть надъ сердцемъ посвѣчу!

«Успокою всѣ сомнѣнья,
 Всю печаль заговорю,
 Всѣ мечты, всѣ помышленья,
 Даже сны посеребрю!

«Что увижу, что замѣчу,
 Я и звѣздамъ не шепну,
 И вернусь къ зарѣ навстрѣчу,
 Поблѣднѣвши, на луну...»

Будто мѣсяцъ съ шатра голубого,
Ты миѣ въ душу глядишь, какъ въ ручей...
Онъ струится, журча безтолково
Въ чистомъ золотѣ горныхъ лучей.

Искры блещутъ, что риза живая...
Какъ былъ тѣмень и мраченъ родникъ —
Какъ зажегся ручей, отражая
Твой живой, твой трепещущій ликъ!..

О, если-бъ мнѣ хотъ только отраженъе,
Хотъ слабый свѣтъ твоихъ чудесныхъ сновъ,
Мнѣ засвѣтило-бъ въ сердцѣ вдохновенье,
Взошла заря надъ теменною годовъ!

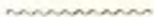
Въ струяхъ отзвучій яркихъ иъснопѣній
Въ живой любви съ тобой объединень,
Какъ мысль, какъ духъ, какъ безтѣлесный геній,
Отъ жизни взять—я перешелъ-бы въ сонъ!

Тебѣ обязанъ я святою тишиной,
Столь непривычною дунѣ моей больной;
Тобой единою вся эта тишина
Мнѣ незаслуженно, какъ Божій даръ, дана.

И если ангелы, чтобъ на землю сойти,
Имѣютъ тихіе, завѣтные пути,—
Я вѣрю, чувствую,— я сознавалъ не разъ:
Они, незримые, проходятъ возлѣ насъ.

Утро! Тронулись туманы
И надъ лѣсомъ понеслись,
Въ терема, въ дворцы сложились
И огнями разожглись!

Чью-бы душу молодую
Силой чаръ зачлонишь,
И въ воздушные чертоги
Искръ и злата поселить?

Зналъ бы я одну... Но, знаю:
Вмѣстѣ съ облачкомъ уйдетъ
И не мнѣ на грудь и въ душу
Теплымъ дождикомъ падеть!

A decorative wavy line, resembling a stylized cloud or a flourish, located at the bottom of the page.

Погасъ заката золотистый трепеть....
Звѣзда вечерняя глядитъ изъ облаковъ....
Лѣсной ручей успилъ робкій лепетъ
И шопотъ слышится отъ темныхъ береговъ!

Не долго ждать, и станетъ ночь темѣе,
Зажжется длинный рядъ всѣхъ, всѣхъ ея лампадъ,
И міръ заснетъ... Предстань тогда скорѣе!
Пусть мы безумные.... Пускай лобзанья — ядъ!

* * *

Ты нежный голубки белокрылой,
Ты—рубинъ блестящій, огневой!
Вѣднѣй духъ мой, столько лѣтъ унылый,
Краской жизни рдѣть предъ тобой.

Въ тихомъ свѣтѣ кроткаго сіянья,
Давнихъ дней въ прозрачной глубинѣ,
Возникаютъ снова очертанья
Прежнихъ чувствъ, роившихся во мнѣ.

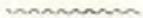
Можно-ль вѣрить—вѣрить умъ не смѣетъ!—
Будто этотъ нашихъ чувствъ расцвѣтъ, --
Будетъ день,—пройдетъ и поблѣднѣетъ,
Погрузившись въ мертвый холодъ лѣтъ..

Изъ-подъ тѣнистаго куста
Съ подстилкой моховою,
Фіалокъ темныхъ я нарвалъ,
Увлажненныхъ росою!

Принесъ къ тебѣ ихъ! Съ лепестковъ
Прохладой почи вѣтьть...
Твой добрый взглядъ, твой милый взглядъ
Ихъ теменью темнѣть!

* * *

Чуть прохожу я у окошка,
Въ немъ замѣчаю каждый разъ
Изъ-за гераній и горошка
Живую пару черныхъ глазъ.

И я напрасно жду отвѣта,
И не пойму я: что прочиѣй —
Нарядъ цвѣтовъ въ разгарѣ лѣта,
Иль этотъ жгучій блескъ очей?

---

* * *

Когда, привѣтливо и весело ласкаясь,
Глазами полными небеснаго огня,
Ты, милая моя, головкой наклоняясь,
Глядишь на дремлющаго въ забытїи меня —

Струи младенческаго, свѣжаго дыханья
Лицо горячее мнѣ нѣжно холождать,
И, сквозь видѣнья сна и въ попотѣ молчанья,
Сердца въ обоихъ насъ такъ медленно стучать —

О, заслони, закрой головкою твоею
Весь міръ, прошедшее, смыслъ завтрашняго дня,
Мечту и мысль... О заслони ты ею
Меня, мой другъ, отъ самого меня...

Ты сидѣла со мной у окна.
Всѣ дома въ темнотѣ потонули.
Вдругъ, глядимъ: заалѣла стѣна,
Искры свѣта по окнамъ мелькнули.

Видимъ: факелы тащутъ, гербы,
Ордена на подушкахъ съ кистями,
Въ мрачныхъ ризахъ шагаютъ нины
И чернятъ въ огняхъ клобуками;

Дроги, гробъ! И отъ гроба въ огнѣ
Будто зарево насъ освѣщало...
Ты такъ быстро склонилась ко мнѣ,
Жить желая, во что бы ни стало!

---

* * *

О, въ моей-ли любви не глубоко!
Ты мнѣ въ сердце, голубка, взгляни:
Сколько зависти въ немъ и порока!?
И какіе пылають огни!?

Въ тѣхъ великихъ огняхъ, недвижима,
Вся въ священномъ дыму алтарей,
Ты, какъ идолъ пылающій, чтима
Безиредѣльной любовью моей...

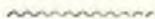
Я люблю тебя, люблю неукротимо
Я стремлюсь къ тебѣ всей, всей моею душой!
Сердцу кажется что міръ проходитъ мимо,
Нѣтъ, не онъ идетъ — проходимъ мы съ тобой.

Жизнь, сближая этихъ, этихъ разлучая,
Шутить съ юностью нерѣдко невпопадъ!
Если искренне обниму тебя я —
Можетъ-быть, что насъ тогда не разлучать...

* * *

Мнѣ ее подарили во снѣ;
 Я проснулся—и нѣтъ ея! Взяли!..
 Слышу: ходять часы на стѣнѣ, —
 Всталъ и я, потому что всѣ встали.

И брожу я весь день, какъ шальной,
 И гдѣ вижу, что люди смѣются, —
 Мнится мнѣ: это смѣхъ надо мной,
 Потому что нельзя мнѣ проснуться!

Есть цѣлый міръ въ груди моей!
Въ немъ зѣмли есть, моря,
Толпы несмѣтныхъ людей,
Два, три большихъ царя!

Чудна растительность мечты
У міра моего,
А солнце... Солнце, это ты...
Живишь и жжешь его!

Свѣтится въ листьяхъ такъ чудно!
Тѣшится солнечный лучъ!
Солнце въ туманахъ играетъ
Въ рамкахъ блуждающихъ тучъ!

Рамки подвижны, красивы...
Глянетъ то въ эту, то въ ту,
Выставить ликъ свой и смотреть,
Знаетъ свою красоту.

Ты моя жизнь, мое солнце!
Если-бы тучей я былъ,
Ликъ твой во мнѣ бы свѣтился
И, засвѣтись, опалилъ...

Люблю я тихую задумчивость мою,
Недавно купленную тяжело цѣною:
То, что тебя, мой другъ, признать я за свою,
Сказалось во мнѣ глубокою тоскою,
И мой веселый смѣхъ безвременно затихъ...
Но, вѣрь, голубка, вѣрь, кляпуть, что не возьму я,
За лживость твоего живого поцѣлуя
Всей правды мертвенной устъ скромныхъ, но другихъ!

* * *

Иѣтъ меня при тебѣ, когда въ свѣтломъ окнѣ
Мой цвѣтокъ распускается цвѣтомъ своимъ,
И изъ всѣхъ лепестковъ, отвѣчая веснѣ,
Льетъ живой ароматъ подъ дыханьемъ твоимъ,
И ты помнишь меня, и ты дышишь надъ нимъ!

Иѣтъ меня при тебѣ, когда въ темномъ углу
Ждетъ гитара моя, временами звеня;
Ты поешь, пропуская по ткани иглу.
Пѣсню я сочинилъ, и ты слышишь меня!
Это я при тебѣ въ замираніи дня...

---

* * *

Объята полной тишиной.
Безмолвна ты, какъ храмъ пустой!
Все въ храмѣ есть: престолъ, иконы,
Паникадила и амвоны,
На цѣнныхъ люстрахъ рядъ свѣчей—
Но нѣтъ огней въ немъ, нѣтъ людей...
На спротивлющій престолъ
Надѣтъ пылящійся чехолъ...
Одна святая тишина
Царить по храму призвана—
Царить вездѣ, по всемъ угламъ,
Служа невѣдомымъ богамъ...

НЕВѢСТА.

Въ пышномъ гробѣ меня разукрасилъ,—
А ужъ я-ли красой не цвѣла?
Восковыми свѣчами обставили,—
Я и такъ безконечно свѣтла!

Мѣдью темной глаза придавили мнѣ —
Чтобы глянуть они не могли;
Чтобы сердце во мнѣ не забилося,—
Образочкомъ его нагнели!

Чтобъ случайно чего не сказала я,—
Краткій срокъ положили — три дня!
И цвѣтами могилу засыпали,
И цвѣты придумали меня...

Я поставилъ свѣчу передъ образомъ...
Наклонилась и быстро горить!..
Иль рука та, что ставила, дрогнула?
Каплетъ воскъ и, какъ слезы, бѣжитъ!

Иль сказалась молитва не искренно?
Иль любить не умѣю сполна?!..
Погасилъ я свѣчу передъ образомъ...
Пусть не плачетъ такъ жарко она...

Когда я въ полночь замѣчаю
Тебя на блещущемъ лугу,
Молчу, дыханье замедляю
И наглядѣться не могу.

И велико во мнѣ сомнѣнье,
Что свѣтлыхъ звѣздъ шатеръ живой
Природы дивное явленье,
А не корона надъ тобой!

Принесите изъ ближнихъ садовъ
Распустившихся за ночь цвѣтовъ
И пускай ихъ роскошный нарядъ
Потѣшаетъ дѣвическій взглядъ
Блескомъ красокъ, игрой лепестковъ.
Вереицей мечтаній безъ словъ...

Если-жъ ночь ея очи сомкнетъ,
Цвѣтъ цвѣтовъ для нея пропадетъ,
Духъ цвѣтовъ, ароматовъ волна
Пусть проникнуть въ видѣнїя сна
И меня въ этотъ сонъ золотой
Занесутъ съ благодатной волной...

Я ласкаю тебя, какъ ласкается боръ
Шумной бурею въ темень одѣтой!
Налетаетъ она, покидая просторъ,
На устахъ своихъ съ пѣсней запѣтой.

Пѣсня бури сильна! Чуть въ листву залетитъ—
Жизнь лѣспую до пѣдръ потрясаетъ,
Рветъ умершую вѣтвь, блеклый листъ не падитъ,
Все отжившее на земь кпдасть...

И ты бурю за пѣсню ея не кори,
Нѣтъ въ ней злобы, любви къ разрушенью:
Очищаетъ прогалины краскамъ зарю
И просторъ соловьиному пѣнью...

По шопоту глубокой тишины
Надъ нами ткуть свои рисунки сны,
И всѣ они на тотъ-же самый ладъ
О счастья мнѣ, о свѣтломъ говорить.

Повѣдай мнѣ, словечко оброни:
Такіе-ли и у тебя они,
Не тотъ-же-ли чуть слышимый сердца бой
Рисуетъ ихъ въ мечтѣ и надъ тобой?

Что видишь въ нихъ, что жаждешь увидеть?
Могу-ли я во слѣдъ тебѣ мечтать?
Какая ночь волшебной тишины!..
О говори-же мнѣ скорѣй: что шепчутъ сны?

Создавъ свой міръ въ міру людскомъ,
Глубокой тайною хранимы,
Съ тобой мы въ жизни шли вдвоемъ,
Ни для кого неувимы.
Разстались мы! Пришелъ конецъ...
Но я, несчастливый бѣглець,
Свободенъ былъ недолго... Снова
Пришлось другую власть признать
И, ей въ угоду, страсть былого,
Тебя—хулить и отрицать!..

A decorative wavy line, resembling a stylized wave or a flourish, located at the bottom of the text block.

НА СТАРЫЙ МОТИВЪ.

Промчались годы. Я забылъ,
Забылъ я, что тебя любилъ,
Забылъ за счастьемъ въ гоньбѣ,
Что нуженъ памятникъ тебѣ...

Я жилъ еще; любилъ опять!
И сталъ твой образъ вновь мелькать,
И съ каждымъ днемъ въ дунѣ моей
Пришлецъ становится яснѣй.

Уста, которыхъ больше нѣтъ,
Мнѣ шлютъ попрежнему привѣтъ...
Хоть и засыпаны пескомъ,
Глаза, какъ прежде, жгутъ огнемъ...

Теперь я самъ, какъ погляжу,
Тебѣ гробницею служу
И Бога мощною рукой
Поставленъ думать надъ тобой!

РАЗЛУКА.

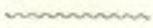
Ты понимаешь-ли послѣднее прости?
Мірѣ цѣлый рушится и новыи возникаетъ...
Найдутся-ль въ новомъ свѣтѣе пути?
Весь въ неизвѣстности лежитъ онъ и пугаетъ.
Жизнь будетъ-ли сильна настолько, чтобъ опять
Дохнуть живымъ тепломъ мнѣ въ душу ледяную?
Иль, можетъ-быть, начавъ, какъ прежде, обожать
Я обманусь, принявши грезу злую
За правду и начавъ вновь вѣрить, вновь мечтать
О чудной красотѣ своихъ же измысленій,
Почтѣ огнемъ молитвенныхъ стремленій
Рядъ нестрыхъ вымысловъ, нѣсколько не святыхъ,
И этимъ вызову насмѣшку устъ твоихъ?

Не погасай хоть ты,—ты, пламя золотое,—
 Любви негаданной послѣдній огонекъ!
 Ночь жизни такъ темна, покрыла все земное,
 Все пусто, все мертво, и ты горинь не въ срокъ!
 Но чѣмъ темнѣе почь, сильнѣй любви сіянье;
 Я на огонь иду, и я идти хочу...
 Иду... Мнѣ все равно: свои-ли я желанья,
 Чужія-ль горести въ пути погой топчу,
 Родныя-ль подъ ногой могилы поппраю,
 Назадъ-ли я иду, иду-ли я впередъ,
 Не правъ я или правъ,—не вѣдаю, не знаю
 И знать я не хочу! Меня судьба ведетъ...
 Въ движеніи этомъ жизнь такъ ясно ошутима,
 Что даже мысль о томъ, что и любовь—мечта,
 Какъ тысячи другихъ мелькаетъ мимо, мимо,
 И легче кажется и мракъ, и пустота...

Кто, кто сказалъ, что только лишь въ очахъ
Ликъ женскій блещетъ силой выраженья?
Нѣтъ, нѣтъ! Задумчивость густого отъщенья
Роскошныхъ косъ на мраморныхъ плечахъ,
Улыбка томная и блескъ зубовъ жемчужныхъ,
И стройныя черты красиваго лица —
Важнѣ глазъ, какъ-будто и ненужныхъ,
Сулятъ особый міръ блаженства безъ конца
И говорятъ: — «Нашъ міръ чудесенъ, необъятенъ,
Избыткомъ радостей невѣдомо глубокъ...»
Не такъ-ли иногда шумитъ вдали потокъ,
Очамъ незримъ, но слышенъ и понятенъ?

Весла спустивъ, мы катились, мечтал,
Сонной рѣкою по волѣ челна;
Наши подвижныя тѣни, качал,
Спать собираясь, дробила волна.

Тѣни росли, удлиняясь къ востоку,
Вышли на берегъ, на пашни, на лѣсъ —
И затерялись, незримыя оку,
Гдѣ-то, должно-быть, за краемъ небесъ...

Тѣни! Спасибо за то, что пропали!
Много-бы васъ разглядѣло людей;
Слишкомъ бы много они увидали
Въ трепетныхъ очеркахъ этихъ тѣней...

Тсбя онъ въ шутку звалъ старушкой,
Тобою жилъ для добрыхъ дѣлъ,
Тобой былъ весель за нярушкой,
Тобой былъ честенъ, гордъ и смѣлъ!

Въ него глаза твои свѣтили...
Такъ лучъ, въ глубь церкви зароненъ,
Идетъ по длинной лентѣ пыли
Играть надъ ризами иконъ.

Погасла ты, и лучъ затмился,
Мракъ чловѣка обуялъ,
И не повѣрить: какъ свѣтился
Въ той тьмѣ кромѣшной—идеаль?!..

Возьмите все—не пожалю!
Но одного не дамъ и взять—
Того, какъ счастливъ былъ я съ нею,
Начавъ любить, начавъ страдать!

Любви роскошныя странницы
Ихъ дважды въ жизни не прочесть,
Какъ стаѣ странствующей птицы
На то-же взморье не присѣсть.

Другія волны, нарождаясь,
Дадутъ отливъ другихъ тѣней,
И будетъ солнце, опускаясь,
На цѣлый, длинный годъ старѣй.

А птицамъ въ сроки перелетовъ
Придется убыль понести,
Убавить путниковъ со счетовъ
И растерять ихъ по пути...

ВЪ БУРЮ.

Я пріѣхалъ къ тебѣ по Леману;
 И сердить, и взволнованъ Леманъ!
 И одѣлись савойскія альпы
 Въ темносѣрый, свинцовый туманъ.

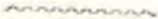
Въ небесахъ разыградася буря,
 Изъ ущелій гудятъ голоса;
 Опалилъ мнѣ лицо мое вѣтеръ,
 Растрепалъ онъ мои волоса...

И гуляли могучія волны,
 Я надъ ними веселый скользилъ,
 И съ вершинъ ихъ по пѣнистымъ скатамъ
 Глубокò, глубокò уходилъ.

Буря шла и въ тревожномъ величѣ
 Раздавить собиралась меня;

Только смерть отъ меня сторонилась —
Быль я весель и полонъ огня.

И я вѣрилъ, что мнѣ не погибнуть,
Что я кончу назначенный путь,
Что я долженъ предстать предъ тобою,
И нельзя мнѣ, нельзя утонуть!

Вотъ она, моя дорога,—
Въ даль далекую манить...
Только—съ пвой у порога,
Подлѣ домикъ твой стоитъ.

—

Точно руки, простираетъ
Ива вѣтви вдоль пути
И пройти мнѣ въ даль мѣшаетъ,
Чуть задумаю пройти.

—

Днемъ пытался—силъ не хватить...
Ночью... Ночью я бы могъ,
Да вотъ тутъ-то кто-то схватить
И поставить на порогъ.

—

Ну, и взмолишься у двери:
Ты пусти меня, пусти!
Ночь... разбойники и звѣри
Разгулялись на пути!

~~~~~

ИЗЪ ЧУЖОГО ПИСЬМА.

Я пишу тебѣ, мой добрый, славный, милый,
Мой хорошій, ненаглядный мой!
Скоро-ль глянетъ часъ свиданья легкокрылый,
Возвратятся счастье и покой!

Иногда, когда кругомъ меня все ясно,
Свѣтлый вечеръ безмятежно тихъ,
Какъ бы я тебя къ себѣ прижала страстно,
Ты, любимецъ свѣтлыхъ сновъ моихъ!

Мнѣ хотѣлось-бы, чтобъ все, что сознаю я,
Ставъ звѣздой, съ вечернею зарей
Понеслось къ тебѣ, зажгло для поцѣлуя,
Такъ, какъ я зажглась теперь тобой!

Напиши ты мнѣ, бываетъ-ли съ тобою
Какъ со мной, не знаю отчего,

Я стремлюсь къ тебѣ всею, всею моею душою,
Обнимаю я тебя всего...

Напиши скорѣе: я тебѣ нужна-ли
Такъ, какъ ты мнѣ? Но, смотри не лги!
Рвень-ли письма, чтобъ другіе не читали?
Рви ихъ мельче и скорѣе жги.

И теперь... Но пѣтъ, мой зовъ совсѣмъ напрасень;
Сердце бьется, а въ глазахъ темно...
Вижу, почеркъ мой становится неясень...
Завтра утромъ дошину письмо...

П Р И Д И !

Дѣти спать. Замолкнулъ городъ шумный,
И лежитъ кругомъ по саду мгла!
О, теперь я счастливъ, какъ безумный,
Тѣло бодро и душа свѣтла.

Торопись, голубка! Ты теряешь
Часъ за часомъ! Звѣздъ не сосчитать!
Демонъ самъ съ Тамарою, ты знаешь,
Въ ночь такую думалъ добрымъ стать...

Спитъ заливъ, какимъ-то духомъ скованъ,
Вѣтра нѣтъ, въ травѣ роса лежитъ;
Полный мѣсяцъ, словно очарованъ,
Высоко и радостно дрожить.

Въ хрусталѣ полуночнаго свѣта
Сводомъ темнымъ дремлетъ садъ густой;

Мысль легка, и сердце ждетъ отвѣта!
Ты молчишь? Скажи мнѣ, что съ тобой?

Мы прочтемъ съ тобой о Паризинѣ,
Пѣсней Гейне очаруемъ слухъ...
Вѣрь, клянусь, я твой навѣкъ отнынѣ;
Клятву далъ я, и не дать мнѣ двухъ.

Не блѣдный! Послушай, ты теряешь
Часъ за часомъ! Звѣздъ не сосчитать!
Демонъ самъ съ Тамарою, ты знаешь,
Въ ночь такую думалъ добрымъ стать...

ФИЛОСОФЪ.

Мплая, ты меня просишь,
 Чтобъ тебѣ посвящать
 Въ тайны той темной науки,
 Что я хотѣлъ изучать!

—
 Слушай: какой-то философъ,
 Видно—больной лежебокъ,
 Много поставить вопросовъ,
 Ну и скончался въ свой срокъ.

—
 Въ книгахъ, объемомъ грозящихъ,
 Бился старикъ о закладъ:
 Міръ нашъ составленъ изъ спящихъ,
 Глазу незримыхъ монадъ.

—
 Въ лѣстницѣ сонной природы,
 Въ мягкихъ подушкахъ нескотъ,

Спать всѣхъ кампьевъ породы,
Спать—и не вѣдаютъ сновъ;

Спать, какъ они, и растенья;
Только у нихъ, иногда,
Рѣютъ и зрѣютъ видѣнья,
Не оставляя слѣда;

Рѣзче, въ рисункахъ безплотныхъ;
Въ грѣзахъ какъ-будто живыхъ,
Дремлетъ все царство животныхъ,
Люди—испѣе другихъ!

Старецъ солгалъ, поучая:
Тотъ, кто—влюбленный—сидитъ,
Съ милою ночь коротая,
Тотъ, несомнѣнно, не спитъ...

Въ костюмѣ свѣтломъ Коломбины
Лежала мертвая она,
Прикрыта вскользь, до половины,
Тяжелой завѣсью окна.
И маска нѣ сторону сбилась;
Полуоткрытъ поблѣкшій ротъ...
Чего тѣмъ ртомъ не говорилось?
Теперь онъ въ первый разъ не лжетъ!

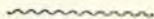

Во всей красѣ, на утрѣ лѣтъ
Толпѣ ты кажешься видѣньемъ!
Молчанье первымъ впечатлѣньемъ
Всегда идетъ тебѣ во слѣдъ!

Тебѣ дано въ молчаньи этомъ
И въ удивленіи людей
Ходить, какъ блещущимъ кометамъ
Въ недвижныхъ сферахъ изъ лучей.

И, какъ и всякая комета,
Смущая блескомъ новизны,
Ты мчишься мертвымъ комомъ свѣта
Путемъ, лишеннымъ прямизны!

Въ красотѣ своей долго старѣя,
Ты чаруешь людей до сихъ поръ!
Хороши твои плечи и шея,
Увлечателенъ, быстръ разговоръ.

Бездна вкуса въ богатой одеждѣ;
Въ обращеніи изящно-вольна!
Чѣмъ-же быть ты должна была прежде,
Если ты и теперь такъ пышна?

Въ силу хроникъ, давно ужъ открытыхъ,
Ты ходячій, живой мавзолей
Ряда цѣлаго слугъ именитыхъ,
Разорившихся въ службѣ твоей!

И гляжу на тебя съ уваженьемъ:
Ты финансовой силой была,
Капиталы снабдила движеньемъ
И, какъ воскъ, на огнѣ извела!

Часть безконечности — въ прошлое годъ закатился...
 Женщину знаю одну; кто она — не скажу, я солгу!
 Къ Новому Году какимъ бы желаньемъ я ей прислужился?
 Что бы сказалъ изъ того, что желать и сказать ей могу?!
 Я бы сказалъ, подойдя къ ней, смотри въ ея глазки,
 Я бы сказалъ ей, какъ-будто отецъ своей дочкѣ родной:
 «Слушай! Останься, какъ эта царица таинственной сказки—
 «Неизмѣнима временемъ съ вѣчною своею красотою!
 «Все хорошо у тебя, потому что сама ты не знаешь,
 «Что хорошо у тебя... Ты живешь — какъ живетъ тебѣ;
 «Ты говоришь — такъ, какъ думаешь; думаешь такъ, какъ
мечтаешь...
 «Это такъ рѣдко, родная... О, будь благодарна судьбѣ!
 «Будь благодарна за то, что пока въ тебѣ чувство играло,
 «Сердца оно не разбило, слезой не ослабило глазъ...
 «Сильное чувство, родная, тебя до сихъ поръ миновало;
 «Истинно сильное чувство родится одинъ только разъ!
 «Нѣтъ, я не смѣлъ-бы, отдавшись тебѣ, обязать быть моею!
 «Если не мнѣ, такъ другимъ освѣщай долгій путь...

«Ты... ты изъ тѣхъ, что прекрасны свободой своею;
«Этой свободы лишить—значить то-же, что смертьюдохнуть!..
«Жизнь-ли моя виновата, а можетъ и самъ я причина, —
«Только — тебѣ я не ровень... Я знаю: я весь — полутѣнь;
«Я, точно родина наша — безбрежная гладь да равнина,
«Только мѣстами сіяютъ кресты на церквахъ деревень . »

Слышишь: поютъ по окрестности птицы;
Вдоль по дорогѣ колеса стучать;
Ясно несется къ намъ въ блескѣ денницы
Звукъ колокольчиковъ вышедшихъ стадь.

Видишь, какъ тѣнь подъ древесною сѣнью
Кружевомъ ходить и быстро скользить...
Видишь: трава подъ подвижною тѣнью,
Тоже колыхается, гнется, блеститъ!..

О, отвѣчай мнѣ! Въ желаньяхъ могучихъ
Сердце въ груди такъ восторженно бьетъ!
Да! Подъ сіяніемъ глазъ твоихъ жгучихъ
Всѣмъ цвѣтамъ душа зацвѣтетъ!

О, отвѣчай! И, забывши тревогу,
Такъ буду счастливъ я съ этого дня,
Такъ буду весель, что людямъ и Богу
Весело будетъ глядѣть на меня!

КЪ ПОРТРЕТУ ДѢВОЧКИ.

Словно какъ рамочкой бѣлыхъ цвѣтовъ окружило
Милую эту, живую головку дитяти!
Счастье весенней поры тутъ картинку сложило,
Все въ ней прелестно, разумно, на мѣстѣ и кстати;
Дождикъ—шутникъ,—онъ принудилъ ребенка укрыться,
Солнце старательно свѣтитъ, цвѣты озаряя,
Сами цвѣты, чуть успѣли поутру раскрыться,
Каждый, что личико, блещутъ подъ ласкою мая!

—

Лучше-же всѣхъ ихъ—ты, чуткое сердце людское,
Что отозваться на эту картинку пригодно,
Можешь подмѣтить се, отличить сквозь пустое,
Скучное шествіе жизни и можешь свободно,
Въ шествіи времени выбравъ одно лишь мгновенье,
Силою творчества сдѣлать мгновенье безсмертнымъ,
Въ правдѣ искусства повѣдавъ, что жизнь—не лишенье
Счастья и цвѣта, что радость возможна и смертнымъ!

ОБЛИКЪ ПѢСНИ.

Ты заной, ребенокъ милый,
Пѣсю... Какъ ея слова?
Ту, что, помнишь, мать пѣвала,
Какъ была она жива.

Я той пѣсни, славной пѣсни,
Забываю складъ и ладъ,
Ты-же всю, малютка помнишь...
Пой, дити, я слушать радъ.

Пой, а я по синимъ глазкамъ
И по голосу—начну
Вспоминать, сзывать и строить
Золотую старину...

Пусть звучить, плыветь и блещетъ
Изъ-за слезъ моихъ очей
По тебѣ, мой сиротинка,
Обликъ матери твоей.

ПАМЯТИ РЕБЕНКА.

Ты ребенка въ слезахъ схоронила!
Все считаешь своимъ, какъ онъ былъ!
Ты бѣ могилку въ себя пріютила,
Чтобъ и мертвый съ тобою онъ жилъ.

Всю ее насаждаешь цвѣтами,
Орошаешь горячей слезой;
А уйдешь, такъ уносишь съ мечтами
Память мальчика всюду съ собой!

Ты его самого такъ носила,
Раньше, прежде... И началъ онъ жить...
Жилъ такъ мало... И ты схоронила,
Но не можешь вполнѣ схоронить!

И беретъ меня грусть и сомнѣнье,
И понять не могу: гдѣ у васъ.

Мать и сын—происходить общенье,
Незамѣтное вовсе для глазъ?

Какъ могли вы такъ искренно сжиться,
Такъ сплотиться въ одно существо,
Что любви той ни гаснуть, ни скрыться.
И что мало ей—смерть одного...

Когда, дитя, передо мной
Съ игрушкой новой ты играешь
И, мысли слѣдуя живою,
Ее внимательно ломаешь;

Когда смѣешься—и блестить
Жемчужный рядъ зубовъ молочныхъ.
И мысль пытливая сквозить
Въ словахъ неясныхъ и неточныхъ;

Когда, покинувши дѣтей,
И бросивъ куклу,—ручкой бѣлою
Ты водишь по щекѣ моей,
Давно сухой и пожелтѣлою...

О, какъ-же странно мнѣ порой,
Съ моею мечтой глубоко хмурой,
Прильнуть горячей головой
Къ твоей головкѣ бѣлокурой!

Боюсь за взгляд угрюмый мой!
Его на всѣхъ я поднимаю,
На всѣхъ, дитя... Передъ тобой—
Въ безмолвномъ страхѣ опускаю..

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЪСЕНКА.

Ты засни, засни, моя милая,
 Дай подушечку покачаю я,
 Я головушку поддержу твою
 И тебя, дитя, убаюкаю.

Тихій дѣтскій сонъ, ты прійди, сойди,
 Наклонися къ ней, не дави груди,
 Не цѣлуй до слезъ, не пугай дитя,—
 Учи ласкою, вразумляй шутя.

Жизнь учить начнеть, противъ воли гнеть,
 Вразумить тогда, какъ всего сомнеть,
 Зацѣлуешь въ смерть, заласкаешь въ бредъ
 И, позвавъ цвѣти, не допустить въ цвѣтъ...

Ночь темна, молчить, смотреть букою?!
 Хорошо-ли я такъ баюкаю?
 Сонъ спасительный, сонъ голубчикъ мой,
 Поскорѣй отца отъ дитяти скрой!..

НЕ МОЖЕТЪ БЫТЬ.

О, неужели онъ, онъ—этотъ скорбь и хламъ
 Надеждъ, по счастью для людей, отжившихъ,
 Больныхъ страстей, такъ странно говорившихъ,
 Силъ устремлявшихся къ позорнѣйшимъ дѣламъ,—
 Вотъ этотъ человѣкъ,—такимъ-же былъ когда-то,
 Какъ этотъ сынъ его, прелестное дитя,
 Въ которомъ грезами невѣдѣнья объята
 Сознанье теплится, играя и блестя!
 Въ которомъ поступи, взглядъ, малѣйшія движенія
 Полны такой простой, изящной красоты!
 Въ умѣ котораго всѣ мысли, всѣ мечты—
 Одни лишь свѣтлыя, счастливыя видѣнья,
 А чувства—отпрыски тепла и тишины
 Какой-то внутренней, чудеснѣйшей весны!—
 Дитя, что молится такъ искренно, такъ свято,
 И говоритъ съ людьми отъ третьяго лица...
 О, чтобъ отецъ такимъ-же былъ когда-то!..
 Ищите вы ему не этого отца...

ЛИРИЧЕСКІЯ.

Дай мнѣ минувшихъ годовъ увлеченія,
 Дай мнѣ надеждъ зоревые огни,
 Дай моей юности свѣтлаго гелія,
 Дай мнѣ былые мятежные дни.

Дай мнѣ опять ошибаться дорогами,
 Видѣть ихъ страхи вдали предъ собой,
 Дай мнѣ надеждъ невозможныхъ чертогами
 Скрашивать жизни обыденный строй;

Дай мнѣ восторговъ любви съ ихъ обманами,
 Дай мнѣ безумья желаній живыхъ,
 Дай мнѣ погаснувшихъ снова съ ихъ туманами,
 Думъ животворныхъ и грезъ золотыхъ;

Дай—и возьми всю увѣренность знанія,
 Всю эту нѣшу убитыхъ страстей,
 Эту обдуманность словъ и дѣяній
 Въ мѣрномъ теченіи и въ знаньи людей.

Все ты возьми, въ чемъ не знаю сомнѣнія,
 Въ правдѣ моей—разувѣрь, обмани,—
 Дай мнѣ минувшихъ годовъ увлеченія,
 Дай мнѣ былые, мятежные дни!..

* * *

О, не брани за то, что я безцѣльно жилъ,
Ошибки юности не всѣ за мною числи,
За то, что сердцемъ я мѣшать уму любилъ,
А сердцу жить мѣшалъ суровой правдой мысли.

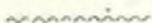
За то, что самъ я, самъ нерѣдко разрушалъ
Тѣ очаги любви, что въ холодъ согрѣвали,
Что сфинксовъ правды я, безумецъ, вопрошалъ,
Считалъ отвѣтами, когда они молчали.

За то, что я блуждалъ по храмамъ всѣхъ боговъ
И самъ осмѣивалъ былыя поклоненья,
Что, думавъ облегчить тяжелый гнетъ оковъ,
Я часто новыя приковывалъ къ нимъ звенья.

О, не брани за то, что поздно сознаю
Всю правду лживости былыхъ очарованій
И что, на склонѣ дней, спокойный я стою
На тихомъ кладбищѣ надеждъ и начинаній.

И все-таки я правъ, тысячекратно правъ!
Природа—за меня, она—мое прощенье;
Я лгалъ, какъ лжетъ она, и жизнь и смерть признавъ,
Безсилна примирить любовь и озлобленье.

Да, я глубоко правъ,—такъ, какъ права волна,
И камень и себя о камень разрушая:
Всѣ—подневольныя, всѣ—въ грезахъ полусна,
Судебъ невѣдомыхъ вѣлѣнья совершая.

Часъ ночи! Погасли по окнамъ огни,
Одни за другими исчезли они,
Исчезли какъ души умершихъ людей...
Судьбы наши сходны съ судьбами огней!
Замолкли на улицѣ говоръ и гулъ,
И кажется, будто весь городъ уснулъ.
Волненьемъ мпувшаго дня утомленъ,
Измаянъ... Не умеръ-ли также и опъ?

Какое мученье! Ни яви, ни сна!
Заря золотая—о, гдѣ-же она!..
А въ сердцѣ тревожномъ шумиѣй и шумиѣй,
Все больше и больше какихъ-то гостей;
Тѣ гости незваные—думы да сны,
Такъ ярко одѣты, такъ жизни полны,
Такъ шумно ликуютъ, такъ радуютъ глазъ...

О, Господи! Въ этотъ предутренній часъ
Ты въ сердцѣ горящемъ огни погаси,
Виновную совѣсть Ты Самъ допроси,
Ты Самъ оправданіе ей усмотри,
Дай тьмы непроглядной, чтобъ мнѣ до зари
Свѣтилъ; вмѣсто этихъ тревожныхъ огней,
Огонь одинокой лампады Твоей!

ПОСЛѢДНЯЯ СЛЕЗА.

Зачѣмъ, зачѣмъ тебѣ такъ рано разбивать
 Живые сны души, святую ложь надежды?
 Наступить быстро срокъ, міръ будетъ самъ срывать
 Одну велѣдь за другой роскошныя одежды.

Умъ самъ заговорить, когда пора придеть!
 Съ развитіемъ его не кровь, но чувство, стынетъ,
 Сомнѣнье скажется, свой первый камень кинетъ,
 Послѣдняя слеза мучительно скользнетъ!

Невольно гибнуть въ насъ съ успѣхами сознанья
 Порывы яркихъ чувствъ, и не укроешь ты
 Въ груди ни одного счастливаго желанья
 И ни одной обманщицы-мечты....

Тогда-то холодомъ и правдой умозрѣній
 Ты будешь силиться напрасно возсоздать

Картины яркія прошедшихъ вдохновеній
И волшебство мечты, и сердца благодать!

—
Ты скажешьъ въ трудный часъ, когда пора настанетъ:
«Видѣнья и мечты, какъ могъ я васъ разбѣить?!»
Въ тебѣ проснется желчь, терпѣнія не станетъ...
Но слезы не придутъ свѣтить и освѣжить!

Не трогают меня: ни блескъ обычный дня,
 Ни слезы неудачъ, ни шумъ усѣховъ разныхъ.—
 Равно мнѣ чуждые—не трогаютъ меня!
 Но если предъ лицомъ обмановъ безобразныхъ
 Вдругъ честность верхъ возьметъ, осилитъ доброта,
 И рухнуть козны зла въ ихъ нападены дружномъ,
 Или себя въ конецъ измаетъ суета,
 Обманутся мечты лукавства и въ ненужномъ
 Слѣномъ стремленіи насилье надорветъ
 Свою увѣренность—мнѣ кажется, что гдѣ-то,
 Изъ неизвѣстнаго и чуждаго намъ свѣта,
 Какой-то голосъ пѣсню мнѣ поетъ...
 И пѣснѣ той во-слѣдъ глядишь духовнымъ окомъ
 Въ невѣдомую даль невѣдомой страны,
 Гдѣ воздыханій нѣтъ о близкомъ, о далекомъ,
 Въ которой все добры, все искренно честны—
 И вѣрится тогда, что можно, безъ сомнѣнья,
 И въ этой жизни, здѣсь, хоть въ блескъ отраженья.
 Хоть только въ чаяньи—найти на краткій срокъ
 Забвенья тихаго заветный уголокъ.

НА ЧУЖБИНѢ.

Ночь, блеска полная... Заснувшіе пруды
Въ листахъ кувшинчиковъ и въ зелени осоки
Лежать какъ зеркала, безмолвствуя цвѣтутъ
И пахнутъ сыростью, и кажутся глубоки.

И тотъ-же яркихъ звѣздъ рисунокъ въ небесахъ,
Что мнѣ на родинѣ являлся въ дни былые;
Уснули табуны на скошенныхъ лугахъ,
И блещутъ здѣсь и тамъ огни сторожевые.

Ударилъ гдѣ-то часъ. Полночный этотъ бой,
Протяжный, медленный,—онъ, какъ двойникъ, походить
На тотъ знакомый мнѣ привѣтный бой часовъ,
Что съ церкви и теперь въ деревню нашу сходятъ.

Привѣтъ вамъ, милыя картины прежнихъ лѣтъ!
Добро пожаловать! Васъ жизнь не измѣнила;
Вы тѣ-же и теперь, что и на утрѣ дней,
Когда мнѣ родина васъ въ душу заронила

И будто думала: когда-нибудь въ свой срокъ
Тебя, мой сынъ, судьба надолго въ даль потянетъ,
Тогда онѣ тебя любовно посѣтятъ,
И радъ ты будешь имъ, какъ скорбный часъ настанетъ.

Да, родина моя! Ты мнѣ не солгала!
О, отчего всегда такъ въ жизни правды много,
Когда сама судьба является вершить,
А воля личная—становится убога!

Привѣтъ вамъ, милыя картины прежнихъ лѣтъ!
Какъ много, много въ васъ великаго значенья!
Во всемъ—печаль, разладъ, насилье и тоска,
И только въ васъ однихъ покой и единенье...

Покоя ницѣть мысль, покоя жаждетъ грудь,
Вселенная сама найти покой готова!
Но, гдѣ-же есть покой? Тамъ, гдѣ законченъ путь:
Въ законченномъ быломъ и въ памяти былого.

ЧАСЫ СЪ КУРАНТАМИ.

Старинные часы прабабушки забытой,
 Съ гудящимъ столбикомъ тройныхъ колоколовъ, —
 Какъ проченъ и хорошъ вашъ механизмъ открытый
 И стукъ размѣренный, и тихій ходъ валовъ!

Какъ истый домосѣдъ, лѣтъ сто не измѣняли
 Вы мѣсту вашему, свой уголокъ занявъ,
 И вась до сей поры, кочуя, не таскали
 Тревожа вашу грудь и раздражая нравъ.

Звонили вы въ тѣ дни, когда Екатерина
 Великою душой отъ міра отошла;
 Сыгравъ для матери, сыграли и для сына
 Все ту-же пѣсепку свою, колокола!

Звонили вы зимой двѣнадцатаго года;
 Въ года холерные, въ года другихъ смертей;
 Въ годъ Севастополя и въ добрый для народа
 День девятнадцатый въ одномъ изъ февралей.

Звонили вы въ часы утратъ, скорбен семейныхъ,
Семейныхъ радостей... и въ долгій рядъ годовъ,
Въ завѣтный срокъ молитвъ благоговѣйныхъ
Умѣвшихъ лучше насъ молиться стариковъ.

И будете звонить, какъ прежде, въ годъ изъ года
Все тѣ-же иѣсенки недлинные свои...
О, еслибъ только знать: въ какихъ судьбахъ народа,
Въ какихъ судьбахъ моей возрастающей семьи?!

БАНДУРИСТЪ.

На Украйнѣ жилъ когда-то,
Тѣломъ бодръ и сердцемъ чистъ,
Жилъ старикъ, слѣпецъ маститый,
Сѣдовласый бандуристъ.

Въ черной шапкѣ, въ сѣрой свиткѣ
И съ бандурой на ремнѣ,
Много лѣтъ ходилъ онъ въ людяхъ
По родимой сторонѣ.

Жемчугъ — слово, чудо — пѣсни
Сыпалъ вѣщій съ языка.
Ныли струны на бандурѣ
Подъ рукою старика.

Много онъ улыбокъ ленихъ,
Много вызвать слезъ умѣлъ,
И, что птица Божья, пѣсни
Гдѣ присѣлось — тамъ и пѣлъ.

Онъ на пѣсню душу отдасть,
Пѣсней тѣло прокормилъ;
Родился онъ безымяннымъ,
Безымяннымъ опочилъ...

Мертвъ казакъ! Но пѣсни живы;
Всѣ ихъ знаютъ, всѣ поютъ!
Ихъ знакомыя созвучья
Сами такъ-вотъ къ сердцу льнутъ!

Къ темной почкѣ засыпая,
Дѣти, будущій народъ,
Слышать, какъ онъ издалѣка
Въ пѣснѣ матери поетъ...

РАЗБИТАЯ ШКУНА.

Такъ далеко отъ колыбели
И отъ родимыхъ береговъ,
Лежитъ она, какъ на постели,
Въ скалахъ, пугая рыбаковъ.

Чужіе вихри обвѣвають,
Чужія волны пѣснь поютъ,
Въ морскую зелень одѣвають
И въ грудь падломленную льютъ.

И на кормѣ ся размытой,
Какъ глазъ открытій, неживой,
Глядитъ съ доски полуразбитой
Какпхъ-то буквъ неполный строй...

Да, если ты, людей творенье,
Подобно людямъ прожила,—
Тебя на жертву, на крушенье,
На злую смерть любовь вела.

Твой кормчій самъ, своею рукою
Тебя на гибель вель впередъ:
Одинъ, безмолвный, надъ кормою
Всю ночь сидѣть онъ напролетъ...

Забывъ о румбахъ и компасѣ,
Руля не слыша подъ рукою,
Онъ о далекомъ думалъ часѣ,
Когда судьба вернетъ домой!

Вперивъ глаза на звѣзды ночи,
За шумомъ думъ не слыша струй,
Опъ на любовь держалъ, на очн,
На милый ликъ, на поцѣлуй...

Нашъ умъ порой, что поле послѣ боя,
Когда раздастся ясный звукъ отбоя:
Уходятъ сомкнутые убылью ряды,
Повсюду видятся кровавые слѣды.
Въ травѣ помятой лезвія мелькають,
Здѣсь груды мертвыхъ, эти умирають,
Идетъ, прислушиваясь къ звукамъ санитаръ,
Дасть священникъ людямъ отпущенья—
Сложатъ дымъ послѣдняго кажденья...
А птичка Божія, являя цѣнный даръ,
Чудесный даръ живого пѣснопѣнья,
Присѣвъ на острый штыкъ, омоченный въ крови,
Поетъ, счастливая, о мирѣ и любви...

Въ немолчномъ говорѣ природы,
Среди луговъ, полей, лѣсовъ,
Есть звуки рабства и свободы
Въ великомъ хорѣ голосовъ...

Коронки всѣхъ Иванъ-да-Маріи,
Вероникъ, кашекъ и гвоздикъ
Идутъ въ стога, въ большой гербарій,—
Утративъ каждая свой ликъ!

Нерѣдко видны на покосахъ,
Вблизи усталыхъ косарей—
Сидятъ на грабляхъ и на косахъ
Пѣвцы воздушные полей.

Поютъ о чудныхъ грезахъ мая,
О счастья, о любви живой,
Поютъ, совсѣмъ не замѣчая
Орудіи смерти подъ собой!

Вдоль безконечнаго луга —
 Два, три роскошныхъ цвѣтка,
 Выросли выше всѣхъ братьевъ,
 Смотрятъ на лугъ свысока:

Солнце палитъ ихъ сильнѣе,
 Вѣтеръ упорнѣе гнетъ,
 Падать придется имъ глубже,
 Если коса подсѣчетъ...

Въ сердцѣ людскомъ чувствъ не мало...
 Два, или три между нихъ
 Издавна, крѣпко выдрилисъ,
 Стали вѣтвистѣй другихъ!

Легче всего ихъ обидѣть,
 Ихъ не задѣть — мудро!
 Если ихъ вздумаютъ вырвать —
 Вырвутъ и жизнь заодно...

КАРИАТИДЫ.

Между окопъ высокаго дома,
Съ выраженьемъ тоски и обиды,
Стерегутъ парчевыя хоромы
Ожерельемъ кругомъ карятиды.
Напряглись ихъ могучія руки,
Къ нимъ на плечи оперлись колонны;
Въ лицахъ ихъ — выраженіе муки,
Въ грудяхъ ихъ — поглощенные стоны.
Но не гнутся тѣ крѣпкія груди,
Карятиды позоръ свой выносятъ;
И — людьми сотворенные люди —
Никого ни о чемъ не попросятъ...
Идутъ годы — тяжелые годы,
Та-же тяжесть имъ давить на плечи;
Но не шлютъ онѣ дерзкія рѣчи
И не вторятъ рѣчамъ непогоды.
Пронечетъ-ли жаръ солнца ихъ кости,
Проберетъ-ли ихъ осень вѣтрами,

Иль морозъ назовется къ нимъ въ гости
И посылетъ ихъ плечи снѣгами,
Одинаково твердо и смѣло
Карьятиды позоръ свой выносятъ
И — вступиться за правое дѣло
Никого никогда не попросить...

НА МОТИВЪ МИКЕЛЬ-АНЖЕЛО.

О, ночь! Закрой меня, когда—совсѣмъ усталый—
Кончаю я свой день. Кругомъ совсѣмъ темно;
И этой темнотой какъ-будто сняты стѣны:
Тюрьма и міръ сливаются въ одно.

И я могу уйти! Но не хочу свободы:
Я знаю цѣну ей, я счастья не хочу!
Боюсь пугать себя знакомымъ звукомъ цѣпи,—
Припавъ къ углу, я, какъ и цѣпь, молчу...

Возьми меня, о, ночь! Чтобъ ничего ни видѣть,
Ни чувствовать, ни знать, ни слышать я не могъ,
Чтобъ зарожденья чувствъ и проблеска сознанья
Я какъ-нибудь въ себѣ не подстеречь...

М И Ө Ъ.

И летитъ, и клубится холодный туманъ,
 Проскользая межъ сосенъ и скалъ;
 И встревоженный лѣсъ, какъ великій органъ,
 На скрипящихъ корняхъ заигралъ...

Отвѣчаетъ гора голосамъ облаковъ,
 Каждый камень становится живъ...
 Неподвиженъ одинъ только — старецъ въковъ —
 Въ той горѣ схоропившійся Мнѣъ.

Опъ въ кольчугѣ спидитъ, волосами обросъ,
 Онъ отъ солнца въ ту гору бѣжалъ —
 И желаетъ, и ждетъ, чтобы прсжнѣй хаосъ
 На землѣ, какъ бывало, насталь...

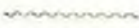

НА ПЛОТИНѢ.

Какъ сочится вода сквозь прогнившихъ поставъ,
У плотины бока размываетъ,
Такъ изъ сердца людей, тишины не сыскавъ,
Убываетъ душа, убываетъ...

Надвигается вокругъ отъ сырыхъ береговъ
Поросль вязкая моха и тины!
Не пѣвать соловьямъ, гдѣ тутъ ждать соловьевъ
На туманахъ плывучей трясины!

Воръ погнилъ... Онъ не будетъ себя отражать,
Жить вдвойнѣ... А зима наступаетъ!
И промерзнетъ вода, не успѣвъ убѣжать,
Вся, насквозь... и уже замерзаетъ!..

*

Мнѣ грезились сны золотые!
Проснулся—и жизнь увидалъ...

И мрачнымъ мнѣ міръ показался,
Какъ-будто онъ траурнымъ сталъ.

Мнѣ видѣлся сонъ нехорошій!
Проснулся... на міръ поглядѣлъ:

Задумчивъ и въ трауръ окутанъ
Міръ больше чѣмъ прежде темнѣлъ.

И думалось мнѣ: отчего-бы,—
Въ насъ, въ людяхъ, разсудокъ силенъ,—

На сны не взглянуть, какъ на правду,
На жизнь не взглянуть, какъ на сонъ!

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

И мнится мнѣ: иду дорожкой сада,
Мнѣ не тяжелъ обычный полдня жаръ;
Иду нетвердо, опираться надо,
И садъ не тотъ, и самъ я слабъ и старъ,
И одинокъ... Семья, что домъ мой оживляла,
Какъ лугъ цвѣты, давно ужъ подросла,
Мельшая дочь давно больною, взрослой стала;
Всѣ разбрелись изъ отчаго дуила.
Въ могилахъ снять Останы, Марьи, Гринки,
Что день и ночь толкались по дворамъ...
Въ моихъ колънахъ дрожь, мнѣ тяжело отъ одышки,
Туманъ какой-то льбится къ глазамъ.
Изъ-подъ бровей, на лбу моемъ нависшихъ,
Темнѣй чѣмъ прежде кажется небосклонъ;
Мелькають въ мысляхъ сотни лицъ почившихъ...
О, какъ ты крутъ, горы знакомой склонъ!
Какъ далеко мнѣ кажется до дома,
Хочу присѣсть, едва-едва иду;
Была скамья тутъ... какъ была знакома!

Иль нѣтъ ея? Быть-можетъ, не найду?
Я помню—тутъ у нашего сосѣда
Сзывалъ рабочихъ колокола звонъ;
Я помню часть семейнаго обѣда,
Мы шли къ столу, неслись со всѣхъ сторонъ;
Былъ длинень столъ, всѣ дружно возсѣдали,
Всѣ ѣли всласть—здоровымъ все равно;
Какъ было шумно, какъ мы хохотали...
Гдѣ этотъ смѣхъ? Веселье—гдѣ оно?
Здоровье гдѣ? О, какъ-же я тоскую!
Мнѣ много лѣтъ... Я старъ сталъ... Я дрожу...
Чу, колоколь! Проснулся я—гляжу:
Кругомъ семья?! Я всѣхъ ихъ расцѣлю!

ОСТРАЯ МОГИЛА.

Холмъ, острый холмъ! Быстролетный песокъ,
Что ты стоишь подъ крестомъ одинокъ?

Подлѣ холмы изъ такихъ-же песковъ,
Только не видно надъ ними крестовъ!

А кипарисы твои—чернобыль!
Тѣни Богъ далъ—будяковъ насадилъ!

Охъ! Для чего-то ты, холмъ, вырасталъ?..
Мѣсто въ себѣ человѣку ты далъ...

Былъ, какъ другіе холмы, ты холмомъ,
Сталъ ты могилою—сталъ алтаремъ!

И, понятны душѣ, но незримы очамъ,
Думы выются съ тебя и плывутъ къ небесамъ...

Ты съ открытымъ лицомъ смѣло въ небо глядишь,
И какъ-будто бы такъ изъ себя говоришь:

Не великъ, кто великъ, а великъ, кто умретъ!
Въ маломъ тѣлѣ своемъ вѣчный сонъ онъ несетъ.

Для болѣвшихъ утомъ, для страдавшихъ душой
Приготовленъ давно необъятный покой...

Кто бы ни были вы, и куда бы ни шли,
Всѣхъ васъ приметъ въ себя грудь молчащей земли!

Чѣмъ печали сильнѣй, чѣмъ страданья острѣй,
Тѣмъ покой необъятный вамъ будетъ милѣй!..

Вы, кого отъ рѣшеній злой воли не могъ
Ни законъ отворотить, ни помиловать Богъ;

Тѣмъ пенуужныхъ, больныхъ, неудачныхъ людей,
Тѣмъ натруженныхъ силъ, распаленныхъ страстей;

Легионы обманутыхъ всѣхъ величинъ,
Жертвы признанныхъ правъ, жертвы скрытыхъ причинъ,

Жертвы зла и добра и несбывшихся сновъ...
Всѣмъ вамъ вѣчный покой отъ рожденья готовъ!..

Никому не дано такъ, какъ людямъ, страдать,
Оттого никому такъ глубоко не спать!

Оттого-то и холмъ, бывшій только холмомъ,
Ставъ могилой—становится вдругъ алтаремъ!..

И, понятны думѣ, но незримы очамъ,
Выются думы съ него и плывутъ къ небесамъ...

КАРΘАГЕНЪ.

Не въ праздничные дни въ честь славнаго былого,
 Не въ честь Творца небесъ, или кого другого,
 Сіяетъ роскошью, въ конецъ разубранъ,
 Въ великомъ торжествѣ прибрежная страна.
 Отъ ранняго утра, проснувшись съ пѣтухами,
 Весь городъ на ногахъ. Онъ всѣми алтарями,
 Зажженными съ зарей, клубится и дымитъ,
 И въ переливахъ струнъ, и въ треляхъ флейтъ звучитъ.
 Отъ храмовъ, съ ихъ колоннъ, обвѣшанныхъ цвѣтами,
 Струится свѣжестью; надъ всѣми площадями,
 Въ вѣнкахъ, блистающихъ лавровою листвою,
 Рядъ бронзовыхъ фигуръ темнѣетъ надъ толпой.
 По главному пути, гдѣ высятся гробницы,
 Однѣ во слѣдъ другимъ грохочутъ колесницы;
 Съ ихъ шкуры лъвиныя блистаютъ желтизной
 И поднимаютъ пыль, влачась по мостовой.
 Цвѣтъ жизни, молодость собою воплощая,
 Проходятъ дѣвушки, листьями пальмъ махая;
 Всѣ въ пурпуръ, ряды старѣйшинъ вдоль трибунъ
 Сидятъ въ дыму огней и въ рокотанъ струнъ;

Въ безмолвной гавани товаровъ не таскають;
 Нѣтъ свадьбъ по городу; суды не засѣдаютъ;
 Не жгутъ покойниковъ... Всѣ, всѣ молчать дѣла,
 Вся жизнь на торжество великое пошла...

Честь побѣдителю! Исполнено призванье!
 Ему весь этотъ блескъ и жизни замиранье,
 И пламя алтарей, и мягкій звукъ струны,
 Терпѣнье мертвого, вѣчанье старины,
 И ликованія всѣхъ бѣдныхъ и богатыхъ...
 Ему триумфы дня, ему развратъ ночной,
 Гдѣ яркій пурпуръ тогъ, смѣшавшись съ бѣлизной
 Одеждъ дѣвическихъ, разорванныхъ, помятыхъ,
 Снадесть съ широкихъ ложъ на мягкіе ковры...
 Ему струн вина, ему азартъ игры...

И только два лица въ народѣ томъ молчали,
 Во имя истинной и сознанной печали:
 И были эти два—философъ и поэтъ...
 Они одни изъ всѣхъ молчали! Сотни лѣтъ
 Прошли съ тѣхъ давнихъ поръ. И нынче тамъ въ огромныхъ
 Развалинахъ—шакаль гнѣздится въ щеляхъ темныхъ,
 И правдою вѣковъ, великой степи въ тонѣ,
 Наложень царственно несокрушимый сонъ...

На сторону тѣхъ двухъ, которые молчали,
 Все перенло молчать! И изъ безмолвной дали
 Степей, явилась смерть съ песками заодно—
 Случилось то, что имъ казалось—быть должно!

НОЧЬ И ДЕНЬ.

Ночь зарождается здѣсь, на землѣ, между нами...
 Въ щеляхъ и темныхъ углахъ, чуя солнце, тантесъ;
 Глянуть не смѣетъ враждебными свѣту очами!
 Только-что время наступитъ, чтобъ ей пробудиться—
 Быстро ползутъ, проявляясь вездѣ, ея тѣни,
 Ищутъ другъ дружку, безшумно своихъ нагоняютъ,
 Слившись въ великую тьму, на небесныя сѣни
 Молча стремятся и ихъ широко наводняютъ...
 Только не гасятъ онѣ яркихъ звѣздъ, ихъ сіяній!
 Звѣзды—слѣды свѣтовые минувшаго дня,
 Искрятся памятью прежнихъ, хорошихъ дѣяній,
 День загорится отъ ихъ мірового огня.

День опускается съ неба. Глубокою тьмою,
 Въ сырость и холодъ чуть видными входитъ лучами;
 Первымъ изъ нихъ погибать!—Имъ не спорить съ судьбою...
 Но, чѣмъ свѣтлѣе, тѣмъ больше ихъ бьется съ тѣнями;
 Шестуется день, онъ на дальнемъ востокѣ зажегся!

Солица лучи полны жизни, стремленья и красокъ,
Каждый на смерть за великое дѣло обрекся!
Волны неба, малютки безъ броней и касокъ,
Мчатся и гонятъ лѣнивыя тѣни повсюду,
И воцаряется день и его красота...
И озаряетъ погибшаго за ночь Іуду,
И, по дорогѣ къ селу Эммаусу, — Христа!

Когда-то въ насъ души на многое хватало...
 Чуть усюкопнется—стремленій новыхъ шквалъ,
 Блестая молніей, всю душу разжигалъ;
 Сознанье гордое въ ней силы умножало,
 И раньше, чѣмъ ее слой пепла покрывалъ,
 Другое пламя вновь по всей душѣ играло!..

—

Теперь совсѣмъ не то: золы глубокой слой
 Лежитъ какъ-бы покровъ надъ робкою душой,
 И мнится, надобны всѣ вихри пренесодней,
 Огни мучительные страшнаго суда,
 Чтобы призвать ее стать лучше, благороднѣй,
 А нѣтъ—такъ сгинуť навсегда.

~~~~~

Въ душѣ шель свѣтлый ширь. Въ одеждахъ золотыхъ
Видѣлись на ширѣ: желанья, грезы, ласки;
Струился разговоръ, слался звучный стихъ,
И пѣлился бокаль, и сочились сказки.

Когда спускалась почъ, на ширѣ являлся сонъ,
Туманились огни, видѣнья налетали,
И сладкій шопотъ шель, и неси тихій звонъ
Изъ очень свѣтлыхъ странъ, и изъ далекой дали...

Теперь совсѣмъ не то. Подъ складками одеждъ,
Не двигая ничуть своихъ погасшихъ ликовъ,
Видѣются въ душѣ лишь остоны надеждъ!
Нѣтъ пѣсенъ, смѣха нѣтъ и нѣтъ заздравныхъ кликовъ.

А дремлющій чертогъ по всѣмъ частямъ сквозитъ
И только кое-гдѣ, подъ тяжкимъ слоемъ пыли,
Свѣтильникъ тлѣющій дымится и коптитъ
Прося, чтобъ и его скорѣе погасили...

МОЛОДЕЖИ.

И что-жь?! давно-ль мы въ жизнь вступали
И безупречны, и честны;
Трудились, ждали, создавали,
А повстрѣчали — только сны.

Мы отошли, — и вслѣдъ за нами
Вы тоже рветесь въ жизнь вступить,
Чтобъ нами брошенными снами
Свой жаръ и чувства утолить.

И эти сны, въ часы мечтанья,
Дадутъ, пока въ васъ кровь тепла,
На ваши раннія лобзанья
Свои покорныя тѣла...

Обманутъ васъ! Мы ихъ простили
И вѣримъ повѣсти волхвовъ:
Волхвы давно оповѣстили,
Что міръ составилъ изъ сповъ!

Или путемъ невѣдомымъ...
Или тропинкой скрытою,
Богъ вѣсть кѣмъ проложенной
И почти забытою!..

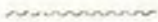
Въ сердцѣ человѣческомъ
Есть обѣтованныя
Тропочки закрытыя,
Вовсе безымянныя!

Подъ вѣтвями темными
Издавна проложены,
Безъ пути-протоктаны,
Безъ толку размпожены...

И по нимъ-то крадутся
По глубокой темени.

Чувства непонятныя
Безъ роду, безъ племени...

Чувства безымянныя,
Сироты бездомныя,
Робкія, пугливыя,
Иногда нескромныя...

* * *

По небу быстро поднимаясь,
Навстрѣчу мчась одна къ другой,
Двѣ тучи, медленно свиваясь,
Готовы ринуться на бой!

Темны, какъ участь близкой брани,
Небесныхъ ратниковъ полки,
Подъяты по-вѣтру ихъ длани
И рѣжутъ воздухъ шишаки!

Сквозить ихъ мрачныя забрала
Отъ блеска пламенныхъ очей...
Какъ-будто въ небѣ мѣста мало
И разойтись въ немъ нѣтъ путей?

~~~~~

ПОДЛѢ СЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ.

Свѣлая пыль съ цвѣтовъ раскрытыхъ,
 Семья полуночныхъ вѣтровъ,
 Несетъ въ пылинкахъ, тьмой повитыхъ,
 Разсаду будущихъ цвѣтовъ!

Въ работѣ робкой и безмолвной,
 Людскому глазу не видна,
 Жизнь сыплетъ всюду горстью полной
 Свои живыя сѣмена!

Теряясь въ каменныхъ наростахъ
 Гробницъ, дряхлѣющихъ въ гербахъ,
 Онѣ плодятся на погостахъ
 И у крестовъ, и на крестахъ.

Кругомъ цвѣты!.. Цвѣтамъ нѣтъ счета!
 И, мнится, сквозь движенья ихъ

Стремятся къ свѣту изъ-подъ гнета
Былыя силы душъ людскихъ.

Онѣ идутъ свои печали
На внешнемъ солнцѣ освѣтить,
Мечтать, о чемъ не домечтали,
Любить, какъ думали любить...

КАМАРИНСКАЯ.

Изъ домовъ умалшенныхъ, изъ больницъ
 Выходили души опочившихъ лицъ;
 Были веселы, покончивши страдать,
 Шли, какъ-будто-бы готовились плясать.

«Ручку въ ручку дай, а плечико къ плечу...
 «Не вернуться-ли намъ жить?»—«Ой, не хочу!
 «Изъ покойничковъ въ живые намъ не лѣзть,—
 «Знаемъ, видимъ—лучше смерть какъ ни на есть!»

Ахъ! Одно-же сердце у людей, одно!
 Истомилось, измаялось оно;
 Столько горя, нужды, столько лжи кругомъ,
 Что гуляетъ зло по свѣту ходенемъ.

Дай копеечку, кто можетъ, бѣднякамъ,
 Дай копеечку и пицимъ духомъ намъ!

Торопитесь! Будетъ поздно торопить.
Сами станете копеечки просить...

Изъ домовъ умалишенныхъ, изъ больницъ
Выходили души оночившихъ лицъ;
Были веселы, покончивши страдать,
Шли, какъ-будто-бы готовились плясать...

СПѢТАЯ ПѢСНЯ.

Пой о ней, голубушка пѣвунья,
 Пойте струны, ей въ отвѣтъ звеня!
 Улетай, родившаяся пѣсня,
 Вслѣдъ за свѣтомъ гаснущаго дня.

Ты лети созданьемъ темной ночи,
 Въ полутьмѣ, предшествоющей ей,
 За послѣднимъ проблескомъ заката,
 Впереди стремящихся тѣней...

Можетъ-быть, что между днемъ и ночью,
 Не во снѣ, но у предѣловъ сна,
 По путямъ молитвъ, идущихъ къ Богу,
 Скорбь земли за далью не слышна!

Можетъ быть, что тамъ, далеко, гдѣ-то,
 Въ мирный часъ, когда безсонный спитъ,

Гаснетъ память, не влекутъ желанья,
Спитъ любовь и ненависть молчить —

Ты найдешь покой неизъяснимый,
Жизни, смерти и себѣ чужда!..
И земля къ своей поблекшей груди
Не сманитъ бѣглянки никогда!..

ПРО СТАРЫЕ ГОДЫ.

Не смѣйся надъ нѣною старой
Съ напѣвомъ ея немудренымъ,
Служившей заветною чарой
Отцамъ нашимъ, нѣжно влюбленнымъ!

Не смѣйся стихамъ мадригаловъ,
Топорщенью фижмъ и манжетовъ,
Вихрамъ боевыхъ генераловъ,
Качавшимся въ ладъ менуэтовъ!

Надъ смысломъ альбомовъ старинныхъ,
Съ пучками волосъ неизвѣстныхъ,
Съ собраніемъ шалостей чинныхъ,
Забавныхъ, но, въ сущности, честныхъ.

Не смѣйся! Тѣ вещи служили,
Томили людей, подстрекали:
Отцы наши жили, любили,
И матери насъ воспитали!

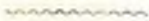

Гдѣ намъ взять веселыхъ звуковъ,
Какъ съ веселой пѣсней быть?
Грусти дѣдовъ съ грустью внуковъ
Память, пока, не разобщить...

Не буди-жъ въ груди желанья
И о счастья не мечтай, —
Въ вѣчной повѣсти страданья
Новой пѣсни не рождай.

Тѣхъ спроси, а ихъ не мало,
Кто покончилъ самъ съ собой, —
Въ жизни мѣста не достало,
Понскали подъ землею ..

Будемъ вѣрить: день тотъ глянеть,
Ложь великая пройдетъ,
Горю въ мірѣ тѣсно станетъ,
И оно себя убьетъ!

Охъ! Отвѣтилъ-бы на мечту твою,—
Да не срокъ теперь, не пора!
Загубила жизнь добрыхъ силъ семью,
И измастъ ночь до утра.

Дай мнѣ ту мечту, мысль счастливую,
Засвѣтившую мнѣ въ пути,
Въ уснальницу молчаливую
Сердца бѣднаго отнести.

Въ немъ подъ схидами, власяницами
Снять всѣ лучшія прежнихъ силъ,
Тѣ, что глынули въ жизнь зарницами
И что мракъ земли погасилъ...

* * *

Съ моею, чисто русской жаждой
Изъ кубка греческой рѣзбы,
Пью каждымъ чувствомъ, мыслью каждой,
За васъ, сошедшіе въ гробы!

Вамъ счета нѣтъ! Лишь-бы охоты
На поминаньяхъ вашихъ пить!
На то есть цѣлыхъ три субботы,
Чтобъ никого не позабыть.

Увы! Особеннаго тоста
Потомокъ намъ не поднесетъ!
Но въ этотъ тостъ, и это просто,
Мы все проникнемъ въ общій счетъ!

Явившись противъ ожиданья,
На зовъ воспрянувши изъ тьмы,
Мы скажемъ: «Братцы, до свиданья!
Вы такъ-же сгинете, какъ мы!»

Бѣтъ! Слишкомъ ты тѣшишься счастьемъ мгновенья
И слишкомъ ужъ странно ты съ жизнью въ ладу...
Безумецъ! За правду принявъ исключенья,
Ты веселъ бываешь день каждый въ году.

Счастливецъ, довольный довольствомъ убогихъ,
Подумай: чѣмъ долженъ-бы міръ этотъ быть,
Когда-бы не блага земли для немногихъ,
Не горе для прочихъ, обязанныхъ жить!?

И зависть беретъ, и глубокая злоба!
Міръ держится въ рабствѣ такими, какъ ты,
Довольными жизнью! Но правы мы оба:
Мы, въ разныхъ одеждахъ, но тѣ-же шуты.

Ты въ счастье рядишься, а я въ остальное...
Знать, каждый по вкусу одежду беретъ!
Судьба прибавляетъ къ обоимъ смѣшное,
И въ омутъ толкаетъ, сказавши: «Живетъ!»

* * *

Что вамъ въ толковомъ объясненѣ
Того, какъ началъ онъ хилѣть?
Однимъ ничтожествомъ поменьше—
Ордамъ глупцовъ не поумнѣть!

Повѣрьте: лучше, многимъ лучше,
Что люди скрытны и темны;
Жизнь кажетъ чище и честнѣе
Съ ея молчащей стороны;

И скрытность въ этой пошлой жизни,
Гдѣ все идетъ наоборотъ,
Пожалуй, даже, добродѣтель:
Она щадить и мало жжетъ!

~~~~~

ТРИ ГРАЦІИ.

Къ картинѣ.

Вопросъ: какъ ихъ назвать? Не граціи онѣ!
Зови—прелестницы, весталки или гетеры,
Зови—три душеньки, коль хочешь! Въ ясномъ днѣ
Счастливой Греціи встрѣчались примѣры

Великихъ промаховъ художниковъ, ей-ей!
Но чтобы грація, въ гимнаціонѣ одѣта,
Скрывала прелесть формъ отъ солнечнаго свѣта
Отъ любопытствующихъ, жаждущихъ очей—

Такія странности едва-ли тамъ случались...
Художникъ имя тутъ картинѣ далъ с проста.
Но суть не въ имени! Въ живыхъ чертахъ сказались
Таинственныхъ сестеръ и мощь, и красота!

И правы тѣ цвѣты, что подлѣ нихъ упали,
Правъ дымъ курильницы, свѣжаясь къ ихъ стопамъ!
Къ безсмертной красотѣ всѣ въ мірѣ принадлеали,
Такъ отчего-жъ, скажи, къ ней не припасть и намъ?

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

I.

Спокоенъ умъ... Въ груди волненье...
 О, еслибъ только не оно —
 Нашла-бы жизнь успокоенье,
 Свершивши то, что быть должно...

Но нѣтъ! Строй духа безнадежный,
 Еще храня остатки струнъ,
 Даетъ на голосъ откликъ нѣжный,
 И длго мечется бурунъ

Живыхъ надеждъ и ожиданій
 Въ ущелья темныхъ береговъ,
 Несовершенство желаній
 И неисполнившихся сновъ...

И мнится: кто-то призываетъ
Вернуться вновь въ число живыхъ,
Тревожить, грѣть, обѣщать...
Но голосъ тотъ зоветъ другихъ!

Обманетъ ихъ... Обиниметъ стеною
И ночью, также какъ меня,
На зло, въ упрекъ великолѣбно
Едва замѣченного дня!

II.

И вернулся я къ нимъ послѣ долгихъ годовъ,
И они всё такъ рады мнѣ были!
И о чемъ ужъ, о чемъ, за вечернимъ столомъ
Мы не вспомнили? Какъ не шутили?

Наши шумные споры о томъ и другомъ,
Что лѣтъ двадцать назадъ оборвались,
Зазвучали опять на былые лады,
Точно будто совсѣмъ не кончались.

И преемственность юныхъ, счастливейшихъ дней,
Та, что прежде влекла, вдохновляла,
Будто витязя трупъ, подъ живою водой,
Въ той бесѣдѣ для насъ—оживала...

III.

О, гдѣ то время, что, бывало,
 Въ насъ вдохновеніе играло,
 И воспіялся онѣмъ
 Тенерь поверженнымъ богамъ?

Чертоговъ огненныхъ палаты
 Горѣли—ярки и богаты;
 Былъ чистъ и свѣтелъ кругозоръ!
 Душа стремилась на просторъ,

Неслась могуществомъ порыва
 На зло непрочному уму,
 На звукъ какого-то призыва,
 Богъ вѣсть зачѣмъ, Богъ вѣсть къ чему!

Тенерь все мертвенно, все блѣдно...
 То праздникъ жизни проходилъ,
 Сіялъ торжественно, побѣдно,
 Сіялъ... и цвѣтъ свой обронилъ.

IV.

Въ глухомъ безвременѣ печаль
 И въ одиночествѣ нѣмомъ,

Не мы одни свой вѣкъ кончали,
Объаты страннымъ полусномъ.

На сердце—желчь, въ умѣ—забота,
Почти во всемъ вразумлены;
Холодной осени дремота
Смѣнила вѣянья весны.

Кто насъ любить—ушли въ забвенье,
А люди чуждые растутъ,
И два сосѣднихъ поколѣнья
Одно другого не поймутъ.

Мы ждемъ, молчимъ, но не тоскуемъ,
Мы знаемъ: нѣтъ для насъ мечты...
Мы у прошедшаго воруюмъ
Его завиднѣе цвѣты,—

Сплетаемъ ихъ въ вѣнцы, въ короны,
Порой смѣемся на пиррахъ,
Совеѣмъ, совеѣмъ Анакреоны,
Но только не въ живыхъ цвѣтахъ.

---

* * *

Когда обширная семья
Мужастъ и растетъ,
Какъ грустно мнѣ, что знаю я
То, что ихъ бѣдныхъ ждетъ.
Соблазна много, путь далекъ!
И, если часъ придетъ,
Судьба ихъ родственнѣй кружокъ
Опять здѣсь соберетъ!
То будетъ ломанѣй народъ
Борцовъ-полукалѣкъ,
Тѣхъ, что собою завалятъ входъ
Въ двадцатый, въ лучшій вѣкъ...
Сквозь гробы ихъ изъ вѣчной тьмы
Потянутся на свѣтъ
Иные, лучшіе, чѣмъ мы,
Борцы грядущихъ лѣтъ.
И первымъ добрымъ дѣломъ ихъ,
Когда они придутъ,
То будетъ, что отцовъ своихъ
Они не проклянутъ.

ПОДРАЖАНІЕ АПОКАЛИПСИСУ.

И наступила ночь тяжелая, глухая...
 Видѣнье было мнѣ! Меня порывъ увлекъ
 За крыжъ какихъ-то горъ... Куда—и самъ не зная,
 Входилъ я въ вѣкій, призрачный чертогъ.
 Чертогъ былъ гульбищемъ какихъ-то силъ безплотныхъ,
 Незримыхъ смертному,—молчаніе хранилъ...
 Надъ тьмой безвременья, на привѣсахъ безсчетныхъ
 Блестало множество большихъ паникадилъ.
 Какъ-бы пророчество какое выполняя,
 Огни безтрепетно пылали, зажжены
 Отъ свѣта Патмоса, отъ пламени Сипая,
 Рукой таинственной въ чертогъ припесены!..

Непостижимо какъ, но тѣ огни слагались
 Какъ-бы въ какія-то живыя письма...
 Весь міръ погибъ... Они одни остались,
 И на кадилахъ были имена!..
 А глубоко внизу, обломки на обломкахъ,
 Надъ міромъ рухнувшимъ торчали острия,

И между нихъ, блестя огнемъ чешуи въ потемкахъ,
 Лежала мертвою библейская змѣя!
 А подлѣ голубь бѣлый безъ движенія
 Упалъ пластомъ, безжалостно измятъ.
 И на груди его какъ-бы изображенья
 Семи великихъ ранъ видѣлся подъ рядъ...

И былъ поставленъ я, не знаю кѣмъ, къ допросу:
 «Вотъ что оставилъ мѣръ, исчезнувъ, за собой...
 «Ты возсоздай по этому хаосу,
 «Чѣмъ былъ онъ мыслившій когда-то и живой?»
 И я затрепеталъ, испуганный глубоко,
 Проникнуть холодомъ, боясь скатиться въ тьму...
 «Зачѣмъ, скажи мнѣ Духъ, въ огняхъ читаетъ око
 «Ряды именъ, враждебныхъ по всему?
 «Что общаго у нихъ, давнымъ-давно прошедшихъ
 «Пророковъ и шутовъ, тѣхъ иль другихъ вождей,
 «Людей проклятія, великихъ сумасшедшихъ
 «И неизвѣстныхъ мнѣ по именамъ людей?»

Я услышалъ тогда какъ-будто прорицанье:
 «Блудницу жпзни въ бездну унесло,
 «Погибло съ нею все! Одно, одно страданье
 «Горѣтъ надъ бездною осталось, не прошло.
 «Въ немъ сущность міра! альфа и омега!
 «Страданья лишь одни пощаду обрѣли
 «И пламенно блестятъ, какъ свѣточн почлега,
 «Надъ разрушеніемъ замученной земли...»

И откровенье было мнѣ другое:
 Мнѣ ангель смерти близко видѣть сталъ,
 Когда, низвергнувъ все, покончивъ все земное,
 Онъ руки на груди сложилъ и отдыхалъ...
 И онъ былъ тоже мертвъ! лицо мнѣ видно было;
 Не могъ я не признать въ немъ чудной красоты,
 Хоть силою огня мѣстами оналило
 И покорило поблѣкшія черты!
 И на недвижныя по смерти очертанья,
 На гордый трупъ съ поникшей головой,
 Сіяли свѣточн пылавшаго страданья,
 Роняя свѣтъ окраски кровавой!

Я сталъ искать отгвѣта на сомнѣнье:
 «Зачѣмъ-же, если такъ, ряды паникадилъ?
 «Однихъ именъ не тронуло крушенье
 «Всѣхъ добрыхъ, всѣхъ враждебныхъ силъ?»
 И я услышалъ, будто изъ тумана
 Великій Голосъ вдругъ въ сердцахъ заговорилъ:
 «Какъ! Даже тутъ вопросъ? Такъ, значить, слишкомъ рано
 «Господь земную мощь въ огнѣ испепелилъ?!
 «Пытливый умъ людей, какъ прежде, въ жизни ставить
 «Вопросы страшные о бытіи временъ...
 «Да кто же, наконецъ, изъ двухъ васъ власть? Кто править?
 «Они-ли, смертные, или безсмертный Онъ?!
 «Богъ кончилъ съ опытомъ, довольно испытаній...
 «Не поросъ—сѣмь все испепелить пора...
 «Онъ ложь основъ призналъ! Рождала жизнь страданій
 «Однѣ лишь помѣси проклятія и добра!

«И Онъ другихъ создать, а прежнихъ уничтожить
«Такъ, чтобъ и въ имени проказъ не пройти
«Въ то, что появится, въ то, что Онъ приумножить .
«И въ жизни поведетъ на новые пути...»

И стали погасать, дымясь, напикадила!
Одни во-слѣдъ другимъ погасли имена!
Тьма непроглядная отвсюду обступила,
Непоборимая, безмолвная, одна...
И тотъ-же Гласъ звучалъ, какъ-бы изъ нѣкой славы,
Суровый, медленный и страшный, какъ самумъ:
«Иначе па людей не отыскать управы,
«Иначе не смирить ихъ поврежденный умъ...»

Ибтъ, жалко бросить мнѣ на сцену
 Творенья чувствъ и думъ моихъ,
 Чтобы заимствовать имъ цѣну
 Отъ силъ случайныхъ и чужихъ, —
 Чтобы умѣнію актера
 Ихъ воплощеніе поручать,
 Чтобъ въ лжи кулись, въ обманѣ взора
 Имъ въ маскѣ правды проступать;
 Чтобъ съ завершеиьемъ представленья,
 Ихъ трепеть тайный, ихъ стремленья —
 Какъ только опустѣтъ залъ,
 Мракъ непроглядный обуялъ.

И не въ столбцахъ повѣствованья
 Большихъ романовъ, повѣстей,
 Желалъ-бы я существованья
 Птенцамъ фантазіи моеи;
 Я не хочу, чтобъ благосклонный
 Читатель въ длинномъ рядѣ строкъ

Съ трудомъ лишь насладиться могъ,
 И чтобы въ вереницѣ темной
 Страницъ безсчетныхъ, лишь порой,
 Ронялъ онъ съ глазъ слезу живую,
 Нерукотворную, святую,
 Надъ скрытой гдѣ-нибудь строкой,
 И чтобъ ему, при новомъ чтеньи,
 Строки заветной не сыскать...
 Нѣтъ обаянья въ повтореньи,
 И слезъ нельзя перечитать!

Но я желалъ-бы всей душою
 Въ стихѣ таинственно-живомъ
 Жить заодно съ моей страной
 Сердечной пѣснi бытіемъ!
 Пѣснь,—ткань чудесная мгновенья,
 Всегда отвѣтить на призывъ;
 Она—сердечнаго движенья
 Увѣковѣченный порывъ;
 Она не лжетъ! Для мпрыхъ пѣсень
 Великій Божій міръ не тѣсень;
 Имъ книгъ не надо, чтобы жить;
 Возникшей пѣснi не убитъ;
 Ей сроковъ нѣтъ, ей нѣтъ предѣла,
 И если пѣснь прошла въ народъ,
 И пѣсню молодость зацѣла,—
 Такая пѣсня не умереть!

СТАРЫЙ БОЖОКЪ.

Освѣщаясь гаснущей зарей,
Проступая въ пламени зарницы,
На холмѣ темпѣетъ подъ сосной
Остовъ каменный языческой божницы.

Самъ божокъ валяется при ней;
Онъ безъ погъ, а все ему живется!
Старый баловень невѣдомыхъ людей
Легъ въ траву и изъ травы смѣется.

И къ нему, въ забытый уголокъ,
Ходятъ женщины на нѣжныя свиданья...
Тамъ языческій, покинутый божокъ
Совершаетъ тайныя вѣнчанья...

Вѣкъ обычаямъ наперекоръ чудить,
Ограниченій не вѣдая въ свободѣ,
Богъ свалившійся тѣмъ силенъ, что забыть,
Тѣмъ, что служить матуникъ-природѣ...

СТУДЕНЧЕСКІЯ РИОМЫ.

Ну васъ совсѣмъ, надоѣвшіе мнѣ фоліанты,
 Тациты, Канта, Виргиліи, Данты и Бокли!
 Яркія мысли блистають на васъ! Бриллианты!
 Ихъ не признашь, не замѣтишь надъ вами я могъ-ли?
 Только—довольно! Прочь сорул'и, прочь аорист'ы!
 Милая ждетъ. Дождикъ только что лилъ, и безъ схемы
 Все окрошилъ. Знаю: капли дождя не софисты,
 Ежели блещутъ—не лгутъ и горятъ безъ системы.
 Охъ, ужъ системы, системы—какъ вы надоѣли!
 Что-жъ, и съ чего я начну забывать, дорогая,
 Здѣсь, на вечерней зарѣ, въ свѣжей, мягкой постели
 Травъ и цвѣтовъ, къ этимъ милымъ стопамъ припадая?
 Милая ты, неподобная! Жребій мой кинуть...
 Только не вздумаль-бы кто позлословить на тему—
 Какъ три богини Олимпа въ лицѣ твоемъ скинуть:
 Поясъ—Венера, Діана—свою діадему,
 Третья-жъ, Юнона, супружескій долгъ забывая,
 Будетъ служить въ элевзинской мистеріи мая...

ИСКУССТВЕННАЯ РАЗВАЛИНА.

Вздумалъ шутникъ,—шутниковъ не исправить,—
 Вздумалъ развалину строить и древность поставить!
 Глупо, должно-быть, развалина прежде глядѣла...
 Къ счастью, что время вмѣнялось по-своему въ дѣло:
 Что было можно обрушило и обломало;
 Тутъ оно арку снесло, тамъ камней натаסקало;
 Тутъ не по правиламъ косо направило фризь;
 Лишнимъ карнизъ показался—снесло и карнизъ!
 Дождикъ, шумливый работникъ, ему помогая,
 Стукалъ, долбилъ, потихоньку углы закругляя;
 Вихоръ свистунъ налеталъ, вѣтерочки юлили,
 Камни свердили, чтобъ камни податливѣй были;
 Зори, румяныя сестры, покровы имъ ткали,
 Свѣтомъ и тѣнью кроили, плющомъ ушивали!
 Розовыхъ пуговокъ, вокругъ, расплодила восковка;
 Терній пролѣзъ, растолкалъ, проворчавъ: «Такъ мнѣ ловко!»
 Ива сказала: «И вѣтви къ землѣ опущу,
 Ну, докажите, кто можетъ, что я не грущу!»
 Совушка-вдовушка въ трещинѣ гнѣздышко свила:

«Я-ли покойничка мужа, въ ночи не любила?
Мальчики камнемъ подшибли его на заборѣ,
Тѣло его въ огородѣ виситъ на позорѣ;
Я-ли, по мужѣ, очей своихъ не проглядѣла,
Я пучеглазою стала, когда овдовѣла».
Стала въ развалинѣ совушка вѣщей душою,
Съ вечера плачется, а замолкаетъ съ зарею!..
Ну и красивой-же вышла развалина, право!..
Вотъ и строитель въ углу притаился лукаво:
Статуя въ землю ушла! Изъ-подъ плотной листвы,
Бронзовый очеркъ замѣтея плечъ, ногъ, головы;
Только лица не видать, будто бѣдному стыдео!
Но человѣческій обликъ изъ зелени видно...

АНАКРЕОНТИЧЕСКІЕ ХОРЫ.

I.

Други! Ночи половина
Шумно въ вѣчность отошла...
Ты гуляй, гуляй братина,
Искромѣтна и свѣтла!

Други! Было, было время:
Пировавшій возлежалъ
И вѣнкомъ цвѣточнымъ темя
И вѣчалъ, и охлаждалъ.

Мы-же пѣсней пиръ вѣнчаемъ,
Ей — ни блѣкнуть, ни завять,
Стоитъ пить намъ — все познаемъ!
Будемъ, будемъ познавать!

Други! Ночи половина
Шумно въ вѣчность отошла!
Ты гуляй, гуляй братина,
Искромѣтна и свѣтла.

II.

Женскія очи
Смотрятъ вокругъ насъ;
Часъ поздній ночи,
Радостный часъ!

Дню — всѣ заботы!
Ночи — восторгъ!
Пей! Что за счеты!
Пей! Что за торгъ!

Въ чашѣ — веселье,
Въ пѣснѣ — размахъ,
Миръ намъ не келья,
Кто тутъ монахъ?

Женская ласка
Къ утру сильнѣй,
Ярче окраска
Губъ и очей!

Женскія очи
Смотрятъ вокругъ насъ;
Часъ поздній ночи,
Радостный часъ...

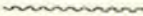

МГНОВЕНІЯ.

КУКЛА.

Куклу бросилъ ребенокъ. Кукла быстро свалилась,
Стукнулась глухо о землю и навзничь упала...
Бѣдная кукла! Ты такъ неподвижно лежала
Скорбной фигуркой своей, такъ покорно сломилась,
Руки раскинула, ясныя очи закрыла...
На человѣка ты, кукла, вполне походила!

Гдѣ-бы ни упало подлѣ ручейка
Сѣмя незабудки, синяго цвѣтка,—
Всюду, чуть съ весною загудитъ гроза,
Взглянуть незабудокъ синіе глаза!

Въ каждомъ чувствѣ сердца, въ помыслѣ моемъ,
Ты живешь незримымъ, тайнымъ бытіемъ...
И лежитъ повсюду на дѣлахъ моихъ
Свѣтъ твоихъ совѣтовъ, просьбъ и ласкъ твоихъ!

*
*   *
*

Каждою весною, въ тотъ-же самый часъ,
Солнце къ намъ въ окошко смотритъ въ первый разъ.

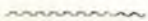
Будетъ, будетъ время: солнце вновь придетъ,—
Насъ здѣсь не увидитъ, а другихъ найдетъ...

И съ терѣбшемъ ровнымъ будетъ имъ свѣтить,
Помогая чахнуть и пичѣмъ не быть...

* * *

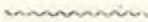
Послѣднія изъ грезъ, и тѣ теперь разбились!
Чему судьба, тому—конечно, быть...
Онѣ такъ долго, бережно хранились,
И имъ, бѣдняжкамъ, такъ хотѣлось жить...
Но карточный игрокъ—когда его затравятъ—
По волѣ собственной сжигая корабль,
Спокойнѣй прежняго, почти веселый, ставитъ
Свои послѣдніе, завѣтные рубли!

ЗЕРНЫШКО.

Зернышко овсяное искренно обрадовалось,—
Счастье-то неожиданое! корешкомъ прокрадывалось
Смѣло и увѣренно по землѣ питательной,
Въ блескъ солнца вешняго—ласки обаятельной...

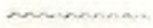
Дживою тревогою зернышко смутилося:
Надъ большою дорогою прорасть пустилося!
Мнуть и топчуть бѣдное... Солнце жжетъ лучомъ...
Умерло,—объятое высохшимъ пластомъ!

* * *

Рано, рано! Глаза свои снова закрой
И вернись къ неоконченнымъ снамъ!
Ночь, приплецъ-великанъ, разлеглась надъ землею;
Въ полѣ темень и мракъ по лѣсамъ.

Но когда,—ждать не долго,—часъ утра придетъ,
Обозначить и холмъ, и межу,
Засверкаютъ лѣса,—великанъ пронадесть,—
Я тебя разбужу, разбужу...

Отдохните, глаза, закрываясь въ ночь,
Вслѣдъ за тѣмъ, что вы днемъ увидали!
Отчего-то вы, бѣдные, такъ горячи,
Отчего такъ глубоко устали?

Иль нельзя успокоить васъ, очн, ничѣмъ,
Охладить даже полночи тьмою!—
Спишь глубоко, а видишь во снѣ, между тѣмъ
Тѣ-же люди идутъ предъ тобою...

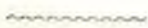

* * *

Что вы, травки малыя, травки захудалыя,
Вышли вдоль дороженьки подъ ободъ, подъ ноженьки?

Капельки блестящія, въ ливнѣ прошумѣвшія,
Что поторопились — въ озеро пролились?

Что ты, сердце честное, міру неизвѣстное,
Бьешься не по времени, не въ родѣ, не въ племени?

* * *

Очи впавшія, ротъ запекшійся,
Блѣдность смертная, тишь могильная!
Впали очи, утомившись на обманъ глядѣть,
Ротъ запекся—не сказавши все, что могъ сказать!
Блѣдность—чтобы легче было людямъ покраснѣть,
Тишь могилы—чтобъ живому слову не мѣшать!..

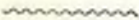

ПЕРЕДЪ СТАТУЕЙ БОГОМАТЕРИ.

Только что слезы не льются изъ глазъ ежечасно,
Такъ ты изваяна чудно, стоишь, какъ живая!
Матери Божьей страданья проходить безгласно,
Скорбь ея—скорбь молчаливая, грустно-иѣмая!

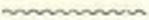
Но не прекрасна-ль и ты, что недвижно приняла
Къ ней, къ Богоматери, въ долгомъ и жаркомъ моленьѣ?
Та—скорбь небесную, эта—земную пріяла...
Родственны обѣ тѣ скорби въ своемъ воплощенѣ.

ДЕВЯТАЯ СИМФОНІЯ.

Слушаю, слушаю долго,—и образы встали...
Носятся шумно... Но это не звуки, а люди,
И отъ движенья ихъ вѣтеръ меня обвѣваетъ...
Нѣтъ, я не думалъ, чтобъ звуки могли воплощаться!

Сердце, что море въ грозу, запѣваетъ и бьется!
Мысли сбѣжались и дружно меня обступили.
Нѣтъ! Я не въ силахъ молчать: или словами скажитесь,
Или-же звуковъ мнѣ дайте—сказать, что придется!..

* * *

Градины выпали! Счета имъ нѣтъ...
Подлѣ нихъ вишенъ обившіеся цвѣтъ...
Въ царственномъ шествіи ранней весны,
Въ чаяннѣ смерти смертельно блѣдны,
Бѣдныя жертвы и ихъ палачи
Гибнуть, блѣдя, въ безлунной ночи...

Онъ охранялъ твой сонъ, когда ребенкомъ малымъ,
Бывало, передъ нимъ ты сладко засыпалъ,
И солнца теплый лучъ своимъ сіяньемъ алымъ
На щечкахъ бархатныхъ заманчиво игралъ.

Онъ сторожилъ твой сонъ теперь, когда, разбитый,
Больной, уставшій жить, тревожно дремлешь ты,
И тотъ-же лучъ зари на впалыя ланиты
Бросаетъ, какъ тогда, роскошные цвѣты...

* * *

Я занесъ къ тебѣ, съ мороза,
Много звѣздъ и блесковъ снѣга...
У тебя-ль въ дому не сладко?
Всюду блескъ, тепло и нѣга!

Но безпутныя спѣшники
Этихъ благъ не замѣчаютъ,
Обращаются въ слезинки
И проворно исчезаютъ...

* * *

Изь твоего глубокаго паденья
Порой, живымъ могуществомъ мечты,
Ты вдругъ уносишься въ то царство вдохновенья,
Гдѣ дома быть въ былые дни и ты!

Горить тогда, горить неоналимо,
Твоя мечта—какъ въ полночи звѣзда!..
Какъ ты краснѣвъ подъ краскою стыда!
Но свѣтлый мигъ проходить мимо, мимо...

ЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЛОСА.

(Апол. Ап. Коринфскому.)

I.

Полдневный часъ. Жара гнететъ дыханье;
 Глядишь, прищурясь,—блескъ глаза слезить,
 И надъ землею воздухъ въ колебаньяхъ,
 Мигаетъ быстро, будто-бы кишитъ;

И тѣни пѣтъ. Повсюду искры, блестики;
 Трава слегла, до корня прожжена.
 Въ ушахъ шумить, какъ-будто слышны всплески,
 Какъ-будто гдѣ-то подлѣ бьетъ волна...

Ужасный часъ! Вездѣ оцѣненіе:
 Жметъ листь къ вѣтвямъ нагрѣтая верба,
 Укрылся звѣрь, затѣмъ, что жжетъ движеніе,
 По щелямъ спятъ, приткнувшись, ястреба.

А въ полѣ трудъ... Обычной чередою
 Идетъ косьба; хлѣба не будутъ ждать!

Но это время названо страдою, —
Другого слова нѣтъ его называть...

Кто испытать огонь такого неба,
Тотъ безъ труда разъ навсегда пойметъ,
Зачѣмъ игру и шутку съ крошкой хлѣба
За тяжкій грѣхъ считаетъ нашъ народъ!

II.

Горячій день. Мой конь проворно
Идетъ падъ мягкой пахотой;
Бѣлѣютъ брошенные зерна,
Еще не скрыты землей.

Прилежной кинутой рукою,
Какъ блески въ пахотной пыли,
Гдѣ въ одиночку, гдѣ семейю,
Онѣ узоромъ полегли...

Я возвращаюсь почью боромъ;
Вверху знакомый взору видъ:
Что зерна звѣзды! Ихъ узоромъ
Вся глубь небесная горитъ...

III.

Полдень. Баба бѣлить хату.
Щеки, руки, грудь, сина —
Перемазаны въ бѣлилахъ,
Точно вся изъ полотна.

Но сквозь мѣль сіяютъ очи,
Зубы блещутъ бѣлизной,
Пѣсня льется, трудъ спорится
Подъ умѣлою рукой.

Урожай! Оно и видно:
Подлѣ бабы, близъ угла,
Смотрятъ дѣтки изъ корзины,
Будто птички изъ дупла.

И малиновая свекла
Вдоль здоровыхъ дѣтскихъ щекъ,
Съ молодымъ румянцемъ споря,
Распустила яркій сокъ.

IV.

Искрится солнце такъ ярко,
Свѣтитъ лазурь такъ глубоко!

Въ груды подсолнечникъ сваленъ
Подѣ блестящаго тока.

Точно тарелки для пира,
Для столованья больного,
Блещутъ цвѣты желтизною
Золота солнцемъ литого.

Вѣничкомъ дѣти усялся,
Сѣмечки щиплютъ искусно;
Зеренъ-то, зеренъ... Безъ счета!
Каждое зернышко вкусно.

И не встрѣчается, право,
Даже и въ царской палатѣ
Этакихъ грудъ наслажденья,
Этакой тьмы благодати!

V.

Какъ красныхъ маковъ раскидало
По золотому полю жницъ;
Небесъ лазурныхъ покрывало
Пестрѣтъ роями черныхъ птицъ;

Стада овецъ ползуть на скаты
Вдоль зелениющей бакчи,—
Какъ бы подвижныя заплаты
На яркомъ золотѣ парчи...

VI.

Въ отливахъ вѣжно-бирюзовыхъ,
Всѣмъ краскамъ неба давъ приютъ,
Въ дуплистой рамѣ кущъ вербовыхъ
Лежитъ нашъ тихій, тихій прудъ.

Заря дымится, пламенѣя!
Вонъ, оброненъ вчерашнимъ днемъ,
Плыветъ гусиный пухъ, аля,
Семьей корабликовъ по немъ.

Ужъ не русалокъ-ли бѣдovýchъ
Народъ, какъ мѣсяцъ тутъ блисталь,
Себѣ изъ перышекъ пуховыхъ
Наткать задумаль покрываль?

Но пѣтухи въ свой срокъ пропѣли,
Проворно спряталась луна,
Пропали тѣ, что ткать хотѣли,
Осталась плавать ткань одна!

И, эту правду подтверждая,
 Въ огняхъ зарп летить съ полей
 Гусей гогочащая стая,
 Блистая рядомъ длинныхъ шей.

VII.

Въ полѣ борозды, что стрѣфы,
 А рномуетъ ихъ мска,
 И по нимъ гуляють дрѣфы,
 Чутко слухъ насторожа!

Ужъ не оборотни-ль это
 Поднялись? И вдоль полей
 Изъ кургановъ выползъ къ свѣту
 Нѣкій сонмъ богатырей!

Если такъ, то очень ловко
 Можно дѣло разрѣшить!
 Ну-ка ты, моя винтовка,
 Не плошать и мѣтко бить!

VIII.

Расходился доѣзжачій,
 Звучно подскасть въ лѣсу.

Вотъ такъ гонь! Должно-быть, зрячій!
Гонять волка, плъ лису?

Сколько шума, гвалта, треска!
Норы заткнуты кругомъ;
Знаю я: у перелѣска
Вязъ стоитъ надъ ручейкомъ.

Тамъ ей лазъ! Другихъ нѣтъ ходовъ!
Забываю сторопой...
Охъ, не то-же-ль у народовъ
По исторіи людской?

Есть пзлюбленные лазы,
Ходы торные судебъ,
Войпъ, торговли и заразы
И другихъ великихъ требъ;

Жизнь не то-же-ль, что охота?
Лисѣй правъ, и прыть, и скокъ!
Лазовъ много, нѣтъ имъ счета,
А судьба—судьба стрѣлокъ!

Оттого-ль такъ сердце овется,
Грудь тревогою полна?
Я—судьба! Такъ миѣ сдается...
Гдѣ-жъ лисичка? Вотъ она...

IX.

Сколько мельницъ по вершинамъ
 Убѣгающихъ холмовъ?
 Скрипъ, что музыка вдоль крыльевъ,
 Пѣнье—грохотъ жернововъ.

Вѣковыя учрежденья,
 Первобытнѣйшій снарядъ!
 Всѣхъ родовъ нововведенья
 Ихъ нимало не страшатъ;

Заповѣданы издрѣвле,
 Тѣ-же все, какъ свѣтъ, какъ звукъ,
 Имъ—что шаги Донъ-Кихотовъ
 Всѣ усилія паукъ...

X.

Помню пѣску. Стояла,
 Скромно спрятавшись въ вербѣ;
 Полюбившій пчелъ съизмѣла,
 Жилъ тутъ пѣсчвикъ въ избѣ.

За плетнемъ играли дѣти;
 Днемъ дымокъ былъ, лай въ ночи...

Хаты нѣтъ; исчезли клѣти;
Видны: яма, кирпичи!

И по нимъ жестка, снѣсива,
Высясь жгучею листвою,
Людемъ вслѣдъ выросла крапива,
Покаяніемъ и мздой!

XI.

Утихаютъ, обмираютъ
Сердца язвыны, истома,
Здѣсь, гдѣ мало такъ мечтаютъ,
Гдѣ надъ мракомъ чернозема.

Въ блескѣ солнца золотого
Надъ волнами ярового,
Мысли ясны и спокойны,
Не сердца, но лица знойны;

Гдѣ царятъ одна природа:
Въ ней вся ласка, вся невзгода!
Гдѣ порядкомъ затверженнымъ
Въ полдня часъ. порою жаркой,

По дорожкамъ золоченымъ
 Блескомъ падалицы яркой
 И потоптанной соломой
 Возять конны. точно дома!

Вотъ по селамъ, за плетнями,
 Встали скирды! Остріями
 Шапокъ смотреть внизъ на хаты.
 Такъ красивы, такъ богаты,

Ужъ куда, куда какъ выше
 Самой рослой въ хатахъ крыши!
 Ночь! Видяются во мглѣ
 Скирды, что село въ селѣ!

XII.

Стоять народъ за молотьбою;
 Гудить высокое гумно;
 Какъ-бы молочной струею
 Изъ молотилки бьетъ зерно.

Какъ ярокъ день, какъ солнце жгуче!
 А пыль работы такъ грузна,
 Что люди ходятъ, будто въ тучѣ,
 Среди дрожащаго гумна.

XIII.

Розовыхъ вѣресковъ полосы длинныя
 Въ логѣ песчаномъ растутъ.
 Съвера дальняго дебри пустынные
 Родина ихъ,—а не тутъ!

Или на то они здѣсь представители
 Братевъ родныхъ, чтобъ шепнуть:
 «Края полночнаго скудной обители,
 Счастливый югъ,—не забудь!»

XIV

Люблю я службу въ сельскомъ храмѣ.
 Открыты окна, воздухъ льетъ;
 По лику образа, по рамѣ
 Тихонько бабочка спуститъ.

И въ церкви садъ: надъ головами
 Пришедшихъ дѣвушекъ цвѣты
 Живыми тянутся рядами,
 Полны весенней пестроты;

Святымъ словамъ молитвы вторя
 При освященіи даровъ,

Пичужки рѣзвыя, гутѣря,
Щебечать въ окна изъ кустовъ...

XV.

Съ кленами пѣкленъ возрастаетъ
Споръ у деревьевъ идетъ!
Пѣклену кленъ объясняетъ:
«Хрупкій вы, слабый народъ!»

—
«Ваши стволы не выносятъ
Стойки подъ крышей гумна,
Сами подпоры попросятъ,
Если имъ служба дана!»

—
Нѣкленъ шуршитъ и смѣется!
Слышенъ отвѣтъ по вѣтвямъ:
«Тотъ, къмъ намъ имя дается,
Развѣ не хрупокъ онъ самъ?»

XVI.

Чернѣетъ полночь. Пять пожаровъ!
Столбами зарева стоятъ!
Кругомъ зажиточныя села
Со всеми скирдами горятъ!

Иль это дьяволъ самъ пролетомъ
 Земли коснулся пятерней,
 И жгучій слѣдъ прикосновенья
 Пыласть въ темени ночной!

И далеко пойдутъ по краю,
 И будутъ въ свѣтѣ дня видны
 Въ печальныхъ лицахъ погорѣльцевъ
 Благословенья сатаны...

XVII.

Есть, есть гармонія живая
 Въ нытьѣ полуночнаго лая
 Сторожевыхъ въ селѣ собакъ;
 Никѣмъ не холены, не мыты,
 Избиты, изрѣдка лишь сыты,
 Всѣ въ ключьяхъ отъ обычныхъ дракъ,
 Они за что-то, кто ихъ знаетъ,
 Нашъ сонъ усердно сторожатъ:
 Песъ хочетъ ѣсть, избить, измять,
 А все не спитъ и громко лаетъ!

XVIII.

Люблю я ночью золотою,
 Когда вверху плыветъ луна,

Идти открытою межою...
Цвѣтутъ дурманъ и бѣлена;

Хлѣбъ снять. Рѣшенъе роковое
Большихъ трудовъ за круглый годъ!
Споны, что племы въ мѣдномъ стрѣ;
Луна на нихъ сіянье льетъ.

Совѣмъ какъ шлемы надъ землею!
Мнѣ, мнятся, полночь говоритъ:
«Здѣсь, подъ родимою землею,
Подъ каждымъ шлемомъ витязь спитъ!»

«На нихъ излюбленнымъ покровомъ
Мощь чернозема налегла,
Питаеть ихъ! Завѣтнымъ словомъ
Ихъ можно вызвать на дѣла.

«Тогда блистающею ратью
Они взойдутъ вдоль этихъ мѣстъ,
Чтобъ поддержать родную братью,
Васъ, цѣловавшихъ тотъ-же крестъ.»

XIX.

Вдали гроза. Порою вьется,
Бьетъ въ землю молнія струей!

Чуть слышенъ громъ! Не удастся
 Ему осилить даль! Сдается:
 Онъ понижаетъ голосъ свой!
 Алкастъ влаги легкій колось!
 То мпріады жаркихъ ртовъ,
 Они раскрыты! Любъ имъ голосъ
 Живого шествіи громовъ,
 И ждуть подростіе посѣвы —
 Кто побѣдитъ на этотъ разъ:
 Проклятье-ли прабабки Евы,
 Иль крестъ Голгофы въ третій часъ?

XX.

По крутымъ по бокамъ вороного
 Мѣсяцъ блещетъ, во всю озарилъ!
 Конь! Повѣдай мнѣ доброе слово!
 Въ сказкахъ конь съ сѣдокомъ говорилъ!

Охъ, и лѣсъ-то великъ и спокоенъ!
 Охъ, и ночь-то глубоко синий!
 Да и я безмятежно настроенъ...
 Ковъ, голубчикъ! Побалуіи меня!

Ты скажи, что за дѣвицей ѣдемъ;
 Что она, прикрываясь фатой,

Ждетъ... глаза проглядить... Нѣтъ! Мы бредимъ,
И никто-то не ждетъ насъ съ тобой!

—
Конь не молвить мнѣ добраго слова!
Это сказка, чтобъ конь говорилъ!
Но зачѣмъ-же бока вороного
Мѣсяцъ блескомъ такимъ озарилъ?

XXI.

Малость стемнѣло, дѣвица поетъ,
Машетъ платочкомъ, ведетъ хороводъ;
Ходятъ надъ грудью и ленты, и бусы.
Парви опѣшили! Экіе трусы!
Будто впервые признали они
Этихъ очей зоревые огни,
Будто глядятъ на дѣвицу впервые!
Спѣвшійся хоръ! Голоса золотые!
Пѣсню, должно-быть, и въ небѣ слышать—
Значить, и звѣздамъ, чуть глянуть, плясать...

XXII.

Заросилось. Мѣсяцъ ходить.
Надъ левáдою покой;
Вдоль по грядкамъ колобродятъ
Сфинксы съ мертвой головой.

Вышла Груня на леваду...
 Подъ вербою парень ждалъ...
 Юнійскую цикаду
 Имъ кузнечикъ замѣнялъ.

Балалайку парень кинулъ,
 За плетень перемахнулъ
 И въ подсолнечникахъ сгинулъ,
 Въ конопелькѣ потонулъ...

Заросѣлось. Мѣсяцъ ходить.
 Надъ левадою покой...
 Вдоль по грядкамъ колобродить
 Сфинксы съ мертвой головой.

XXIII.

Усталъ въ поляхъ, засну солидно,
 Попавъ въ деревню на харчи.
 Въ окно открытое мнѣ видно
 И садъ нашъ, и кусокъ парчи
 Чудесной ночи... Воздухъ свѣтелъ...
 Какъ тишь тиха! Засну, любя
 Весь Божій міръ... Но, крикнулъ пѣтель!
 Иль я отрекся отъ себя?

XXIV.

По завалинкамъ у хатъ
 Люди въ сумеркахъ сидятъ;
 Подлѣ кони и волю
 Чуть виднѣются изъ мглы.

Сны ночные тоже тутъ,
 Собираются, сплутъ
 Въ огородахъ, вдоль кустовъ,
 На крылахъ сычей и совъ.

Вотъ зеленый свѣтъ луны
 Тихо канулъ съ вышины...
 Что, какъ если съ тѣмъ лучемъ
 Сычъ вдругъ станетъ молодцомъ,

Глянетъ дѣвушкой сова,
 Скажетъ милыя слова,
 Да и хата, наконецъ,
 Обратится во дворецъ?!

XXV.

Прекрасенъ видъ бакчн пагорной!
 Плеть, сторожка изъ вѣтвей;

Арбузь, пустивши листь узорный,
Окуталь землю сътью змѣй.

Ползуть, сплелись! Назадъ съ недѣлю,
Я, помню, вечеръ наступаль,
По склону, вторя коростелю,
Мѣстами перенель стучаль.

Бакча сквозь сумракъ зеленѣла
Сквозили завязи цвѣтовъ;
Теперь, откуда что пришло?
Повсюду въ кружевахъ листовъ

Глядятъ плоды... Еще такъ малы,
Но всюду, всюду залегли,
Какъ блѣдножелтые опалы,
На мягкихъ сумеркахъ земли!

XXVI.

Громъ по лѣсу. Гуляетъ топоръ!
Дебри лѣса подь пыткой допрошены,
Мощной дрожью объята листва,
Великавы, что травы, покошены...

Только сбросять съ корней одного,
Вздохъ его, будто вихрь, вырывается

И, прогалину чистить себѣ,
И раздвинувъ листву, удаляется,

Удаляется въ степь, говоря:
«Не шумѣть-бы мнѣ мощью зеленою,
Не горѣть-бы въ огняхъ зоревыхъ
Свѣтлой думою, солнцемъ зажженою...»

XXVII.

Такъ вотъ оно гдѣ наводненъе было?
Избу разрушило, плотину разнесло,
Большія льдины всюду разложило,
И успокоилось, и тихо отошло...

Въ одеждѣ пскрѣ и красокъ безподобныхъ
Идетъ весна, вся въ почкахъ и цвѣтахъ;
Въ сосѣдствѣ льдинъ, какъ подлѣ плитъ надгробныхъ,
Играють дѣти въ солнечныхъ лучахъ.

Улыбка есть на всѣхъ слѣдахъ погрома!
Заглядить прошлое весна взяла починъ,
И ластится она, вся нѣга, вся истома,
И жметъ зеленую къ лазурнымъ стѣнкамъ льдинъ.

XXVIII.

Летятъ по небу журавли,
 Свои мѣняя корабли,
 Летятъ надъ талою землею,
 Влѣтая крыльевъ бѣлизною;

То строятъ длинныя черты,
 То мчатся острыми углами...
 За ними слѣдуя очами,
 Въ весну не вѣришь-ли и ты?

XXIX.

Какъ-будто снѣгомъ опушила
 Весна цвѣтами вѣтви сливъ;
 Заря, полъ-неба охвативъ,
 Въ цвѣтахъ румянецъ пробудила.

Придетъ пора, нальется плодъ,
 А тяжесть вѣтви къ долу склѣнитъ,
 Сломаетъ... Цвѣтець смерть несетъ,
 Пора любви страданья гонитъ.

Но жизнь падитъ: законъ таковъ,
 Что умѣряется излишекъ
 Обжорствомъ галокъ и скворцовъ
 И смѣлой жадностью мальчишекъ.

XXX

Взялъ я заступъ и лопату...
 Дѣти! ставлю тутъ дубокъ.
 Быть для васъ здѣсь мѣсту святу
 Отъ сегодня въ долгій срокъ.

Сокрушить меня могила,
 Затемнится отчій ликъ,
 А дубокъ—въ немъ будетъ сила,
 Глянегъ статенъ и великъ.

Дѣти! въ немъ. неузнаваемъ,
 Буду я, безличный, жить,
 И глубокой тѣни краемъ
 Всѣмъ за солнышкомъ ходить.

Буду доброй, доброй тѣпью,
 Безоружнымъ часовымъ,
 И, по Божьему велѣнью,
 Лучше мертвымъ, чѣмъ живымъ.

XXXI.

Вѣлѣтъ утренникъ сверкая
 По скатамъ блекнущихъ холмовъ;

Великимъ заревомъ пылая,
Выходитъ солнце изъ паровъ.

Ему обидно и досадно
Горѣть такъ низко надъ землею
Горитъ и слизываетъ жадно
Снѣжокъ надъ мерзлою травой.

И словно длинной бахрамою
Одѣтъ холма высокій бокъ:
Гдѣ роицы нѣтъ — горитъ росой,
Гдѣ тѣнь отъ роицы — тамъ снѣжокъ.

XXXII.

Откуда, скажите, берутся
Рисунки растений, что вьются
На нашемъ пруду въ холодокъ,
Чуть сложится первый ледокъ?

Иль это нашли воплощенья
Кустовъ и деревъ отраженья,
Которыя въ лѣтніе дни,
Мечтая, роняли они!

XXXIII.

Въ одеждѣ выцвѣтшей и бурой,
Въ каемкахъ яркой желтизны,
Объять ты, лѣсъ, погодой хмурой,
И блекнуть всѣ твои сыны.

На ихъ печальныя обличья,
Пятномъ блестящимъ съ высоты,
Льетъ солнце острый блескъ величья,
И грѣтъ мертвые листы.

Но въ безнадежности природы,
Какъ изумруды зелены,
Замѣтны озимые всходы,
И зелень ели и сосны.

XXXIV.

Савапъ бѣлый... Смерть—картина...
Умъ смятощая даль...
Ты уймись, моя кручина,
Пронади, моя печаль!

Въ этомъ царствѣ заустѣнья
И великой тѣмоты,
Что-же значать всѣ мученья—
Что-же значимъ я и ты?..

XXXV.

Въ избенкѣ бѣдной, въ стеклахъ оконъ
 Свѣтъ солнца только-что погасъ.
 Надъ помазуемой елеемъ
 Священникъ молится, склонясь!

Слова молитвъ совсѣмъ не ясны,
 Порою въ нихъ какъ-будто тьма—
 И не для гаснущаго взгляда,
 И не для скромнаго ума!

Но, дорисованные духомъ,
 Надъ отходящей поднялись
 Всѣ сонмы праведныхъ и чистыхъ,
 И вся небесной церкви высь...

XXXVI

Выложенъ гробъ доскутками
 Тряпочекъ, пестрыхъ платковъ;
 Въ церкви онъ на полъ поставленъ,—
 Въ краѣ обычай таковъ.

Въ гробѣ ютится старушка,
 Голову чуть наклоня,
 Лицъ восковой освѣщаютъ
 Поздніе проблески дня.

Колоколъ тихо ударилъ...
 Гробъ провожаетъ село...
 Иѣнье... Знать, коконъ дубовый
 На зиму спосять въ дупло.

—
 Всякій идущій за гробомъ
 Молча лелѣетъ мечту —
 Сказано: встанетъ старушка
 Вся и въ огняхъ, и въ свѣту!

XXXVII.

Нѣтъ ограды! Не видать часовни!
 Рядомъ грядъ могилки подняты...
 Спать тутъ люди, всѣ подъ Богомъ ровни,
 Съ плечъ сложивъ тяжелые кресты.

Разодѣлся грядущки цвѣтамъ,
 Будто поле, чтò подъ паръ пошло;
 Вдоль бороздъ, намѣченныхъ гробамъ,
 Много тѣни къ ночи залегло...

Въ этотъ годъ вы, грядки, помельчали;
 Помню я: васъ больше было тутъ.
 Волны смерти тихой зыбью стали,
 Годъ еще—и вовсе пропадутъ.

Дождь пройдетъ—вершинки обмываетъ;
 Вспашутъ землю, станутъ боронить,
 Солице выжжетъ, вѣтеръ заровняетъ...
 Поле было—полю тутъ и быть!

МУРМАНСКІЕ ОТГОЛОСКИ.

(С. С. Трубачеву.)

I.

Утро. День воскресный. Блѣдной багрянницей
Брызнулъ свѣтъ лѣнивый по волнѣ, объятой
Теменью холодной. Будто-бы зарницей,
Въ небѣ вдругъ застывшей, блѣдно-лиловой,
Освѣщаетъ утро хмурый ликъ Мурманъ.
Очерки утесовъ сквозь туманъ открылись...
Сердце, отчего ты такъ проснулось рано?
Отчего вы, мысли, рано окрылились?
Помнить, помнить мысли, знаетъ сердце, знаетъ:
Ниче день воскресный. На просторѣ вольномъ,
Какъ шатромъ безбрежнымъ церковь покрываетъ
Всю страну родную звономъ колокольнымъ,
И въ шатрѣ томъ, съ краю, въ холодѣ тумана,
Въ области скалистой молча притаилось
Мрачное обличье дальняго Мурманъ...
И оно зардѣлось, и оно молилось!

II.

Будто въ люлькѣ насъ качаетъ.
 Вѣтеръ свѣжъ. Ни дать, ни взять,
 Море пѣсню сочиняетъ—
 Слово не можетъ подобрать.

Не помочь-ли? Жалко стало!
 Сколько чудныхъ голосовъ!
 Дискаптовъ немножко мало,
 Но зато не счесть басовъ.

Но, какое содержанье,
 Смыслъ какой словамъ придать?
 Море—странное созданье,
 Можетъ слово и не признать.

Дикихъ волнъ сѣдя орды,
 Тонкой мысли не поймутъ,
 Хватятъ вдругъ во всѣ аккорды
 И надъ смысломъ верхъ возьмутъ.

III.

Цвѣтомъ стальнымъ отливаютъ холодныя,
 Грузныя волны полярныхъ зыбей,

Солнца полуночи тѣни зловѣя
Видны на палубѣ подлѣ снастей;

Съ этимъ наплывомъ тѣней фіолетовыхъ
Только лишь пушки своей желтизной
Спорятъ какъ будто; склонились, насупились,
Стигнуть, облитыя крупною росой.

Красная искра порою взвивается
Въ черномъ дыму; оживая на мигъ,
Ярко блеститъ! Передъ нею туманится
Вѣчнаго солнца полуночный ликъ...

IV.

Передъ бурей въ непогоду
Разыгрался биты.
Сколько ихъ! Кругомъ мелькаютъ
Будто темные щиты
Нѣкихъ витязей подводныхъ.
Бой незримъ, по слышенъ громъ.
Надъ пучиною кипящей
Ходятъ волны ходенемъ,
Проступаютъ остріями...
Нѣтъ сомнѣнья: подъ водою,
Подъ великими волнамъ,
Занялся могучій бой!
Волны—витязей шеломы,

Бури ревъ—ихъ голоса!
 Блещутъ очи... Кто на вахтѣ?
 Убирайте паруса,
 Чтобъ не спутаться снастями
 Между дланей и мечей;
 Увлекутъ они въ пучину
 Насъ, непрошенныхъ людей.
 Закрывай плотные люки!
 Такъ! Совѣмъ безъ парусовъ
 Съ ними мы еще поспоримъ!
 Ходу дай! Прибавь паровъ...
 Налетаетъ шквалъ за шкваломъ,
 Черезъ бортъ идетъ волна;
 Грохотъ, посвистъ и шипѣнье,
 Въ стройныхъ мачтахъ дрожь слышна.
 Не уловивъ взглядомъ въ тучахъ
 Очертаій буревыхъ...
 Какъ зато повесѣли
 Стаи грустныхъ птицъ морскихъ!
 Кто сказалъ, что въ бурѣ страхъ?
 Подъ размахами ея
 Вялы, робки и пугливы
 Только слабость, да нитьё...

V.

Слѣдъ бури не исчезъ. То здѣсь, то тамъ мелькаютъ
 Остатки черные разбившихся судовъ

И, проносимые стремниной, ударяють
И въ наше судно, вдоль его боковъ.

Сухой, тяжелый звукъ! Въ немъ слышатся отзѣвы—
Слѣды послѣдніе погибнувшихъ людей...
Всѣ щенки разнесутъ приливы и отливы,
Опустятъ въ пѣдра стонущихъ зыбей.

Вдоль неподвижныхъ скалъ стремниною несутся
Гряды подводныхъ травъ, оторванныхъ отъ дна,
Какъ змѣи длинныя, ихъ нити волокутся,
И цвѣтомъ ихъ пучина зеленá.

А тамъ у береговъ виднѣются такъ ясно
Остатки корабля; расщепленное дно
До самаго кия сіяетъ ярко-красно...
У черныхъ скалъ—коровое пятно!

VI.

Здѣсь, въ заливѣ, будто въ сказкѣ!
Видъ закрытъ во всѣ концы;
По дугѣ сложились скалы
Въ чудодѣйные дворцы;

Въ острыхъ очеркахъ утесовъ,
Гдѣ такъ густъ и влаженъ мохъ,

Выраженья лицъ какихъ-то,
Вдругъ застывшія врасплохъ.

У воды торчатъ, бѣлы,
Какъ и скалы велики,
Груды ребръ китовъ погибшихъ,
Черепъ и позвонки.

Къ нимъ подплывшая акула
Отъ свѣтящагося дна
Смотритъ круглыми глазами,
Неподвижна и темна,

Вся въ летучихъ отраженьяхъ
Высоко снующихъ птицъ—
Какъ живое привидѣнье
Въ этой сказкѣ полной лицъ!

VII.

И, подумаешь, бросивъ на край этотъ взоры:
Здѣсь, когда-то, въ огняхъ допотопной земли,
Кто-то сыпалъ у моря высокія горы,
И лежатъ онѣ такъ, какъ когда-то легли!

Непривѣтны, черныя громоздятся уступы...
То какой-то до вѣка погасшій костеръ,

То какихъ-то мечтаній великіе трупы,
Чей-то каменный сонъ, наводнившій просторъ!

Въ немъ угрюмые люди—поморы толкутся,
Призываются къ жизни на краткіе дни...
Не дано имъ ни мыслью, ни чувствомъ проснуться!
Ужъ не этимъ-ли счастливы въ жизни они?

VIII.

Неподвижны очертанья
Здѣшнихъ скалъ и острововъ:
Это лѣтотисъ страданья
Исковерканныхъ пластовъ;

Эпопея или драма
Жизни каменныхъ породъ!
Небеса и море — рама,
Та-же все, пзъ года въ годъ.

Подлѣ нихъ, что день, то нѣвы,
Живы часъ одинъ, плѣ два,
Народившисъ безъ основы,
Проплываютъ острова

Темныхъ водорослей—утокъ,
Чаекъ и гагаръ притонъ!
Словно рядъ плывущихъ шутокъ,
Словно легкій фельетонъ...

IX.

Доплывешь когда сюда,
Повстрѣчаешь города
Что ни въ сказкахъ не сказать,
Ни перомъ не описать!

Городъ — взять хоть на ладонь!
Ни одинъ на свѣтъ конь.
Не нашелъ къ нему пути;
Тутъ и улицъ не пайти.

Межъ домовъ растеть трава;
Фонарь — одинъ слова!
Берегъ моря, словно живъ —
Онъ растеть, когда отливъ;

Подавая голосъ свой
Громче всѣхъ, морской прибой
Свѣялъ съ этихъ городовъ
Всякій слѣдъ пяти вѣковъ!

Но ужъ сказка здѣсь вполнѣ
Наступаетъ по веснѣ,
Чуть изъ нихъ мужской народъ
Въ море на лѣто уйдетъ.

Бабые царство здѣсь тогда!
 Бабы правятъ города,
 И чтобъ бабамъ тѣмъ помочь,
 Свѣтитъ солнце день и ночь!

Съ незапамятныхъ временъ
 Сарафанъ ихъ сохраненъ,
 Златотканый, парчевой;
 Кички съ бисерной тесьмой;

Старый складъ и старый вкусъ
 Въ нитяхъ жемчуга и бусъ,
 Новгородскій, вѣчевой,
 Отъ прабабокъ онъ имъ свой.

И таковъ у бабъ зарокъ:
 Ждать мужчинъ своихъ на срокъ
 Почту по морю возить,
 Стряпать, ткать и голосить;

Если въ морѣ гуль и стонъ —
 Ставить свѣчи у иконъ,
 И заклятьемъ вѣщихъ словъ
 Укрощать полеть вѣтрѣвъ.

X.

Снѣга запосы по скѣламъ
 Всюду впеять бахромою;

Солнце июльское блещетъ,—
Встрѣтился лѣто съ зимой.

Вѣтеръ отъ запада. Талый
Снѣгъ подъ ногами хруститъ;
Рядомъ со снѣгомъ, что пурпуръ,
Кустикъ гвоздики горитъ.

Тою-же яркостью красокъ
Въ Альпахъ, на крайнихъ высяхъ
Кучки гвоздики алѣютъ,
Въ вѣчныхъ, великихъ снѣгахъ.

Въ Альпахъ, чѣмъ ближе къ долинамъ,
Краски цвѣтовъ все блѣднѣй,
Словно тускнѣютъ, почуввъ
Скучную близость людей.

Здѣсь—до болотъ ниспадаетъ
Грань вѣковѣчныхъ снѣговъ;
Тихая жизнь не свѣваетъ
Яркости Божьихъ цвѣтовъ;

Дружно пылаютъ гвоздики,
Рдѣютъ съ безсчетныхъ вершинъ
Мохомъ окутанныхъ кочекъ,
Вспоенныхъ влагой трясины.

XI.

Какіе здѣсь всему великіе размѣры!
 Вотъ хоть-бы ловъ классической трески!
 На крѣпкой бечевѣ, версть въ пять или больше мѣры,
 Что ни аршинъ, павѣшаны крючки;

Насквозь проколота на каждомъ рыба бьется...
 Пять версть страданій! Это-ль не длинна?
 Порою бечева китомъ, бѣлугой рвется—
 Тогда страдать артель ловцовъ должна.

Въ морозный вихрь и снѣгъ,—а это-ль не напасти?—
 Не день, не два, съ терпѣньемъ безъ границъ
 Артель въ морской волнѣ распутываетъ снасти,
 Сбивая ледъ съ промерзлыхъ рукавицъ.

И завтра то-же, вновь... Въ дому помору хуже:
 Тутъ, какъ и въ морѣ, вѣчно сирѣ и нищѣ,
 Живетъ онъ впроголодь, а спитъ во тьмѣ и стужѣ
 На гнойныхъ нарахъ мрачныхъ становищъ.

XII.

Здѣсь, говорятъ, у нихъ, порой,
 Смерть человѣку обликъ свой
 Въ особомъ видѣ проявляетъ.

Когда, въ отливъ, вода сбѣгаетъ
 И, между камнями, поморъ
 Идетъ открытыми песками,
 Путь сокращая,—кругозоръ
 Его обманчивъ; подъ ногами
 Песокъ не твердъ; поморъ спѣшитъ,—
 Приливъ не ждетъ! Вдругъ набѣжитъ
 Отвсюду! Вотъ уже мелькаютъ
 Струп, бѣгущія назадъ;
 То здѣсь, то тамъ опережаютъ,
 Подъ камни льются, шелестятъ!
 А вонъ, вдали, сѣдая грива
 Ползущаго въ пескахъ прилива
 Гудитъ, неистово реветъ
 И водометами встаетъ...
 Скорѣй, скорѣй! Но, пѣтъ дороги!
 Пески сдаются, вязнутъ ноги,
 Пески уходятъ подъ ногой...
 Все выше волнъ гудящихъ строй!
 Ихъ гряды мечутся высоко,
 Чтобъ опрокинуться потѣмъ...
 Все море лѣзетъ на-подъемъ!
 Спасенья нѣтъ... Влуждается ско...
 Все глубже хлябь, растеть приливъ!
 Одолѣваемый песками,
 Поморъ цѣпляется руками,
 И онъ не мертвъ еще, онъ живъ—
 А тяжкій гулъ морского хора,
 Чтобъ крикъ его покрыть полнѣй,

Въ великой мощности напора
Стучить мильонами камней...

XIII.

Взобрался я сюда по скаламъ;
Съ какимъ трудомъ на кручу взлѣзъ!
Внизу бурунь терзаетъ море,
Кругомъ, по кочкамъ, мелкій лѣсъ...

Пигмен-сосенки! Лѣтъ двѣсти
Любой изъ нихъ, а вышиной
Едва-едва кустовъ повыше;
Что ни сучокъ—больной, кривой.

Лѣтъ двѣсти жизни трудной, скучной
И ростъ такой... Вездѣ вокругъ
Не шумъ отъ вѣтра—тресетанье,
Какъ-будто робкій плачь, испугъ...

Но счастье есть и въ нихъ: не знаютъ,
Не вѣдаютъ, что поюжнѣй,
Взрастаютъ сосны въ три обхвата
И съ пышной хвоею вѣтвей,

И что вдали, подъ солнцемъ юга,
Въ морскую снѣдь съ вершинъ Яйла

Сквозь сѣтки розъ и винограда
Глядитъ другихъ сестеръ стволы...

XIV.

Изъ тяжкихъ нѣдръ земли насильственно изъятъ,
Надъ вѣчно бурною холодною волной,
Мурмана дальняго гранитныя палаты
Тысячеверстною воздвиглися стѣной,
И пробуравлены ледяными вѣтрами,
И вглубь расщѣлены безмолвной жизнью льдовъ,
Онѣ ютятъ въ себѣ скромнѣйшихъ изъ сыновъ
Твоихъ, о родина, богатая сынами.

Здѣсь жизнь придавлена, обижена, бѣдна!
Здѣсь русскій человѣкъ предъ правдой лицеизрѣнья
Того, что Божиимъ веленьемъ сведена
Граница родины съ границею творенья,
И глубь морскихъ пучинъ такъ страшно холодна,—
Передъ живымъ лицомъ всевидящаго Бога
Слагаетъ прочь съ души, за долгіе года,
Всю тяготу вражды, всю немощность труда,
И говорить: сюда пришла твоя дорога!
Скажи-же, Господи, отсюда мнѣ куда?

XV.

Хоть бы молніямъ свѣтиться!
 Тьма надъ моремъ, тьма!
 Вихорь, будто зрячій, мчится—
 Онъ сошелъ съ ума...

Онъ выводитъ надъ волнами,
 Изъ безсчетныхъ струнь,
 Гаммы съ рѣзкими скачками...
 А поетъ бурунь.

Что за свадьба? что за пляска?
 Если-бъ увидать!
 Тьма, какъ плотная повязка,—
 Гдѣ ее сорвать...

Сердцемъ чуются движенья
 Темныхъ силъ ночныхъ,
 Изможенные видѣнья,
 Плачь и хохоть ихъ...

XVI.

Когда, на краткій срокъ, здѣсь ясенъ горизонтъ,
 И солнце сыплетъ блескъ по отмелямъ и лудамъ.

Ни Адриатики волна, ни Геллеспонтъ
Такимъ темнѣющимъ не блещутъ изумрудомъ;

У нихъ не такъ густа бывасть синь черты,
Дѣлящей горизонтъ на небо и на море...
Здѣсь вѣчность, въ вѣяньи суровой красоты,
Легла для отдыха и дышетъ на просторѣ!

ИЗЪ ПРИРОДЫ.

НА РѢКѢ ВЕСНОЙ.

Последнимъ льдомъ своимъ спирая
Судовъ высокіе бока,
Въ теплѣ весны, шныи и тая,
Готова тронуться рѣка.

На югъ сіяющій и знойный,
Къ странѣ счастливой, но чужой,
Ты добѣжишь, потокъ спокойный,
Своей работницей-волной.

Съ журчаньемъ нѣжнымъ и печальнымъ,
Другимъ звѣздамъ, въ вечерній часъ,
Инымъ землямъ и людямъ дальнимъ,
Рѣка, повѣдай и о насъ!

Скажи, какъ къ намъ весна приходитъ,
Что долго ждемъ, что скучны дни,
Что смерть съ весной здѣсь дружбу водитъ,
И люди гаснутъ, какъ огни...

Животворящій блескъ весны
Взглянуть на землю съ вышины;
Изъ-подъ разрыхленныхъ спѣговъ
Зеленый тронулся покровъ,

Сквозь голубыя полыны
Вздохнули волны и струи,
И день на много сталъ длиннѣй,
И небо дальнее синѣй...

И первый виденъ мотылекъ,
И первый бѣленькій цвѣтокъ,
И пологъ первыхъ цѣсень лѣсъ,
И солнце .. и «Христосъ воскресъ!»

МАЙСКИМЪ УТРОМЪ.

(А. П. Сувориной.)

Ты весна, весна роскошная!
 Несравненъ твой нарядъ!
 Раздѣвшись, будто къ празднику,
 Всѣ кусты въ цвѣтахъ стоятъ!

Что ни цвѣтъ—то пламя жаркое!
 Что ни почка—огонекъ!
 У природы, зная, на щеченькахъ
 Обозначилъ пушокъ!

Точно дымкой благоуханною
 Съ неисчислимыхъ стеблей
 Тянетъ запахомъ чарующимъ
 Отъ цвѣтовъ, какъ отъ огней!

Какъ потокъ, весна, несешься ты,
 И изъ волнъ твоихъ цвѣты,
 Опускаясь, осаждаются
 На деревья и кусты...

Вотъ сирень идетъ! Вотъ жимолость!
 Вотъ яминная волна!
 Вотъ и липа къ цвѣту тропулась...
 Но ужъ это не весна...

Хоть одинъ цвѣтокъ хотѣлось-бы
 Въ той пучинѣ изловить,
 Чтобъ весны пережитой памятью
 Въ темной книжкѣ уложить, —

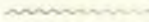
Раздавить коронку пѣжную
 И расправить на листѣ...
 Бѣдный! Будешь ты, какъ распятый
 И умершій на крестѣ!

Но зато ужъ книжку выберемъ!
 Развеселая она,
 Всѣ рассказы въ ней смѣшливые, —
 А съ краевъ — золоченъ...

РАЗСВѢТЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Огонь, огонь! На небесахъ огонь!
Роса дымится, въ воздухъ отлетая;
По грудь въ рѣкѣ стоитъ косматый конь,
На ранній вѣтеръ уши наостряя.
По длинному селу, сквозь дымку темноты,
Идетъ обозъ съ богатой кладью жита;
А за селомъ погостъ и низкіе кресты,
И церковь древняя, чешуйками покрыта...
Вотъ ставней хлопнули: въ окнѣ старикъ сѣдой
Глядитъ и крестится на первый лучъ разсвѣта;
А вотъ и дѣвунка извилистой тропой
Идетъ къ рѣкѣ, огнемъ зари пригрѣта.
Готово солнце встать въ мерцающей пыли,
Крѣпчаетъ шѣнь птицъ подъ безконечнымъ сводомъ,
И тянется отъ полей гвоздикомъ и медомъ
И теплою свѣжестью распаханной земли...

ПРОЩАНІЕ ЛѢТА.

Осень землю золотомъ одѣла,
Холодѣя, лѣто уходило,
И землѣ, сквозь слезы улыбаясь,
На прощанье тихо говорило:

«Я уйду,—ты скоро позабудешь
Эти левты и цвѣтныя платья,
Эти астры, эти изумруды
И мои горячія объятія.

«Я уйду—роскошная южанка —
И къ тебѣ, на выставленое ложе,
Низойдетъ любовница другая,
И свѣжѣй, и лучше, и моложе.

«У нея алмазы въ ожерельѣ,
Платье бѣло и синѣтъ льдами,
Щеки блѣдны, очи свѣтлосини,
Волоса осыпаны свѣтами...

«О, мой другъ! Оставь ее спокойно
Жать тебя холодною рукою:
Я вернусь, согрѣю наше ложе,
Утомлю и утомлюсь съ тобою!»

* * *

Старый плюнь здѣсь ползеть
Вдоль мохнатыхъ корней;
Ель, замшившись, растетъ—
Вся въ дремотѣ вѣтвей..
Опуститься-бъ въ тѣни,
Поглядѣть на закатъ,
Какъ ночные огни
Въ небесахъ заблестятъ,
И, съ темнѣющимъ днемъ,
Всѣмъ своимъ бытіемъ,
Какъ и день, отойти
На иные пути...

ВЪ ЛИСТОПАДЪ.

Ночь свѣтла, хоть звѣздъ не видно,
 Небо скрыто облаками,
 Роѣца темная бунуесть
 И бичуется вѣтвями.

По дорогѣ вѣтеръ вьется,
 Листья скачутъ вдоль дороги,
 Какъ безсчетные пигмен
 Къ великану, мнѣ, подъ ноги.

Нѣтъ, неправда! То не листья
 Это—маленькіе люди:
 Бьются всѣкими страстями
 Ихъ раздавленные груди...

Нѣтъ, не люди, не пигмен!
 Это—бывшія страданья,
 Облѣтѣвшія мученья,
 И поблѣкшія желанья...

Всѣхъ ихъ вмѣстѣ вѣтеръ гонить,
И безжалостно терзаетъ!
Вся дорога змѣемъ темнымъ
Подъ роями ихъ мелькаетъ...

Нѣтъ конца змѣѣ великой...
Вьется, бьется, копошится,
Въ даль и темень уползаетъ
Но никакъ не можетъ скрыться...

ПЕРВЫЙ МОРОЗЪ.

Гдѣ ты, лѣто красное?
Въ ночь пришелъ морозъ;
Листья осыпаются,
Влекнуть въ морѣ слезъ.

Ходить смерть унылая,
Гложетъ жизнь съ вѣтвей.
Листики-покойнички
Тлѣютъ вдоль полей!

Не пируй, смерть лютая!
Погляди: съ сучковъ
Смотрятъ почки нова
Будущихъ листковъ!

МАЛО СВѢТУ...

Мало свѣту въ нашу зиму!
Воздухъ темень и не чистъ;
Не подняться даже дыму—
Такъ онъ грузенъ и слоистъ,

Онъ мѣшается съ туманомъ;
Въ немъ сплываютъ со всѣхъ сторонъ,
Караванъ за караваномъ,
Стаи галокъ и воронъ...

Мгла по лѣсу, по болоту...
Да, задача не легка—
Пересиливать дремоту
Чуть замѣтнаго денька!

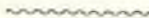
СНѢГА.

Мѣсяцъ въ небѣ высокою стоитъ,
Стенъ, покрытая снѣгомъ, блеститъ,
И ужъ сколько сіяетъ по ней
Голубыхъ и зеленыхъ огней!..

Неподвижная ночь холодна,
И глубоко-нѣма тишина,
И ломается въ воздухѣ свѣтъ
Проплывающихъ звѣздъ и планетъ...

Вотъ изъ бѣлыхъ, глубокихъ снѣговъ,
На какой-то таинственный зовъ,
Словно бѣлые люди встаютъ,
И встаютъ, и идутъ, и растутъ!

Свѣтятъ лики неясные ихъ,
И проходятъ одни сквозь другихъ,
И по стени мерцаетъ вокругъ
Много, много свѣтящихся рукъ...

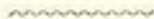

ВЪ ЛѢСУ.

Не сразу ты остынулъ къ ночи, лѣсъ!
 Слѣдъ дня прошедшаго не вдругъ въ тебѣ исчезъ,
 И въ ночь холодную еще слышна теплынь
 Между твоихъ растительныхъ твердынь.

Не такъ-ли дерева заснувшія твои
 Теплы, какъ мы теплы преданьями семьи,
 И въ холодъ долгій нашихъ позднихъ дней
 Въ насъ дѣйствуетъ любовь отцовъ и матерей?

Рѣшенье честное намъ кажется порой
 Какимъ-то подвигомъ, ослепленнымъ душой,—
 А въ немъ вершить совѣмъ не хитрый слѣдъ
 Простой преемственности самыхъ раннихъ лѣтъ...

ТУЧИ И ТѢНИ.

Тучки набѣжали, тѣни раскидали,
 Смотрить съ неба синяго, смотреть съ высока,
 Какъ легли ихъ тѣни и куда упали:
 На холмы, на пажити, въ волны озерка.

Молвятъ тучамъ тѣни: «Золотыя гряды,
 Вамъ-ли счастье, радости, краски не даны,
 Вамъ-ли нѣтъ раздолья, вамъ-ли нѣтъ отрады
 Въ переливахъ радужныхъ свѣтлой вышины?»

Отвѣчаютъ тучи: «Темныя созданья,
 Бѣдныя завистицы долей вамъ чужихъ!
 Ближе вы къ юдоли плача и страданья,
 Но зато вы въ близости радостей людскихъ...»

ОСЕННИЙ МОТИВЪ.

Мой старый клень съ могучею листвою,
 Еще ты густъ и зеленъ, и тѣнистъ,
 А между тѣмъ чуть видной желтизною
 Уже слегка озолоченъ твой листь.

Еще и птицъ напѣвы голосисты,
 Ты ими полнъ, какъ плескомъ бѣгъ рѣки;
 Еще висятъ вдоль плечъ твоихъ мошны —
 Твоихъ сѣмянъ созрѣвшихъ мотыльки.

Въ нихъ бывшій цвѣтъ — твои воспоминанья
 Остатки чувствъ, испытанныхъ тобой;
 Но ты сказалъ имъ только: «До свиданья!»
 Ты будешь жить и будущей весной.

Глубокій сонъ зимы обледенѣлой
 Додремлешь ты и, покидая сны,

Весь обновлѣнь, листвою своею всецѣло
Отдашься ласкамъ будущей весны.

Для насъ — не то. Хотя живутъ стремленья,
И въ сердцѣ нѣсъ, и грезъ душа полна,
Но, старый другъ, нѣтъ людямъ обновленья,
И жизнь идетъ, какъ нить съ веретена.

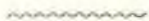
УТРО.

Вотъ роса невидимо упала,
И востокъ готовится пылать;
Зелень вся какъ-будто-бы привстала
Поглядѣть, какъ будетъ ночь бѣжать.

Въ этотъ часъ повсюду пробужденье...
Облака, какъ странники въ плащахъ,
На востокъ сошлись на поклоненье,
И горять въ пурпуровыхъ лучахъ.

Солнце выйdetъ, странниковъ увидитъ,
Станетъ ихъ и грѣть и золотить;
Всѣхъ согрѣетъ, малыхъ не обидитъ,
И поплетъ дождемъ нашъ мѣръ крошитель!

Дождь пойдетъ безъ толку, безъ разбора.
Застучитъ по камнямъ, по водамъ,
Кое-что падетъ на долю бора,
Мало-что достанется полямъ!

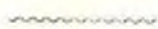

AMARYLLIS.

Тамъ, гдѣ тебя воспитають,
Дальняго юга цвѣтокъ,
Всюду, чуть дни наступаютъ,
Ты расцвѣтаешь въ свой срокъ.

Будто съ чьего-то велѣнья,
Нити, незримыя намъ,
Вдругъ сообщаютъ движенья
Именно этимъ цвѣтамъ!

Будто-бы кѣмъ-то влекома
Жизнь, въ срокъ заветныхъ минутъ,
Скажетъ: «Весна у васъ дома,
Надо цвѣсти!..» — и цвѣтутъ.

ЖАЛЬНИКЪ.

(А. П. Милюкову.)

Ну-ка! Валите и букъ, и березу,
 Деревцо малое, стволъ ивковой,
 Осокорь, дубы, и сосну, и лозу,
 Ясень и кленъ,—все подъ корень долой!
 Поле чтобъ было! А поле мы вспашемъ:
 Годикъ, другой и забросимъ потомъ...
 Голую землю, усталую—нашимъ
 Дѣтямъ оставимъ и прочь отойдемъ!

А ужъ чтобъ гдѣ приберечь по дороженькѣ
 Дерево, чтобы далѣ оно тѣнь,
 Чтобы подъ нимъ утомленные поженъки
 Вытанулъ путникъ въ удушливый день.—
 Этой, въ цародѣ, черты не отыщется,
 Вѣтру привольно и весело рыцется!
 Сколько въ далекую даль не гляди,
 Все пустота—ничего впереди!
 Но остаются по лѣсѣ печальники...

Любить наниъ темный народъ сохранятьъ
 Рощицы малыя! Имя имъ—жальники!
 Мѣткое имя,—умѣють называть!
 Въ мѣстности голой совѣмъ потонувши,
 Издали видный какимъ-то пятномъ,
 Жальникъ едва прозябаетъ, погнувши
 Вѣтви подъ тяжкимъ, глухимъ бытіемъ!..
 Мощные вихри насквозь пробирають,
 Солнце отвсюду безщадно налить;
 Влаги для роста куда не хватаетъ...
 Жалокъ ты жальникъ... нерадостный видъ...

Бѣдный ты, бѣдный! Совѣмъ беззащитенъ...
 Но бережетъ тебя черный народъ;
 Хворыхъ березанекъ, чахлахъ ракитинъ
 Онъ не изводитъ къ конецъ, не деретъ...
 И, безпощадно снося великановъ
 Съ ихъ глубоко развѣтвленныхъ корней,—
 Въ избахъ, въ поддонкахъ разбитыхъ стакановъ
 Въ битыхъ горшечкахъ, на радость дѣтей,
 Всюду охотно разводитъ герани,
 Гонитъ корявый лимонъ изъ зерна!..
 Скромные всходы благихъ начинаній
 Чахнутъ въ пыли, въ паутинѣ окна...

УТРО НАДЪ НЕВОЮ.

Вспыхнуло утро въ туманахъ блуждающихъ,
Тренетно, робко сказалоcь едва...
Точно какъ сѣткою блестокъ играющихъ,
Мало-по-малу покрылась Нева!

Кой-гдѣ блеснуть! Въ полутьнѣ облаченныхъ,
Высятся зданья надъ сонной водою,
Словно на лики свои обреченные
Молча глядятся, любясь собой.

Свѣта все больше... За тѣнью лиловою
Солнце чеканить струей огневою
Мачты судовъ надъ водою бирюзовою,
Выше ихъ, ярче ихъ—шпили крѣпостной;

Давняя мачта! Огней прибавляется!
Блескъ такъ великъ, что гдѣ чайка крыломъ
Тронетъ волну—блескъ волны разрывается,
Гребень струи проступаетъ пятномъ.

Вонъ, пробираясь, какъ-будто съ усильями,
 Въ этомъ великомъ свѣту, кое-гдѣ
 Ялики веслами махнутъ, какъ крыльями,
 Свѣтлыя капли роия къ водѣ...

Что-то какъ будто восточное, южное
 Видится всюду! Какой-то налетъ,
 Пыль перламутра. сіянье жемчужное —
 Вдоль широко разгорѣвшихся водъ...

Вотъ... Вотъ и говоръ пошелъ, и несмѣлое
 Всюду движеніе; замѣтенъ народъ...
 Гибнетъ картина, какъ чудное цѣлое
 Сгинетъ совсѣмъ, по частямъ пропадетъ...

Ну, и тогда, если гдѣ надъ пучиною
 Чайка задѣнетъ плывучую глыбъ,
 Тамъ не нятно промелькнетъ падъ картиною —
 Блестками, искрами скажется зыбь!

НАШИ ПТИЦЫ.

Вани обычные птицы прелестныя,
Галка, ворона и воръ-воробей!
Счастливымъ странамъ не столько извѣстныя,
Сколько извѣстны отчизнѣ моей...

Вани окраски все сѣрыя, черныя,
Да и обличьемъ вы очень просты:
Клювы, какъ клювы, прямые, проворные,
И безъ фигурчатыхъ перьевъ хвосты.

Въ нѣпогодъ, вьюги, буруны, метелицы—
Все вы, голубчики, тутъ, подлѣ насъ,
Жизни пернатой не вѣсть-что—бездѣлицы,
Вы утѣшаете сердце подчасъ.

И для картинъ вы очень существенны
Въ долгую зиму въ поляхъ и лѣсахъ!
Всѣ вани сборища шумны, торжественны,
И происходятъ у всѣхъ на глазахъ.

Это не то, что сова пучеюкая,
 Или отшельница-птица челяй—
 Только гдѣ темень, гдѣ чаща глубокая,
 Тамъ ей пріятно, тамъ дома она!

Съ вами иначе. То вдругъ вы слетаетесь
 Стаей большой на дорогу; по ней
 Ходите, клюете и не пугаетесь,
 Даже несколько людей и коней.

То вы весь видъ на картину мѣняете,
 Въ лѣсъ на опушку съ дороги слетѣвъ,
 Бѣлую въ черную вдругъ обращаете,
 Сотнями въ сѣжущія вѣтви насѣвъ.

То, какъ лоскутина флера, таскается
 Стаей крикливою вдоль по полямъ,
 Тутъ подбирается, тамъ раздвигается
 Чернымъ пятномъ по безцвѣтнымъ сѣгамъ.

Жизнь хоть и скромная, жизнь хоть и малая,
 Хоть не большая, а все благодать,
 Жизнь въ испытаньяхъ великихъ бывалая,
 Годная многое вновь испытать...

ЕЛЬ И ОЛИВА.

Знаете-ль вы, отчего тотъ обычай ведется,
 Что у людей знакомъ мира считаются вѣтви оливы?
 Если война надъ строною бычомъ пронесется,
 Села сожжетъ и потопчетъ богатыя нивы,—
 Большие всѣхъ прочихъ деревьевъ, кустовъ и растений
пахучихъ
 Времени нужно оливѣ, чтобъ рощею стать синекудрой!
 Вогъ почему отъ египтянъ и грековъ, и римлянъ могучихъ,
 Этотъ обычай ведется старинный и мудрый...

Знаете-ль вы, отчего тотъ обычай ведется,
 Что украшаютъ въ сочельникъ зеленыя ели?
 Лгунья зеленая ель! Все въ нарядѣ своемъ остается,
 Какъ по веснѣ зелена въ снѣговья метели!
 Только внесутъ ее въ комнату—лѣсомъ пахнетъ и смолою!
 Дѣды на маленькихъ внуковъ глядятъ, веселятся!
 И забываютъ, что это не ель подъ нарчей огневою,—
 Трупъ уничтоженной ели, начавшій слегка разрушаться!
 И, какъ природа не прочь подтрунить, иногда, поучая,
 Такъ это вышло и съ сѣверной елью, и съ южной оливой:

НА ОЗЕРѢ ОСЕНЬЮ.

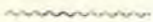
Спустилась осень. Обмелѣла
 Вода на озерѣ давно.
 Вдоль береговъ открылось дно;
 Въ сырыхъ пескахъ кой-гдѣ засѣла
 Коряга здѣсь, а тамъ бревно.
 Въ туманы озеро одѣто;
 Его колеблемая гладь
 Не любитъ яркихъ красокъ свѣта
 Въ спокойныхъ нѣдрахъ отражать.
 По мелямъ, чуть вода спадала,
 Она рисунки оставляла
 И разбросала между нихъ
 Остатки длинныхъ травъ своихъ.
 Застряли ракушки повсюду,
 И стаи чайекъ, отъ воды
 Слетаясь къ лакомому блюду,
 Повсюду тиснули слѣды
 Своихъ когтей; весь день гуляя
 Онѣ, скорлупки разбивая,

Великой бойней заняты...
Морозцемъ выжжены цвѣты,
И листь поблекшій, застывая
На мѣстѣ томъ, гдѣ онъ упалъ,
Собою травы покрывая,
Густой коверъ образовалъ.
Заря чуть брезжить, проступая,
Повсюду легкій мракъ разлить...
Заря какъ-будто-бы таить:
Гдѣ взглянуть солнышко, вставая!
Совсѣмъ не то, что по веснѣ!
Когда въ ночи, въ часы любиме,
Тамъ, на востокѣ, въ сторонѣ,
Не гаснутъ тучки золотыя,
И пламя тѣющее ждетъ—
Вотъ, вотъ раздуется какъ придетъ!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Великой бойней заняты...
Морозцемъ выжжены цвѣты,
И листь поблекшій, застывая
На мѣстѣ томъ, гдѣ онъ упалъ,
Собою травы покрывая,
Густой коверъ образовалъ.
Заря чуть брезжить, проступая,
Повсюду легкій мракъ разлитъ...
Заря какъ-будто-бы тантъ:
Гдѣ взглянетъ солнышко, вставая!
Совсѣмъ не то, что по веснѣ!
Когда въ ночи, въ часы любые,
Тамъ, на востокѣ, въ сторонѣ,
Не гаснутъ тучки золотыя,
И пламя тлѣющее ждетъ—
Вотъ, вотъ раздуетъ какъ придетъ!

I.

Мефистофель въ пространствахъ.

Я кометою горю, я звѣздою лечу
 И, куда посмотрю, и когда захочу,
 Я мгновенно вездѣ проступаю!
 Означаюсь струей въ планетарныхъ парѣхъ,
 Содроганіемъ звѣздъ на старинныхъ осяхъ—
 И внушаемый страхъ—замѣчаю!..

Я унать—не могу, умереть—не могу!
 Я по лгу лишь тогда, когда истинно лгу—
 И я міръ возлюбилъ той любовью,
 Что купила его всѣмъ своимъ существомъ,
 Чувствомъ, мыслью, мечтой, всею явью и сномъ—
 А не только рассіятемъ и кровью.

Надо мпой-ли вѣнецъ не по праву горить?
 У меня-ль на устахъ не по праву царить
 Безпощадная, злая улыбка?!..
 Да, въ концертъ творенья, что уши дереть,

И тогда только вѣрно постъ, когда вретъ —
Я, конечно, первѣйшая скрипка...

Я великъ и силенъ, я безстрашенъ и золъ;
Миѣ печали вѣковъ разожгли ореолъ,
И онъ выше, все выше пылаетъ!
Онъ такъ ярко горитъ—что и солнечный свѣтъ,
И сіянье блуждающихъ звѣздъ и кометъ—
Будто пятна въ огнѣ освѣщаетъ!

Будетъ день, я своею улыбкой сожгу
Всѣхъ системъ пузыри, всѣхъ міровъ пустельгу.
Все, чему такъ пріятно живется...
Да скажите-же: развѣ не видите вы,
Какъ у всѣхъ на глазахъ, изъ своей головы,
Мефистофелемъ міръ создается?!

Не съ бородкой козла, не на тонкихъ ногахъ,
Въ епанчѣ и съ перомъ при чуть видныхъ рогахъ,
Я брожу и себя проявляю:
Въ мелочь, въ звукъ, въ ощущение, въ вопросъ и въ отвѣтъ,
И во всякое «да» и во всякое «нѣтъ»,
Невѣсомъ, я себя воплощаю!

Добродѣтелью лгу, преступленьемъ молюсь!
По фигурамъ мазурки политикой व्यюсь,
Убиваю, когда поцѣлую!
Хорошо, сторожу, отнимаю, даю—
Раздробляю великую душу мою
И, могу утверждать—торжествую!..

II.

На прогулкѣ.

Мефистофель шелъ, гуляя,
 По кладбищу, вдоль могилъ...
 Теплый, яркій полдень мая
 Ликъ усталый золотилъ.

Мусоръ, хворость, тьма опенокъ,
 Гниль какого-то ручья...
 Видитъ: брошенный ребенокъ
 Въ сверткѣ грязнаго тряпья.

Живъ! Опъ взялъ ребенка въ руки,
 Подъ терновникомъ присѣлъ
 И, поддѣлавшись подъ звуки
 Дѣтской пѣсенки, заплѣлъ:

«Ты расти и добръ и честенъ;
 «Мать отыщешь—уважай;
 «Будь терпѣнѣмъ извѣстенъ,
 «Не воруй, не убивай!

«Бога, самого большого,
 «Одного въ душѣ имѣй;
 «Не желай жены другого;
 «День субботній чти, говѣй...

«Ты евангельское слово
 «Такъ, какъ должно исполняй,
 «Какъ себя люби другого;
 «Бьютъ—такъ щеку подставляй!
 «Пусть блистаетъ добродѣтель
 «Не сгорающимъ огнемъ...
 «Амен! Амен! Богъ свидѣтель,
 «Любъ ты будешь мнѣ по немъ!
 «Нынче время наступило,
 «Новой мудрости пора...
 «Что-жъ бы, впрямь, со мною было,
 «Еслибъ не было добра?
 «Для меня добро безцѣнно!
 «Нѣтъ добра, такъ нѣтъ борьбы.
 «Нужны мнѣ, и несомнѣнно,
 «Добродѣтелей горбы...
 «Будь-же добръ!» покончивъ съ пѣньемъ,
 Опъ ребенка положилъ
 И своимъ благословеньемъ
 Въ свертокъ тряпокъ осыпалъ!

III.

Преступникъ.

Вѣшаютъ убійцу въ городѣ на площади,
 И толпа отвсюду смотритъ необъятная!

Мефистофель тутъ-же; онъ въ толпѣ шатается;
Вдругъ въ него запала мысль совсѣмъ пріятная.

Обернулся мигомъ. Сталъ самымъ преступникомъ;
На себя веревку помогаль набрасывать;
Вздернули, повѣсили! Мефистофель тѣшится,
Началъ выкрутасы въ воздухѣ выплясывать.

А преступникъ скрытно въ людяхъ пробирается,
Злодѣянье новое въ немъ тихонько зрѣть,
Какъ бы это чище, лучше сдѣлать думаетъ,
Какъ удрать не пойманнымъ,—это онъ съумѣетъ.

Мефистофель радостно, истинно доволенъ,
Что два дѣла сдѣлалъ онъ людямъ изъ пріязни:
Человѣка сквернаго отпустилъ на волю,
А толпѣ дать зрѣлище всенародной казни.

IV.

Шарманщикъ.

Воздуху, воздуху! Я задыхаюсь...
Эта шарманка, что уши пилить,
Мучаетъ, душитъ... я мыслью сбиваюсь...
Глупый шарманщикъ, въ окошко глядитъ!

Эту забытую пѣсню, когда-то,
 Слушалъ я и плаче, слушалъ душой,
 Слушалъ тайкомъ... скрыль отъ друга, отъ брата!
 Думалъ: не знаетъ никто подь луной...

Вдругъ ты воспрянула, заговорила!
 Полная пѣги, мечтъ говоришь,
 Время-ли, что-ли, тебя измѣнило?
 Ночь не хватаетъ—а все ты звучишь!

Значить, подслушали насъ! Ударенья
 Ясны и четки на тѣхъ-же словахъ,
 Что и тогда, въ эту ночь увлеченья...
 Память сбивается, на сердцѣ страхъ!

Злая шарманка пилить и хохочетъ.
 Пѣсня безумною стала сама,
 Мысль, погасая, проклятыя бормочетъ...
 Не замолчишь ты,—сойду я съ ума!

Слышу, что тянетъ меня на отмищенье...
 Но, вѣдь то время погасло давно,
 Нѣтъ тѣхъ людей... нѣтъ ся!.. Навожденье!..
 Глухой шарманщикъ все смотритъ въ окно!

V.

Мефистофель незримый на раутѣ.

Въ запахъ изысканномъ,
 Съ свойствами дурмана,
 Въ волнахъ Jockey Club'a

И Pang Pang'a,
 На блестящемъ раутѣ
 Знати свѣтлолобой,
 Мефистофель движется
 Самъ своею особой!
 И глядитъ съ любовію
 На одежды разныя,
 Какъ блестятъ на женщинахъ
 Крестники алмазные!

Общество сидѣло,
 Тараторило,
 Издѣвалось, лгало,
 Пустословило!...
 Чудилось: то были
 Змѣи пестрыя!
 Въ каждомъ рту чернѣли
 Жала острыя!
 И въ роскошной залѣ
 Угощаючись,
 Въ креслахъ, по диванамъ
 Извиваючись,
 Изъ глубокихъ щелей,
 Изъ землѣ сырой
 Съ сладостнымъ шипѣньемъ
 Собрался ихъ рой...

Чуть кто выйдетъ въ двери,—
 Какъ кинжалами,

Вслѣдъ за нимъ стремятся,
 Блещутъ жалами!
 Занимались долго
 Съ умиленіемъ,
 Часто чуть не плача,
 Поношеніемъ...
 А когда до нельзя
 Излословились,
 Задушить другъ дружку
 Приготовились!
 А когда хозяйка,—
 Очень крупный змѣй,—
 Позвала на ужинъ
 Дорогихъ гостей,—
 Веселы всѣ были,
 Будто собрались
 Вѣшать человѣка
 Головою внизъ!...
 Въ запахъ изысканномъ,
 Съ свойствами дурмана,
 Въ волнахъ Jockey Club'a
 И Hlang Hlang'a
 Мефистофель движется,
 Упиваясь фразами,
 И не меркнутъ крестики—
 Все блестятъ алмазами!!

VI.

Цвѣтокъ, сотворенный Мефистофелемъ.

Когда морозъ зимы паляжеть
Холодной тяжестью своей
И все, что двигается, свяжеть
Цѣпями тысячи смертей;

Когда падъ зѣмершею степью
Сіянье полночи горитъ,
И, поклоняясь благолѣпью
Небесъ, земля на нихъ глядитъ,—

Въ юдоли смерти и молчанья,
Въ холодныхъ, блещущихъ лучахъ,
Съ чуть слышнымъ трепетомъ дрожаща
Цвѣтокъ является въ снѣгахъ!..

Нѣжнѣйшихъ пгль жпвыя ткани,
Его хрустальные листы
Огнямъ сѣверныхъ сіяній,
Какъ сокомъ красокъ, налиты!

Чудна блестящая порфира,
Въ ней чары смерти, прелесть зла!
Опъ — отрицанье жизни міра,
Опъ — отрицаніе тепла!

Его, рожденнаго зимою,
Никто не видитъ и не рветъ,

Лишь замерзающій порою
 Сквозь сонъ едва распознаеть!
 Слезамъ смерти онъ опрыскаетъ,
 Въ немъ звуки есть, въ немъ есть напѣвъ!
 И только тотъ цвѣткомъ тѣмъ взыскаетъ,
 Кто отошелъ, окоченѣвъ...

VII.

Мефистофель въ своемъ музеѣ.

Есть за гранью мірозданья
 Заколоченныя зданья,
 Неизвѣданныя склады, —
 Гдѣ положены громады
 Всякихъ плановъ и моделей,
 Неполненныхъ проектовъ,
 Смѣтъ, балагровъ и проспектовъ,
 Не добравшихся до цѣлей!
 Тамъ же тлѣютъ ворохами
 Съ перебитыми вѣнцами
 Закатившія звѣзды...
 Тамъ, въ потемкахъ свивши гнѣзды,
 Силы темныя роятся,
 Свадьбы празднуютъ, плодятся...
 Въ томъ хаосѣ галлерей
 Вьется, какъ въ утробѣ змѣя.

Между гнили и развалинь!
 Щель большая! Изъ прогалинь
 Боковыхъ, безсчетныхъ щелей, —
 Отъ проектовъ и моделей
 Въстаетъ сырость разложенья
 Въ этотъ выкидышъ творенья!

Тамъ, друзьямъ своимъ въ потѣху,
 Ради шутокъ, ради смѣху,
 Мефистофель складъ устроилъ:
 Собралъ всѣ свои костюмы,
 Порожденья теплой думы,
 Собралъ ихъ и уюкоилъ!

Подъ своими нумерами,
 Всѣ они висятъ рядами,
 Будто содранныя шкуры
 Съ демонической натуры!
 Видны тутъ скелеты смерти
 Астароты и вампиры,
 Самоотражскіе кабиры,
 Сатана и просто черти,
 Дьяволъ въ сотняхъ экземпляровъ,
 Духи мора и пожаровъ,
 Обликъ кардинала Реца,
 И Елена — la Bellezza!

И въ часы отдохновенья
 Мефистофель залетаеть
 Въ свой музей, п вдохновенья

Отъ костюмовъ ожидаетъ,
 Курить онъ свою сигару,
 Ногти чистить и шлифуетъ!
 Носить фракную онъ пару
 И съ мундиромъ чередуетъ;
 Сшиты каждый по идеѣ,
 Очень ловки при движеніи...
 Находясь въ употребленіи,
 Не имѣются въ музеѣ!

VIII.

Соборный сторожъ.

Снять онъ въ храмѣ подъ плитами,
 Эти безмолвные грѣшники!
 Гробы ихъ прочно подѣлапы:
 Все то дубы, да орѣшники...

Самъ Мефистофель тамъ сторожемъ
 Ходить подъ древними стягами..
 Чистить онъ, день-депеской возится
 Съ урнами и саркофагами.

Ночью, какъ храмъ обезлюдѣетъ,
 Съ тряпкой и щеткой обходить!
 Пламя змѣится и брыжжеть,
 Тамъ, гдѣ рукой онъ проводить!

Жжетъ это пламя покойниковъ...

Но, есть такія могилы,

Гдѣ Мефистофелю-сторожу

Вызвать огонь не подѣ силу!

Въ нихъ идіоты опущены,

Нищіе духомъ отчитаны;

Точно водой, глупой кротостью,

Эти могилы пропитаны.

Гаснетъ въ водѣ этой пламя!

Не откачать и не вылить...

И Мефистофель не можетъ

Нищенства духомъ осплнить!

IX.

Въ вертепѣ.

Милости просимъ, гнусить Мефистофель, войдемъ!

Дымъ, паръ и копоть; любуйся какое движеніе!

Пятнами свѣта сіяютъ гдѣ локоть, гдѣ грудь,

Кто-то акаѳистъ поетъ! Да и миѣ слышно пѣнье...

Тутъ проявляется, въ темныхъ фигуркахъ своихъ,
Крайнее слово всей вашей крещеной культуры!

Стоитъ, мощной побренчавъ, къ преступленью позвать:

Все, все исполнятъ милѣйшія эти фигуры...

Слушай, мой другъ, по прошу—не серчай, сдѣлай милость!
За двадцать три снннкомъ вѣка до этихъ людей,
Велѣдъ за Платономъ, отлично писалъ Аристотель;
За девятнадцать — погибъ Іисусъ Назарей...

Ну и скажи мнѣ, кто лучше: вотъ эти, иль тѣ,
Что, безымянные, даже и Бога не знаютъ
Въ дебряхъ, въ стѣняхъ неизвѣданныхъ странъ народясь,
Знать о себѣ не даютъ и тайкомъ умирають.

Ну да и я, заключилъ Мефистофель, живу
Только лишь тѣмъ, что злой сонъ видитъ міръ на яву,
Вашей культурѣ спасибо!... Онъ руку мнѣ сжалъ,
И доброй ночи пренебрежно мнѣ пожелать.

Х.

Полишинели.

Есть въ продажѣ на рынкахъ, на тесьмахъ, на пружинкахъ
Картопажные полишинели.
Чуть за нитку потянуть, вдругъ огромными стануть!
Уменьшились, — опять подлиннѣли...

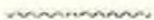
Вотъ беретъ Мефистофель человѣческій профиль,
Относимый къ хорошимъ, къ почтеннымъ,
И въ общественномъ мнѣніи создастъ измѣненье
По причинамъ, совсѣмъ сокровеннымъ.

Такъ, вотъ этотъ! Считаютъ, что другого не знаютъ,
 Кто бы такъ былъ уменъ и такъ честенъ,
 Все въ немъ складно — не худо, однимъ словомъ что чудо!
 Добрь и кротокъ, красивъ и прелестенъ!

А сегодня открыли, всѣхъ и вся убѣдили,
 Что во всемъ онъ, и всюду ничтоженъ!
 Что живетъ слишкомъ робко, да и глупъ онъ, какъ пробка,
 Зломъ и завистью весь растревоженъ!

А вотъ этотъ? Сегодня, какъ у гроба Господня
 Бѣсповатый, сухой, прокаженный,
 И поруганъ и боленъ, и терпѣть приневолень,
 Весь ужасной болѣзнью прожженный!

Завтра — дѣтине свѣта! Мужъ большого совѣта,
 Гдѣ и равный ему не найдется...
 Возвеличился профиль! Дернулъ нить Мефистофель
 И кривлянью фигурки смѣется...

ИЗЪ ДНЕВНИКА ОДНОСТОРОННЯГО ЧЕЛОВѢКА.

Да, да! общественныя язвы
Горятъ на насъ!
Отъ этихъ язвъ свѣтло бываетъ
Въ недобрый часъ!
И какъ у музыки есть краски,
Свобода есть на днѣ тюрьмы,
Есть зло въ добрѣ, у злобы—ласки,
Такъ есть и свѣтъ у самой тьмы!

Истосковались вы, любезные друзья!
Дней лучшихъ нѣтъ, и не идетъ спасенье...
Прочтемте-же скорѣе въ утѣшеніе
Стихи о первыхъ дняхъ изъ Книги Бытія!
И будемъ ожидать чтобъ воплотилось «Слово»...
Что до «Хаоса» въ жизни—это все готово...

Изъ Каира и Ментоны,
 Исполняя церкви чинъ.
 Къ намъ везуть мужья и жены
 Прахъ любимыхъ половицъ...

Въ деревняхъ и подъ столицей
 Ихъ хоронятъ на Руси:
 На, молъ, жилъ ты за границей —
 Такъ земли родной вкус!

Бреннымъ тѣломъ на подушкѣ
 Все отдай, что взялъ, назадъ...
 За рубли вернувъ полушки,
 Русскій край, ты будешь радъ!

* *

Да, нынче правятся «Записки», «Дневники»!
 Жизнишки глупыя, ихъ мелкіе грѣшники
 Ползуть на свѣтъ и требуютъ признанья!
 Изъ худосочія и уметвенныхъ разстройствъ,
 Изъ лѣни, зависти и прочихъ милыхъ свойствъ.
 Слагаются у насъ бытописанья —
 И эта пища по зубамъ
 Беззубымъ намъ!

* * *

Что, камни не живутъ? Не можетъ быть! Смотри,
 Какъ дружно все они краснѣютъ въ часъ зари,
 Какъ сохраняютъ въ ночь то мягкое тепло,
 Которое съ утра отъ солнца въ нихъ сошло!
 Какой ужасный гулъ идетъ отъ мостовыхъ!
 Какъ крѣпки камни все въ призываньяхъ своихъ,—
 Когда они рѣку вдоль берега ведутъ,
 Когда покойниковъ, накрывши, стерегутъ,
 И какъ гримасничаютъ долгіе вѣка,
 Когда ваятеля искусная рука
 Увѣковѣчитъ намъ, подъ доскомъ красоты,
 Чьи-либо гнусныя, проклятыя черты!

* * *

За цѣлымъ рядомъ всяческихъ извѣстій
 У насъ литературѣ нѣтъ занятій,
 И литераторы отъ скуки заняты
 Тѣмъ, что гвоздятъ другъ друга на кресты,
 Являя взорамъ меньшихъ братій
 Ряды комическихъ распятій...
 Вздохнешь-ли ты?

Не стонеть справа отъ меня больной,
 Хозяйка слѣва спорить перестала,
 И дѣти улеглись въ квартирѣ надо мной.
 И вотъ, кругомъ меня такъ тихо, тихо стало!
 Газета дня передо мной раскрыта...
 Она мнѣ не нужна, я всю ее прочелъ:
 Попрежнему въ ходу ослиныя копыта,
 И за клочокъ сѣнца идти на пытку воли!
 И такъ я утомленъ отсутствіемъ свободы,
 Такъ отупѣлъ отъ доблестей людей,
 Что крики кошекъ и возню мышей
 Готовъ привѣтствовать, какъ голоса природы.

*
* * *

Въ этой внимательной администраціи,
 Какъ въ геологii—всюду слон!
 Дремятъ живыя, когда-то, формации,
 Видятъ отжившія грезы свои.
 Часто разбиты, но, изрѣдка, въ цѣлости
 Эти слон! Въ нихъ особенность есть:
 Затхлыя издавна окаменѣлости
 Могутъ, порой, и плодиться, и ѣсть!

* * *

Если вспомнить: сколько всѣхъ народовъ,
Отъ начала и по этотъ годъ,
Сномъ могилы смерть угомонила
И сложила къ мертвымъ въ общій счетъ...

Если вспомнить: сколько грезъ, мечтаний,
Въ этихъ людяхъ, изъ глубокой мглы,
Зарождалось, и онѣ, несметны,
Поднимались въ небо, какъ орлы!—

Чѣмъ тогда является въ сравненіи
Личной жизни злая суета,
Тотъ порывъ, такое-то стремленье,
Та, или эта бѣдная мечта?

Дни и ночи жизни
Шли они, плодились,
Всё, молчкомъ, куда-то
Словно провалились,

И, нырнувши въ волны
Камнями, не споря,
Снять подъ гуль и грохоть
Взявшаго ихъ моря!

Съ проблескомъ дешифры
Сутки, чуть родятся,
Думаютъ: «Вотъ мы-то,
Намъ-то удивятся!

«Насъ-то, воть, признаютъ!
Мы...» Съ мечтой такою
Сутки въ глубь пыряютъ
Думать подъ водою...

* * *

Что такое—убѣжденья?
 Мыслей старыя мозоли,
 Слѣдъ натруживаній долгихъ,
 И источникъ острой боли!
 Ну, а быть безъ убѣжденій?
 Значить: не имѣть мозолей,
 По коврамъ ходить и въ туфляхъ,
 И не знать несносныхъ болей!

* * *

Вотъ Малаховъ курганъ! Снимаю шапку
 И кланяюсь незримой крови славнаго кургана!..
 Прозванье Малаховъ осталось за тобою,
 Какъ говорить, отъ очень старыхъ дней,
 Отъ пьяницы завятаго!.. Вотъ вамъ и слава,
 И памятникъ безсмертный, какъ природа!
 Былъ пужень пьяница, чтобъ кличку дать горь,—
 Безсмертью пьяницы былъ нуженъ Севастополь..

* * *

Ты умный человекъ, объ этомъ пить и снора!
 Ничто не скроется отъ опытнаго взора,
 И все, чѣмъ оптика вооружила глазъ,
 Тебѣ извѣстно, и ты смотришь въ пастъ.
 Профессоръ! Ты постигъ все мудрости Евроны,—
 Вотъ отъ того-то здѣсь, наморщивъ гладкій лобъ,
 Ты такъ мучительно уткнулся въ микроскопъ,—
 А надобно-бы лѣзть глядѣть подъ телескопы...

* * *

И они въ звукахъ пѣсни, какъ рыбы въ водѣ,
 Плавали, плавали!
 И тревожили ночь, благовоинную ночь,
 Звуками, звуками!
 Вызывала она на любовь, на огонь,
 Голосомъ, голосомъ,
 И онъ ей отвѣчалъ, будто вправду пылалъ,
 Теноромъ, теноромъ!
 А въ саду подъ окномъ, ухмылялась тайкомъ
 Парочка, парочка,—
 Эти молоды были и пить не могли,
 Счастливы, счастливы...

Что намъ считается заслугами партіи,
 Блескомъ, огнемъ корифеевъ своихъ,—
 Если-бъ и были намъ выданы хартиі,—
 Всѣ-бы равно мы испоилили ихъ!
 Намъ не сберечь ни единого сокола,
 Съ голоду, видно, кончатъ имъ судьба:
 Сверху, и снизу, и подлѣ, и около
 Лѣзутъ повсюду одни ястреба!

* * *

Смотрите: послѣ свистошляски
 И царства шаржей и сатиръ,
 Начнутъ у насъ мѣняться краски.
 Претворится взглядъ на міръ!
 Полюются слезы бѣдной Лизы,
 Раздастся снова ритурнель,
 Мы будемъ спорить за девизы,
 И пререкаться—за свирѣль!

Ни одно лицо не скажетъ,
 Что подъ нимъ таится;
 Никогда простыхъ и ясныхъ
 Словъ не говорится;

Ни одна на свѣтъ совѣсть
 Не чиста отъ пятенъ,
 Ни одинъ на свѣтъ смертный
 Чувствомъ не опрятенъ!

Правда есть въ твоихъ лишь глазкахъ,
 Женщина-кудесникъ!..
 Ей преемникъ мой повѣритъ,
 Вѣрилъ мой предмѣстникъ!.....

* * *

Вся земля—одно лицо! Отъ вѣка
 По лицу тому съ злорадствомъ разлига,
 Чтобъ травить по волѣ человека,
 Живыхъ мыслей злая кислота..
 Арабески!.. Каждый день обцовки!
 Что-то будетъ? Хуже-ли чѣмъ встарь?
 Нѣтъ, клянусь, такой татуировки
 Ни одинъ не сочинялъ дикарь...

* * *

Не уйти намъ отъ воспоминаній,
 Къ лучшимъ днямъ, какъ-будто, не прийти...
 Слишкомъ много разочарованій
 Полегло на жизненномъ пути!
     Веселье нынче: гдѣ оно?
     Вино смѣется въ насъ, вино!

* * *

Бѣду по улицѣ: люди зѣваютъ!
 Въ окнахъ, въ каретахъ, повсюду зѣвки.
 Такъ и проносятся, такъ и мелькаютъ,
 Будто надъ лугомъ весной мотыльки.
 Бѣду... И самъ за собою замѣчаю:
 Спалъ я довольно, да, будто, не въ прокъ!
 Ротъ мой шевелится... право, не знаю:
     Это улыбка, или зѣвокъ?

* * *

Мечты, твои любовницы,
 Летаютъ вionoхахъ!
 Онѣ, какъ ты—чиновницы,
 Всѣ въ лентахъ и въ звѣздахъ!

Ты умный человекъ, объ этомъ нѣтъ и спора!
 Ничто не скроется отъ опытнаго взора,
 И все, чѣмъ оптика вооружила глазъ,
 Тебѣ извѣстно, и ты смотришь въ насъ.
 Профессоръ! Ты постигъ все мудрости Европы,—
 Вотъ отъ того-то здѣсь, наморщивъ гладкій лобъ,
 Ты такъ мучительно уткнулся въ микроскопъ,—
 А надобно-бы лѣзть глядѣть подъ телескопы...

И они въ звукахъ пѣсни, какъ рыбы въ водѣ,
     Плавали, плавали!
 И тревожила ночь, благовоющую ночь,
     Звуками, звуками!
 Вызывала она на любовь, на огонь,
     Голосомъ, голосомъ,
 И онъ ей отвѣчалъ, будто вправду пылалъ,
     Теноромъ, теноромъ!
 А въ саду подъ окномъ, ухмылялась тайкомъ
     Парочка, парочка,—
 Эти молоды были и нѣтъ не могли,
     Счастливы, счастливы...

Что намъ считаться заслугами паргін,
 Блескомъ, огнемъ корифеевъ своихъ,—
 Если-бъ и были намъ выданы хартїи,—
 Всѣ-бы равно мы испошлили ихъ!
 Намъ не сберечь ни единого сокола,
 Съ голоду, видно, кончатъ имъ судьба:
 Сверху, и снизу, и подлѣ, и около
 Рѣютъ повсюду одни ястреба!

Смотрите: послѣ свистопляски
 И царства шаржей и сатиръ,
 Начнутъ у насъ мѣняться краски,
 Преобразится взглядъ на міръ!
 Полюются слезы бѣдной Лизы,
 Раздастся снова ригурцель,
 Мы будемъ спорить за девизы,
 И пререкаются—за свирѣль!

Ни одно лицо не скажетъ,
 Что подъ нимъ тантѣя;
 Никогда простыхъ и ясныхъ
 Словъ не говорится;

Ни одна на свѣтъ совесть
 Не чиста отъ пятенъ,
 Ни одинъ на свѣтъ смертный
 Чувствомъ не опрятенъ!

Правда есть въ твоихъ лишь глазкахъ,
 Женщина-кудесникъ!..
 Ей преемникъ мой повѣрить,
 Вѣрилъ мой предметникъ!.....

* * *

Вся земля—одно лицо! Отъ вѣка
 По лицу тому съ злорадствомъ разлига,
 Чтобъ травить по волѣ человека,
 Живыхъ мыслей злая кислота...
 Арабески!.. Каждый день обновки!
 Что-то будетъ? Хуже-ли чѣмъ встарь?
 Нѣтъ, клянусь, такой татуировки
 Ни одинъ не сочинялъ дикарь...

* * *

Не уйти намъ отъ воспоминаній,
Къ лучшимъ днямъ, какъ-будто, не прійти..
Слишкомъ много разочарованій
Полегло на жизненномъ пути!

Веселье нынче: гдѣ оно?
Вино смѣется въ насъ, вино!

* * *

Бѣду по улицѣ: люди зѣваютъ!
Въ окнахъ, въ каретахъ, повсюду зѣвки,
Такъ и проносятся, такъ и мелькаютъ,
Будто надъ лугомъ весной мотыльки.
Бѣду... И самъ за собой замѣчаю:
Спать я довольно, да, будто, не въ прокъ!
Ротъ мой шевелится... право, не знаю:
Это улыбка, или зѣвокъ?

* * *

Мечты, твои любовницы,
Летаютъ внопыхахъ!
Онѣ, какъ ты—чиновницы,
Всѣ въ лентахъ и въ звѣздахъ!

Все юбилей, юбилей...
 Жизнь наша кухней разить!
 Судя по нимъ, людьми большими
 Россія вся кипитъ-кипитъ;
 По смерти ихъ, и это ясно,
 Во-слѣдъ великихъ пустосвятствъ,
 Не хватитъ намъ ста Пантеоновъ
 И ста Вестминстерскихъ аббатствъ...

Въ его помѣстьяхъ темные лѣса
 Обильны дичью вкусной и душистой,
 И путается острая коса
 Въ травѣ луговъ, высокой и душистой...
 Въ его дому умѣнье, роскошь, вкусъ—
 Одни другимъ служили образцами...
 Зачѣмъ-же онъ такъ грустенъ между нами,
 И на сердцѣ его лежитъ тяжелый грузъ!
 Чѣмъ онъ страдает? Чѣмъ онъ удрученъ,
 И что мѣшаетъ счастью?..—Онъ уменъ!

Проповѣдь въ храмѣ одномъ говорилась.
 Тяжкое слово священника мощно звучало.
 Первюю стала толпа, но молчала...
 Слезы къ глазамъ подступили, дыханье стѣспилось...
 Все-же молчала толпа! Только вдругъ бѣсповатый,
 Съ улицы въ церковь войдя, зарыдалъ,—
 Такъ, ни съ чего! Храмъ, внезапно объятый
 Страхомъ, какъ-будто,—стенаньемъ ему отвѣчалъ!
 Это томленіе слезъ, тяготу ожиданья—
 Вдругъ разрѣшило не слово, порывъ бѣснованья.

*
*
*

Мой другъ! Твоихъ зубовъ остатки
 Темны, какъ и твои перчатки;
 И сласть, и смрадъ рѣчей твоихъ
 Насѣли ржавчиной на нихъ.
 Ты весь въ морщинахъ, весь изъ пятенъ,
 Твой голосъ глухъ, языкъ певнятенъ:
 Въ дрожаньи рукъ, въ морганьи вѣкъ
 Видать, что ты за человекъ!
 Но вотъ, четыре длинныхъ года
 Какъ ты, мой набожный уродъ,
 Руководишь казной прихода
 По отдѣленію сиротъ!

* * *

Когда онъ, наконецъ, почти совсѣмъ помѣшанъ,
 Когда въ груди его чахотка развилась.—
 Съ нимъ внѣшній міръ вполне уравновѣшенъ,
 И между нихъ установилась связь!
     Образчикъ примѣненъя
     Законовъ тяготѣнья?!

* * *

Печальный родъ, ты мало жилъ!
 Ты—геральдическій ребенокъ!
 Твой титулъ новъ, но грустно звонокъ:
 Великимъ не былъ, гнуснымъ—былъ...

* * *

Провинція—огромное bébé!
 Все тащить въ ротъ и ртомъ соображаетъ,
 И ѣсть упорно, если подмѣчаетъ
 Три важныхъ буквы: С. П. Б.

Фавнъ краснолицый! По возрасту ты не старикъ!
 Съ жидкой бородкой, въ костюмъ помятомъ...
 Точно: свидѣтельства есть по антикамъ, хоть ты не антикъ.
 Сходства межъ пьянымъ Силеномъ и мертвымъ Сократомъ...
 Правда и то, что замѣтилъ тебя Мефистофель!
 Можетъ, въ тебя воплотится—панель-бы занятность?—
 Но Мефистофель—вполнѣ джентельменъ! Тонкій профиль!
 И до смѣшного, мой другъ, уважаетъ опрятность...

Вотъ новый годъ намъ святцы принесли.
 Повсюду празднуютъ минуту наступленья.
 Молебны служатъ, будто-бы ушли
 Отъ зла, печали, мора, потопленья!
 И въ будущемъ году помолятся опять,
 И будетъ новый годъ имъ новою обидой...
     Что, если-бы встрѣчать
     Иначе: панихидой?

Я сказалъ ей: тротуары грязны,
 Небо мрачно, всѣ уныло ходятъ...
 Я сказалъ, что дни однообразны
 И тоску на сердце мнѣ наводятъ,
 Что балы, театры—надоѣли...
 «Неужели?»

И сказалъ, что въ городѣ холера,
 Тѣ—скончались, эти—умираютъ...
 Что у насъ поэзія—афера,
 Что таланты въ нѣяствѣ погибаютъ,
 Что въ Россіи жизнь идетъ безъ цѣли...
 «Неужели?»

Я сказалъ: вашъ братъ идетъ стрѣляться,
 Онъ безчестенъ, предался пороку...
 Я сказалъ, прося не испугаться:
 Вашъ отецъ скончался! Ночью къ сроку
 Доктора пріѣхать не успѣли...
 «Неужели?»

* * *

Мы всё немножко скакуны съ рожденья!
 У насъ любой Хома становится пророкомъ;
 Паясничаемъ мы со святостью моленья,
 Но молимся зато въ присядку, или скдокомъ...

* * *

Свобода торговли, опека торговли—
 Два разные способа травли и ловли:
 Всегда по закону, въ угоду купцу,
 Стрягутъ, такъ плъ этакъ, все ту-же овцу.

* * *

Какихъ-нибудь пять-шесть дежурныхъ фразъ:
 Враждебныхъ кликъ наскучившія схватки;
 То жаръ, то холодъ вѣчной лихорадки,
 Здѣсь—рана, тамъ—изломъ, а тутъ—подбитый глазъ!
 Талантики случайныхъ содержаній,
 Людинки, трепетно вертящіе хвосты
 Въ минуты искреннихъ, почтительныхъ лизаній
 И въ обожаніи хулы и клеветы;
 На говоръ похвалы наставленныя уши;
 Во всѣхъ казняхъ заложенныя души;
 Дѣла, затѣянныя въ пьянствѣ, или въ бреду,
 Съ болѣзною дряблыхъ тѣлъ въ ладу...
 Все это съ примѣсю старинныхъ, пошлыхъ шутокъ,
 Съ унылымъ гнѣвомъ нанихидъ,—
 Вотъ проявленія каждаго сутокъ,
 Любезной жизни милый видъ...

ПЪСНИ ИЗЪ „УГОЛКА“

Усть-Нарова (1897—1898 г.).

ПѢСНИ ИЗЪ „УГОЛКА“.

Посвящаются *Влад. С. Соловьеву, В. П. Гайдебурову,*
А. А. Коринфскому и М. Н. Ремезову.

Мы—разныхъ областей мышленья...
Мы—разныхъ силъ и разныхъ лѣтъ...
Отъ васъ мнѣ слово утѣшенья,
Отъ васъ мнѣ дружескій привѣтъ.

Мы шли различными путями,
Различно билось сердце въ насъ,
И мало схожими страстями
Мы жили въ тотъ, нль въ этотъ часъ.

Но есть невѣдомыя страны,
Гдѣ—въ единеніи святомъ—
Цвѣтутъ, какъ на Валгаллѣ, раны
Борцовъ, почившихъ вѣчнымъ сномъ

Чѣмъ больше ранъ—тѣмъ цвѣтъ ихъ краше,
Чѣмъ глубже—тѣмъ расцвѣтъ пыннѣй!..
И въ этомъ, въ этомъ сходство наше,
Друзья моихъ послѣднихъ дней.

Усть-Нарова. 1897—1898 годъ.

I.

Здѣсь счастливъ я, здѣсь я свободенъ,—
 Свободенъ тѣмъ, что жизнь прошла,
 Что ни къ чему теперь негоденъ,
 Что полуслѣвъ, что эта мгла

Своимъ могуществомъ жестокимъ
 Меня не въ силахъ сокрушить,
 Что свѣтомъ внутреннимъ, глубокимъ
 Могу я самъ себѣ свѣтить,

И что изъ общаго крушенья
 Всѣхъ прежнихъ силъ, на склонѣ лѣтъ,
 Святое чувство примиренья
 Пошло во мнѣ въ роскошный цвѣтъ...

Не такъ-ли въ рухляди, надъ хламомъ,
 Изъ перегноя и трухи,
 Растутъ и дышать онымъ
 Цвѣтовъ красивые верхи?

Пусть каи основы правды зыбки,
 Пусть все безумно въ злобѣ дня,—
 Доброжелательной улыбки
 Имъ не лишитъ теперь меня!

Я домъ воздвигъ въ страпѣ бездомной,
 Рѣшилъ задачу всѣхъ задачъ,—
 Пусть каи ко мнѣ, въ мой уголь скромный,
 Идутъ и жертва, и палачъ...

Я вижу, знаю, постигаю,
 Что всѣ должны быть прощены,
 Я добръ—умомъ, я утѣшаю
 Тѣмъ, что въ безсилъѣ всѣ равны.

Да, въ лоно мощнаго покоя
 Вошелъ мой тихій «Уголокъ»—
 Возросшій въ грудяхъ перегной
 Очаровательный цвѣтокъ...

II.

Я видѣлъ Римъ, Парижъ и Лондонъ,
 Безувій мнѣ въ глаза дымлѣ,
 Я вдоль по тундрѣ Безземельной
 Въ сѣняхъ полночи скользилъ.

Я слышалъ много водопадовъ
 Различныхъ силъ и вышнны,
 Ревъ мѣдныхъ трубъ въ калмыцкой стѣни,
 Въ Байдарахъ—тихий звукъ зурмы.

И посѣтилъ въ лѣсахъ Урала
 Печали жаркихъ рудниковъ.
 Бродилъ вдоль щелей и проваловъ
 По льдамъ Швейцарскихъ ледниковъ.

И рѣзалъ трупы съ анатомомъ,
 Въ наукахъ много зналъ свѣтилъ,
 Я испыталъ въ моряхъ крушенье,
 Я дни въ вертенахъ проводилъ...

Я говорилъ порой съ нарями,
 Глубоко падалъ и вставалъ;
 Я Богу пламенно молился,
 Я Бога страстно отрицалъ!

Я зналъ нужду, я зналъ довольство,—
 Любилъ, страдалъ, взростилъ семью
 И—не скажу, чтобы безъ страха—
 Порой встрѣчалъ и смерть свою.

Я зналъ труда большую тяжесть,
 Улады, радости труда;
 Я никого не ненавидѣлъ,
 Но презиралъ—почти всегда.

И вотъ теперь, на склонѣ жизни,
 Могу порой совѣтъ подать:
 Какъ меньше пользоваться счастьемъ,
 Чтобъ легче и быстрѣй страдать.

Здѣсь изъ бревенчатого сруба,
 Въ пескахъ и соснахъ «Уголка»,

Гдѣ мирно такъ шумитъ Нарова,
Задача честнымъ быть легка.

Ничто, ничто мнѣ не указка.—
Я не ношу верпгъ земли..
Съ моихъ высокихъ кругозоровъ
Все принижается вдали.

III.

Въ молчаньи осени сыпаются листы,
Въ вѣтвяхъ являются нежданнныя просвѣты,—
И незамѣченныя прежде силуэты,
И новыя вдали красивыя черты...

Не тоже-ль и съ душой людскою?—Вѣчно споря
Съ невзгодами судьбы, осилена тѣснотой,
Лишь только въ холодѣ—и немощи, и горя—
Вдругъ небывалою заблещетъ красотой!..

IV.

Въ лиственномъ лѣсѣ шумливо,
Если найдетъ вѣтерокъ;
Шепчетъ по-своему живо,
Каждый—да, каждый—листокъ.

Но не сравнить съ этимъ шумъ
Ежели дрогнетъ хвоя!

Въ каждой иглѣ—своя дума,
Въ каждой—и пѣсня своя...

Пѣсни тѣ звучны и сладки!
 Радостнымъ чувствомъ объять,
 Слушаешь, ищешь разгадки:
 Что тебѣ иглы шумять?

Пѣсенъ тѣхъ—тѣмы, миріады,
 Сверху звучать, со сторонъ!
 Тысячи ротиковъ рады
 Пѣть и съ тобой въ униссонъ.

Вотъ отъ того-то средь шума
 Вѣчно зеленой хвой
 Тихо такъ двигаетъ дума
 Свѣтлыя волны свои...

V.

Въ темнотѣ осенней ночи—
 Ни луны, ни звѣздъ кругомъ,
 Но ослабнувшія очи
 Видятъ явственнѣй, чѣмъ днемъ.

Фейерверкъ передъ глазами!
 Память вздумала играть,
 Какъ бенгальскими огнями—
 Начала вдругъ въ ночь стрѣлять,—
 Синій, красный, снова синій...
 Скорострѣльная пальба!
 Сколько пламенныхъ въ ней линій,—
 Только жить имъ не судьба...

Тамъ, внизу, течетъ Нарова—
 Все погасить, все залитьъ,
 Даже облика Петрова
 Не шадить, не бережить,
 Загашаетъ... Но упорна
 Память царственной руки,
 И пожалованье Горна
 До сихъ поръ звучить съ рѣки.

VI.

Люблю я время увиданья...
 Повсюду валятся листы;
 Лишась убора, умаясь,
 Въ ничто скрываются кусты;
 И обмирающія травы,
 Пригнувшись, въ землю уходя,
 Какъ-будто шепчуть, исчезая:
 «Мы всё вернемся, погода!
 «Тамъ подъ землею мы потолкуемъ
 О томъ, какъ жили, какъ цвѣли!
 Для собесѣдованій этихъ
 Необходима тишь земли!»

VII.

Вѣлый мохъ здѣсь порастаетъ
 Вдоль по розовымъ пескамъ;

Любь онъ, какъ коверъ персидскій,
Слабоногимъ старичкамъ.

Воздухъ такъ смолисть, такъ тонокъ,
Что почтенный старичокъ,
Подышавъ имъ, замышляетъ
Въ плясъ пустить остатокъ ногъ.

Но идетъ немолчно время,
Что ни сутки—то бойчѣй,
Отравляя воздухъ чистый
Смрадомъ кухонь и печей.

Что жъ? Иначе быть не можетъ,—
Воздухъ, какъ и мы, живетъ...
Счастливъ, кто не опоздаетъ
И отъ чпстыхъ струй глотнѣть.

VIII.

Всюду ходять привидѣнья...
Появляются и тутъ;
Только всѣ они въ доспѣхахъ,
Въ шлемахъ, въ панцыряхъ свуютъ.

Было время,—вдоль по взморью
Шедшимъ съ запада сюда
Грознымъ рыцарямъ Нарова
Преградила путь тогда.

«Дочка я рѣки Великой,—
Такъ подумала рѣка.—

Не снугнуть-ли мнѣ пришельцевъ,
Не помять ли имъ бока?»

«Стойте, братцы,—говорить имъ,—
Чуть впередъ—узрите вы
Надъ дремучими лѣсами
Страшный ликъ царя Москвы!

«Сѣлъ, схизматикъ, за стѣнами!
Сотни, тысячи звонницъ
Вкругъ гудятъ колоколами,
А народъ весь прахомъ—пицъ!

«У него ль—не изуѣрства,
Всякой нечисти просторъ;
И повсюдный вѣчный голодъ,
И всегдашній страшный моръ.

«Не ходите!» Но пришельцамъ
Мудрый былъ не впрокъ совѣтъ...
Шли до Ямы и Конорья,
Видать—точно, ходу нѣтъ!

Все какія-то сраженья!
Изъ трясины лѣсовики
Насѣдаютъ, будто черти,
Лѣзутъ на смерть, чудаки!

Какъ подъ Дурбѣномъ эстонцы
Не сдаются въ плѣнъ живьемъ
И, совѣмъ не по уставамъ,
Варомъ льютъ и киняткомъ.

«Лучше сѣсть намъ надъ Паровой,
 На границѣ вьюгъ и пургъ!
 Сѣли и прозвали замки—
 Магербургъ и Гунгербургъ.

Съ тѣмъ прозвали, чтобы винуки
 Вновь не вздумали идти
 Къ худобѣ и къ голодашю
 Вдоль по этому пути.

Старыхъ рыцарей видѣнья
 Ходятъ здѣсь и до сихъ поръ,
 Но для легкости хожденья—
 Ходятъ все они безъ шнорь...

IX.

Съ высоты горы высокой
 За рѣкой и вдоль рѣки,
 Въ темнотѣ почной глубокой
 Видны въ избахъ огоньки;

Много ихъ... Но быстро гаснуть,
 Будто имъ горѣть не впрокъ,
 Будто малая завѣсь
 Закрываютъ каждый въ срокъ.

Ахъ, горятъ и въ жизни нашей
 Огоньки отъ юныхъ дней!
 Все ихъ къ сроку гасить время...
 Смотришь: больше пѣтъ огней..

Вотъ завѣшаны надежды,
Вотъ задвинуты мечты,
Скрылась бодрость, скрылись силы..
Огонекъ, да гдѣ-же ты?..

Все завѣсы, да завѣсы;
Все темнѣть... А потомъ?
Саванъ бѣлый... Тотъ завѣситъ
Человѣка—цѣлкомъ.

X.

Я плыву на лодкѣ. Парусъ
Рѣжетъ мачтой небеса;
Лебединой бѣлой грудью
Онъ подъ вѣтромъ палился.

Море тихо, волны кротки
И кругомъ—вездѣ лазурь!
Не бываетъ въ сердцѣ горя,
Не бываетъ въ небѣ бурь!..

Я плыву въ сіяньи солнца.
Чѣмъ не рыцарь Лоэнгринъ?
Я совсѣмъ не старъ, я молодъ,
И плыву я не одинъ...

Ты со мною, жизньъ былая!
Ты осталась молода
И красавицей, какъ прежде,
Снизопла ко мнѣ сюда.

Вѣстѣ мы плывемъ съ тобою,
 Бѣлый парусъ тянетъ насъ;
 Я припалъ къ тебѣ безмолвный...
 Свѣтлый часъ, блаженный часъ!..

По плечамъ твоимъ высокимъ
 Солнце блескъ разлило свой,
 И знакомы мнѣ косы
 Льнуть къ волнамъ своей волной.

Устѣ дыханье ароматно!
 Грудь, какъ прежде, высока...
 Снизойди къ докучнымъ ласкамъ
 И къ молениямъ старика!

Что? Ты плачешь?!.. Иль пугаетъ
 Острый блескъ моихъ сѣдинъ?
 Юность! О, прости, голубка...
 Я—не рыцарь Лоэнгринъ!

XI.

Ты не гонись за римою своенравной,
 И за поэзіей,—пелѣности онѣ;
 Я ихъ сравню съ княгиней Ярославной:
 Съ зарею плачущей на городской стѣнѣ.

Вѣдь умеръ князь, и стѣпъ не существуетъ,
 Да и княгини нѣтъ уже давнымъ-давно;
 А все какъ-будто, бѣдная, тоскуетъ,
 И отъ нея не все, не все схоронено.

Но это вздоръ, обманное созданье!
 Слова—не плоть... Изъ рпомъ одеждъ не ткать!
 Слова бесплны дать существованье,
 Какъ пѣть въ ппхъ также силъ на то, чтобъ убивать...

Нельзя, нельзя... Однако пренсправно
 Заря затеплилась; и вотъ, стоитъ стѣна;
 На ней, я вижу, ходитъ Ярославна,
 И плачетъ, бѣдная, безъ устали она.

Стопи ее! Довольно ей пророчить!
 Уйми всѣ пѣсни, всѣ! Вели имъ замолчать!
 Къ чему онѣ? Чтобы людей морочить
 И насъ, то здѣсь—то тамъ, тревожить и смущать!

Смерть пѣснѣ, смерть! Пускай не существуетъ!..
 Вздоръ рпемы, вздоръ стихи! Нелѣпности онѣ!..
 А Ярославна все-таки тоскуетъ
 Въ урочный часъ на городской стѣнѣ...

XII.

Еще покрыты льдомъ живые лики водъ,
 И нѣдра ихъ полны холодной тишиною...
 Но тронулась весна, и—сколько въ нихъ заботъ,
 И сколько суеты проснулось подъ водою!..

Вскрываются пимфей дремавшихъ сѣмена,
 И длинный водоросль побѣги выпускаетъ,
 И ряска множится... Вотъ, вотъ она, весна,—
 Открыла полыньи и ярко въ нихъ играетъ!

Вѣстѣ мы плывемъ съ тобою,
 Бѣлый парусъ тянетъ насъ;
 Я приналъ къ тебѣ безмолвный...
 Свѣтлый часъ, блаженный часъ!..

По плечамъ твоимъ высокимъ
 Солнце блескъ разлило свой,
 И знакомы мнѣ косы
 Льнуть къ волнамъ своей волной.

Усть дыханье ароматно!
 Грудь, какъ прежде, высока...
 Снизойди къ докучнымъ ласкамъ
 И къ молениямъ старика!

Что? Ты плачешь?!.. Или пугаетъ
 Острый блескъ моихъ сѣдинъ?
 Юность! О, прости, голубка...
 Я—не рыцарь Лоэнгринъ!

XI.

Ты не гонись за римою своеправной,
 И за поэзіей,—нелѣпности онѣ;
 Я ихъ сравню съ княгиней Ярославной:
 Съ зарею плачущей на городской стѣнѣ.

Вѣдь умеръ князь, и стѣнъ не существуетъ,
 Да и княгини нѣтъ уже давнымъ-давно;
 А все какъ-будто, бѣдная, тоскуетъ,
 И отъ нея не все, не все схоронено.

Но это вздоръ, обманное созданье!
 Слова—не плоть... Изъ рпемъ одеждъ не ткать!
 Слова безсилны дать существованье,
 Какъ нѣтъ въ нихъ также силъ на то, чтобъ убивать...

Нельзя, нельзя... Однако пренесравно
 Заря затеплилась; и вотъ, стоитъ стѣна;
 На ней, я вижу, ходитъ Ярославна,
 И плачетъ, бѣдная, безъ устали она.

Сгони ее! Довольно ей пророчить!
 Уйми всѣ нѣсни, всѣ! Вели имъ замолчать!
 Къ чему онѣ? Чтобы людей морочить
 И насъ, то здѣсь—то тамъ, тревожить и смущать!

Смерть нѣспѣ, смерть! Пускай не существуетъ!..
 Вздоръ рпемы, вздоръ стихи! Нелѣпности онѣ!..
 А Ярославна все-таки тоскуетъ
 Въ урочный часъ на городской стѣнѣ!..

XII.

Еще покрыты льдомъ живые лики водъ,
 И нѣдра ихъ полны холодной тишиною..
 Но тронулась весна, и—сколько въ нихъ заботъ,
 И сколько суеты проснулось подъ водою!..

Вскрываются пимфей дремавшихъ сѣмена,
 И длинный водоросль побѣги выпускаетъ,
 И ряска множится... Вотъ, вотъ она, весна,—
 Открыла полыньи и ярко въ нихъ играетъ!

Занежь подземныхъ силъ уже давно не спить.
Онъ двигается весь, прикормленъ глубиною:
Онъ воды, въ прѣзелень окрасивъ, породнитъ
Съ глубоко теплою небесной снѣговою...

Ты, старая душа, кончающая вѣкъ,—
Какими ты къ веснѣ пробудившись ростками?
Силетенья корневищъ потребуютъ прорѣкъ,
Чтобы согрѣть тебя весенними лучами.

И въ заросляхъ твоихъ, безмолвныхъ и густыхъ,
Одна надежда есть, одна—на обновленье:
Субботній день къ концу... Послѣдній изъ твоихъ...
А за субботой что? Конечно, воскресенье.

XIII.

Высоко гуляетъ вѣтеръ,
Шевелитъ концы вѣтвей...
Сильфъ воздушный, сильфъ прекрасный,
Вѣй, красавецъ, нибче вѣй!

Тамъ тебѣ просторъ и воля;
Всюду, всюду—свѣтлый путь!
Только книзу не спускайся,
Не дыши въ людскую грудь.

Станешь ты тоскою грузентъ,
Станешь вяль, лишнишься сна;
Грудь людская, будто улей,
Злыхъ и острыхъ жалъ полна...

И тебя, мой силфъ воздушный,
 Изморять во цвѣтъ лѣтъ;
 Побывавъ въ болящей груди,
 Обратишься ты въ скелетъ;

Отлетѣвъ, въ вѣтвяхъ застрянешь
 Сочлененьями костей...
 Не спускайся на-земь, вѣтеръ,
 Вѣй, мой силфъ, но выше вѣй!..

XIV.

Яркихъ цвѣтовъ миріады,
 Почки раскрывши, цвѣтутъ!
 Нѣжно роспетые взгляды
 Къ небу далекому шлютъ.

«Много насъ въ пышномъ расцвѣтѣ,—
 Стали цвѣты говорить,—
 «Больше, чѣмъ женщинъ на свѣтѣ,
 «Даже нельзя и сравнить!»

Слышать древесныя вѣтки,
 Стали цвѣтамъ отвѣчать:
 «Полно вамъ, милыя дѣтки,
 «Безъ толку хоромъ болтать!

«Всѣ вы—жилицы на мгновенье;
 «Женщина—долго цвѣтеть...
 «Сколько-же съ нею въ сравненье
 «Вашихъ-то жизней пойдетъ?»

Въ юности, въ годы волненій,
Быстро по жизни скользя,
Глуныхъ такихъ разсужденій
Вѣтокъ подслушать нельзя.

XV.

Да, да, когда я молодъ былъ,
Я такъ-же—какъ и ты—судилъ
И точно такъ-же, какъ и ты,
Бывалъ игрушкой злой мечты!
Мы—отступающая рать—
Перестаемъ васъ понимать...
Еще потопъ не наступалъ—
Когда братъ брата убивалъ;
Чуть отжилъ вѣкъ Маусейлъ—
Отецъ осмѣялъ сыномъ былъ!
Вы—верхъ возьмете, мы—надемъ,
Какъ Цезарь, скрывъ лицо плащомъ...
Хоть знаютъ все: Брутъ честенъ былъ,
Когда свой ножъ окровавилъ;
Но, при Филиппахъ, иногда
Всплываетъ мщенія звезда...
Сегодня при Филиппахъ—мы!
Къ намъ призракъ движется изъ тьмы,
Онъ въ васъ, онъ съ вами заодно...
Но всеъмъ вамъ то-же суждено...
Да, нашей юности вина
Въ наслѣдство вамъ передана;

Падете вы, какъ мы падемъ,—
Но скроете-ль лицо плащомъ?

XVI.

И вотъ, сижу въ саду моемъ тѣнистомъ
И предъ собой могу воспроизвести,
Какъ это будетъ въ часъ, когда умру я,
Какъ дрогнетъ все, что предъ глазами есть.

Какъ полетятъ повсюду извѣщенья,
Какъ потеряетъ голову семья,
Какъ соберутся, вступятъ въ разговоры,
И какъ при нихъ безсилень буду я.

Живыя связи разлетятся прахомъ,
Возникнутъ сразу всякія права,
Начнется давность, народятся сроки,
Среди сиротъ появится вдова.

Въ тепло семьи дохвѣтъ морозъ закона,—
Быть-можетъ, самъ я вызвалъ тотъ законъ;
Не долженъ онъ, не можетъ ошибаться,
Но и любить—никакъ не можетъ онъ

И мнѣ никто, никто не поручится,
Я видѣлъ самъ, и не одинъ примѣръ:
Какъ между близкихъ, самыхъ близкихъ кровныхъ,
Вдругъ проступалъ созрѣвшій лицемѣръ...

И это все, что здѣсь съ такой любовью,
Съ такимъ трудомъ успѣлъ я насадить.

Ему, спокойной, смѣлою рукою,—
Призвавъ законъ—удастся сокрушить.

XVII.

Гляжу на сосны,—мощь какая!
Взгляните хоть на этотъ сукъ!
Его снилить нельзя такъ скоро,
И нужно много, много рукъ...

А этотъ? Что за искривленье!
Когда-то, сотни лѣтъ назадъ,
Онъ былъ, бѣдняга, изувѣченъ,
Былъ какъ-нибудь пригнутъ, помятъ.

Онъ въ искривленіи старинномъ
Взросъ—и мощенъ, и здоровъ—
И дремлетъ, будто слышитъ рѣчи
Всѣхъ имъ прослушанныхъ громовъ.

А вотъ вблизи—сосна другая:
Ничѣмъ не тронута, она,
Шатромъ вѣтвей не расширяясь,
Взросла, красива и стройна...

Но отчего намъ, людямъ, ближе
И много больше тѣшатъ взоръ
Вѣтвей изломы и изгибы
И ихъ развѣсистый шатеръ?

XVIII.

Вотъ она—великая трясища!
 Ходу нѣтъ ни въ лодкѣ, ни нѣшкомъ.
 Обмотала наши вёсла тина,—
 Зацѣпиться не за что багромъ...

Въ тростникѣ и мглисто, и туманно.
 Солнца ликъ—и свѣтелъ, и высокъ—
 Отраженъ трясиною обманно,
 Будто онъ на дно трясины легъ.

Нѣтъ въ ней дна. Лежатъ въ листахъ нимфен,
 Островки, луга болотныхъ травъ;
 Вотъ по нимъ пройтись-бы! Только феи
 Ходить здѣсь, газоновъ не помявъ...

Всюду утки, кулики, бекасы!
 Бьешь по уткѣ... взялъ... нельзя достать;
 Міръ лягушекъ громко точить лясы,—
 Словно дразнить: «Для чего-жъ стрѣлять?»

Вы, кликуши, вѣщія лягушки,
 Подождите: вотъ придетъ пора,—
 На болотахъ мы начнемъ осушки,
 Прoberемъ трясины до утра.

И тогда... Ой, братцы, осторожнѣй!
 Не качайтесь... Лодку кувyри́мъ!
 И лягушки раньше насъ потонятъ,
 Чѣмъ мы ихъ подсушивать начнемъ..»

XIX.

Какъ вы мнѣ любви, полевые
Глубокой осени цвѣты!
Несвоевременныя грёзы,
Не въ срокъ возникшія мечты!..

Вы опоздали въ жизнь явиться:
Васъ жгутъ морозы на зарѣ;
Вамъ въ маѣ надобно родиться,
А вы родились въ октябрѣ!..

Отвѣтъ ихъ: «Мы не виноваты,
Никто не думалъ насъ спросить!
Но мы надеждою богаты:
Къ зимѣ не будутъ насъ косить!»

XX.

Здравствуй, товарищъ! Подай-ка мнѣ руку.
Что? Ты отдернулъ? Кажись, осерчалъ?
Глянь на мою,—цѣтъ ей мѣста въ гостинной;
Я, братъ, недаромъ кустарникъ сажалъ.

Старый товарищъ! Печальная встрѣча!..
Какъ искалъ-челъ ты жизнью, бѣднякъ!
Ну-ка, пожалуй въ мой домъ, горемыка!..
Что? Не желаешь? Не любо! Чудакъ!

Выпьемъ съ тобой!.. Какъ, и пить ты не хочешь?
Пропишь на выпивку нѣ-руки дать;

Темное чувство въ тебѣ шевельнулось?..

Что за причина, чтобъ мнѣ отказать?

Гордость? Стыдливость? Сомнѣніе? Злоба?

Коль потолкуемъ—причину найду...

Да не упрямясь, мы юность поминемъ,

Дочку увидишь мою... — «Не пойду».

И отошелъ онъ по пыльной дорогѣ,

Денегъ онъ взялъ, не сказавъ ничего...

Разныхъ два міра въ насъ двухъ повстрѣчались...

Камнемъ бы бросить... Кому и въ кого?

XXI.

Надъ осокой вольный вѣтеръ пролетаетъ,

Говорить ей: «Отчего, скажи, осока,

Твой народъ себя совѣмъ не уважаетъ,

Предо мной всегда склоняется глубоко?

«Чуть подую, вижу: ты ужъ и пригнулась...

Дуль я съ сѣвера, подумалъ: дуну съ юга,—

Можетъ статья, помогу, чтобъ встрепенулась,

Работничеству, быть-можетъ, отъ пенуга!

«Нѣтъ, куда! Легла къ водѣ съ другого бока;

Не въ догадъ тебѣ мое благодарѣнье!

Ахъ, ты глухая, ты глухая осока,

Ты безпомощное, жалкое созданье!»

Слушала осока, глубоко вздохнула,

Отвѣчать вѣтру: «Вѣтеръ-благодѣтель,

Буде ваша милость вовсе-бы не дула,
 Я росла-бы прямо, стройно! Богъ—свидѣтель,
 «Что моихъ низжайшихъ, вѣчныхъ поклоненій
 Не было-бы вовсе у меня въ заводѣ;
 Я стояла-бъ выше всякихъ тревоженій—
 Съ уваженіемъ къ правдѣ и къ своей породѣ!»

XXII.

Вотъ—мой воспоминанья:
 Прядь волосъ, письмо, платокъ,
 Два обрывка вышиванья,
 Два кольца и образокъ...

Но—за теменью былого—
 Въ именахъ я съ толку сбить.
 Кто они? Не дать-ли слова,
 Что и я, какъ тѣ, забыть!

Въ этомъ—времени учтивость,
 Завершеніе всему,
 Золотая справедливость:
 Ничего и никому!..

XXIII.

На гробъ старушки и дряхлѣющей рукой
 Кладу вѣнокъ цвѣтовъ,—вниманье небольшое.
 Въ продажѣ терній нѣтъ, и нужно-ль предъ толпой,
 Не знающей ея, свидѣтельство такое?

На склонѣ лѣтъ идешь, годами согнуть,
 Одна лишь память свѣтитъ на пути:
 Но, если вдругъ воспоминанья дрогнуть,—
 Погаснетъ свѣтъ, и некуда идти...

Копилка жпзни! Мѣдныя монеты!
 Когда другихъ монетъ не отыскать,
 Онѣ пригодны! Цѣлые банкеты
 Воспоминанья могутъ задавать.

Бѣда, бѣда, когда средь нихъ найдется
 Стыдъ иль пятно въ свершившемся быломъ!
 Оно къ банкету скрытно проберется
 И тѣною Банко сидеть за столомъ.

XXV.

Здѣсь роща, помню я, стояла,
 Бѣжать ручей,—онъ отведенъ;
 Оврагъ, сырой дремоты полный,
 Весь въ тайнобрачныхъ—оголенъ
     Огнями солнца; и пески
     Свиваетъ вѣтеръ въ завитки!

Гдѣ вы, минуты вдохновенья?
 Бывала вами жизнь полна,
 И по мечтамъ моимъ счастливымъ
 Шла лучезарная волна...
     Все это съ рощей заодно
     Куда-то въ даль унесено!..

Воскресни, міръ былыхъ мечтаній!
 Возникни, жизнь былыхъ годовъ!
 Ты заблести, ручей, волнами
 Вдоль оживленныхъ береговъ...
 Міръ тайнобрачныхъ, вновь покрой
 Меня волшебною дремой!

XXVI.

Вы побѣлѣли, кладбища граниты;
 Зима глубокая тепломъ дохнула въ васъ;
 Какъ пудрой бѣлою, вы инеемъ покрыты
 И бѣлымъ мраморомъ глядите въ этотъ часъ.

Другая пудра и другія силы
 Подъ мраморъ красятъ кудри на челѣ...
 Ужъ не признать-ли теплыми могилы
 Въ сравненіи съ жизнью въ холодъ и мглѣ?

XXVII.

Славный свѣтъ! Какая роскошь!..
 Все, что осень обожгла,
 Обломала, сокрушила,
 Ткань густая облегла.

Эти свѣтлые покровы
 Шиты въ мѣрку, въ самый разъ,

И чаруютъ близною
Къ сѣрой мглѣ привыкшій глазъ.

Неспокойный, рѣзкій вѣтеръ,
Онъ—закройщикъ и портной—
Срѣзалъ все, что было лишнимъ,
Свѣялъ на-землю долой...

Крѣпко, плотно синая морозомъ,
Искръ навѣялъ безъ числа...
Платье было-бъ безъ износа,
Если-бъ не было тепла,—

Если-бъ отенель порою,
Разрыхляя ткань снѣговъ,
Какъ на зло, водою талой
Не распарывала швовъ...

XXVIII.

Было время, въ дымъ годы,
Къ этимъ тихимъ берегамъ
Приплывали финикійцы,
Пробираясь къ янтарямъ.
Янтари въ пескахъ лежали...
Что янтари—смола одна,
Финикійцы и не знали;
Эта мудрость намъ дана!
И теперь порой, гуляя
Краемъ моря, я смотрю:

Не случится-ль мнѣ по счастью
Подобраться къ янтарю.

Говорить мнѣ какъ-то море:
«Не трудись напрасно, другъ!
Если ты янтарь отыщешь,—
Обратишь его въ мундштукъ.

«Онъ отъ горя потускнѣеть...
То-ли было, папримѣрь,
Попадать на грудь, на плечи
Древне-греческихъ гетеръ!..

«Отыщи ты мнѣ гетеру,
А курить ты перестань,
И тогда тебѣ большую
Янтаремъ внесу я дань».

Съ той поры хожу по взморью,
Финикійцемъ жажду быть,
Жду мионческой гетеры,
Но—не въ сплахъ не курить...

XXIX.

На конѣ брабантскомъ плотномъ
И въ малиновой венгеркѣ—
Часто видѣлъ я дѣвицу
У отца на табакеркѣ.

Съ пестрой свитой на охотѣ
Чудной маленькой фигурой

Рисовалася дѣвица
На эмали миньатюрой.

Табакерку заводили
И пружинку нажимали,
И охотники трубили
И собакъ своихъ спускали.

Лѣсъ былъ живъ на табакеркѣ,
А дѣвица все скакала
И меня бѣжать за нею
Чуднымъ взглядомъ приглашала.

И готовъ я былъ умчаться
Вслѣдъ за нею—полоиъ силы—
Хоть по небу, хоть по морю,
Хоть сквозь темныя могилы...

А теперь вотъ здѣсь, недавно,—
Подстолѣтья миновало,—
Я опять дѣвицу видѣлъ,
Какъ въ лѣсу она скакала.

И за ней, какъ тощій призракъ,
Съ котелкомъ надъ головою
Истязался на лошадекъ
Баринъ, свѣсясь надъ лукою.

Я, дѣвицу увидавши,
Вслѣдъ ей ринуться рванулся,
Вспыхнувъ злобою и местию...
Но, едва вскочилъ, запнулся...

Да, не шутка полстолятья...
 Есть всему границы, мѣрки...
 Пусть ихъ скачуть котелочки
 За дѣвицей съ табакерки!..

XXX.

Опять Христось! Что Онъ межъ нами,
 Что каплетъ кровь съ Его креста
 На насъ, здѣсь, подлѣ, предъ глазами,
 Не видѣть—злая слѣпота!

Христось вездѣ! Въ скитаньяхъ духа,
 Въ незнаньи—гдѣ Ты, Богъ живой?..
 Въ обманахъ мысли, взгляда, слуха,
 Въ гордынѣ мудрости людскоіи!

Онъ—въ незаконности желаній,
 Онъ—въ крикахъ страждущихъ больныхъ,
 Въ ужасной музыкѣ рыданій
 Безсчетныхъ горестей людскихъ.

Онъ—у безвинно-прокаженныхъ,
 Онъ—въ толчеѣ людскихъ страстей;
 Онъ—въ грѣзахъ мыслей воспаленныхъ
 И даже въ творчествѣ людей.

Крестъ—у безвременной могилы;
 Крестъ—въ безобразьи дикихъ сновъ
 И въ перѣшительности силы,
 И въ ржавой дряблости оковъ...

Да, снова слышатся пророки,
 И рухнутъ всякій идеаль...
 Блестятъ евангельскія строки:
 «Я къ вамъ прійду!» Онъ долго ждалъ...

XXXI.

Слабѣтъ свѣтъ моихъ очей,
 Я самъ не свой и я ничей;
 Отвергнуть строемъ бытія,
 Не знаю самъ: живу-ли я?
 Пѣвецъ! Одинъ лишь ты, пѣвецъ,
 Ты, свѣтлый Божій посланецъ,
 Слышу, когда начнешь ты пѣть,
 Даешь опять на міръ глядѣть...
 Какъ всѣ—живу, какъ всѣ—смотрю
 И вижу море и зарю
 И чуднымъ пѣніемъ твоимъ
 Живу, какъ всѣ, и равенъ имъ.
 Я слышалъ пѣснь, я воскресалъ...
 Жизнь, жизнь, ты—радостный хоралъ!
 Прозрѣлъ я и признать готовъ,
 Что люди—этотъ міръ слѣпцовъ—
 Не знаютъ, видѣть не хотятъ,
 Какъ жизни радостенъ нарядъ;
 Какъ мнѣ, ослѣпить надо имъ,
 Чтобъ въ счастье видѣлся не дымъ;
 Тогда тебя они поймутъ,
 Пѣвецъ... Когда ты подѣлъ, тутъ,

И не ушелъ,—миѣ не видать,—
 Запой скорѣй, запой опять!
 И я повсюду за тобой
 Влачиться буду,—прахъ земной
 Тревожить и благодарить,
 И славословить, и молить
 Тебя! Но только пой миѣ, ной!
 Взгляни: ты видишь—я слѣпой!

XXXII.

Изъ моихъ печалей скромныхъ,
 Не пышный, не высокій,
 Вы, непрошены, растете,
 Пѣсенъ пестрые цвѣтки.

Ты въ спокойную минуту
 На любой взгляни цвѣтокъ...
 Посмотри—въ немъ много правды!
 Онъ безъ слезъ взрости не могъ.

Въ этой пѣснѣ—часть страданій,
 Въ этой—долгой ночи страхъ,
 Въ этихъ—мѣсяцы и годы...
 Все откликнулось въ стихахъ!

Горе сердца—даръ небесный,
 И цвѣты его нынѣшій
 И куда, куда думпествій
 Всѣхъ цвѣтовъ оранжерей.

XXXIII.

Въжигъ по краю неба пламя,
 Блеснули по морю огни,
 И дня поверженное знамя
 Вновь водружается! Взгляни!
 Сбѣжали тѣни всякихъ пугалъ,
 И гномовъ темныя толпы,
 Сыскали каждая свой уголъ,
 И всѣ они теперь слѣпы;
 Не дрогнетъ листъ, и надъ травою—
 Ни дуновенья; посмотри,
 Какъ все кругомъ блеститъ росой
 Въ священнодѣйствіи зари.
 Душа и небо—единеньемъ
 Объяты—нѣкій гимнъ поютъ,
 Служа другъ другу дополненъемъ...
 Всего на нѣсколько минутъ.

XXXIV.

Твоя слеза меня смутила...
 Но я, клянусь, не виновать!
 Страшна условій жизни сила,
 Стѣной обычаи стоять.
 Совсѣмъ не въ силу убѣжденъя,
 А въ силу правотъ, иногда

Растутъ печальныя явленья,
 И люди гибнуть безъ слѣда!
 И ужасающая драма
 Родится въ трескъ фразъ и словъ
 Несущаго срама
 И намалёванныхъ оковъ.

XXXV.

Если-бъ все что упадаетъ
     Серебра съ луны,
 Все, что золота роиаетъ
     Солице съ вышины—
 Ей снести... она-бъ сказала:
     «Милый мой пинтъ,
 «Ты того мнѣ дай металла,
     «Что въ землѣ лежитъ!»

XXXVI.

Надъ темнотою рѣки холодной,—
 Ей скоро на зиму застыть,—
 Въ глубокихъ сумеркахъ, наносныхъ
 И тонкихъ льдинъ не отличить.
 Вдругъ—снѣгъ. Мгновенно забѣлѣла
 Стремнина тамъ, гдѣ ледъ стоялъ,
 И бѣлымъ кружевомъ по черни
 Снѣгъ всю рѣку разрисовалъ.

Не такъ-ли въ людяхъ? Сердцемъ добрымъ.
Они, какъ-будто, хороши...
Вдругъ случай—и мгновенно глнетъ
Весь грустный трауръ ихъ души...

XXXVII.

Погасало въ нихъ бывшее,
Часъ разлуки наступалъ:
И, принявъ рѣшеніе злое,
Наконецъ, онъ ей сказалъ:

«Поднеси мнѣ эту чашу!
Въ ней отравы, знаю я!
Выню! Связь разрушу нашу—
Дамъ свободу бытія!

«Если это не угодно
Странной гордости твоей,
Волю вырази свободно,
Кинь ты чашу и разбей!»

Молча, медленно, выскочко
Подняла ее она
И—быстрой мгновенія ока
Осушила всю, до дна...

XXXVIII.

Не зналъ я, что разладъ съ тобою,
Всю жизнь разбившій пополамъ,

Дохнетъ неожиданной теплотою
Навстрѣчу позднимъ сѣдинамъ.

Да!.. Я изъ этого разлада
Позналъ, что значить тишина,—
Какъ велика ея отрада
Для тѣхъ, кому она дана...

Когда-бъ не это, безъ сомнѣнья,
Я, даже на закатѣ дней,
Не оцѣнилъ-бы единенья
И счастья у чужихъ людей.

Теперь я это чувство грѣю,
Люблю, какъ ландышъ—близость мховъ,
Какъ любить бабочка лилею,
Замѣтнѣй всѣхъ другихъ цвѣтовъ.

XXXIX.

Мнѣ улыбаться надоѣло;
Улыбка на другихъ претить!
Она лицо, что помертвѣло,
Совсѣмъ не кстатъ молодить.

Она настолько же правдива,
По сѣти столько-же мелка,
Какъ умъ, величіе и храбрость
Въ лицѣ китайскаго божка.

XL.

О, какъ я чувствую, когда къ чему-нибудь
 Лежить душа и страстно увлекасть;
 Сознанье долга тотъ-же самый путь
 Конечно, какъ-нибудь, въ свой срокъ проковыляеть!

Нѣтъ, долгъ исполнить свой—не то, не то советъ,
 Что чувству велѣдъ идти; пускай порывы ложны,
 Пусть опрометчивы; въ порывѣ умъ мой нѣтъ,
 Но силамъ нѣтъ границъ, и подвиги возможны.

Какъ-будто полчища незримыхъ силъ съ тобой!
 Мученья—нипочемъ, радъ погибнуть въ ореолъ;
 И чувствуетъ душа въ себѣ тотъ самый строй,
 Что чувствовала Донской на Куликовомъ полѣ.

XLI.

Заволокнѣлись мысли къ ночи
 И, какъ туманъ въ мѣстахъ сырыхъ,
 Лежать недвижными слоями,
 И обѣляетъ мѣсяцъ ихъ.

Недавно такъ онѣ бродили,
 Вились свободно межъ вѣтвей
 И, въ тѣнь уйдя, не признавали
 Докучныхъ мѣсяца лучей.

Теперь настойчиво и жадно
 Ты, мѣсяцъ, алчущій старикъ,

Цѣлуешь ихъ и беззазорно
Къ ихъ мертвымъ прелестямъ припики.

Цѣлуй!... Когда заря зажжется,
Убьютъ ея огней струи—

И ихъ замученную прелесть,
И ласки жадныя твои.

XIII.

Нѣтъ, никогда и никакою волей
Алтарь поэзіи насильно не зажечь,—
Молчать, какъ мертвые, ея святыя звуки,
И не струится огненная рѣчь.

Зато порой, изъ мелочи, изъ вздора,
Совсѣмъ изъ ничего, въ природѣ, или въ мечтѣ,
Родится невзначай едва замѣтный обликъ
И рвется самъ къ добру и красотѣ.

И вотъ тогда, возникнувъ непонятно
Во снѣ, на гульбищѣ, въ работѣ, что томить,—
Истѣнный духъ какой-то силой тайной
Святой огонь неожиданно запалить.

Могучій вихрь взвиваетъ сердца пламя,
Въ полетѣ дерзостномъ отъ тлѣнья отрѣшонъ,
Паритъ свободно онъ, такъ царственно-высоко,—
Что пѣтъ ему ни граней, ни препонъ.

Не уловить счастливаго мгновенья,
Не закрѣпить его словами,—умереть

Чистѣйшей искрѣ той, въ часъ просвѣтлѣнья духа
 Не дать огня, не вспыхнуть и не тлѣть.

XLIII.

Въ древней Греціи бывали
 Состязанья красоты;
 Старики въ нихъ засѣдали,
 Старики, какъ я, да ты.

Дочь твоя—прямое диво,
 Проблескъ розовой зари;
 Все въ ней правда, все красиво...
 Только—ей не говори!..

Запахъ мирры благовонной,
 Сладкій шепотъ тишины,
 Ленеть струйки полусонной
 Въ освѣщеніи луны...

Голосъ арфы, трель свирѣли,
 Шумъ порханья мотыльковъ
 И во дни Святой педѣли
 Дальній звонъ колоколовъ...

Вотъ тѣ тонкія основы,
 На которыхъ, можетъ-быть,
 Можно было-бъ ткать покровы,
 Красоту ея прикрыть.

XLIV.

Еще недавно, подлѣ силы,
Онъ былъ и ласковъ, и уменъ,—
Онъ понималъ людей живущихъ
И зналъ людей былыхъ временъ.

Теперь осунулся всѣмъ тѣломъ,
Не говоритъ—бормочетъ вслухъ;
Онъ живъ еще, порой смѣется,
Но отлетѣлъ безсмертный духъ!

И не понять совсѣмъ, что движетъ
И не дастъ сложить костей
Ходячей муміи въ прогулкахъ
Ея по торгошамъ людей...

XLV.

Какъ на свѣчку мотыльки стремятся
И, пожегши крылья, умираютъ,—
Такъ его безчувственную душу
Тѣни мертвыхъ, молча, окружаютъ.

Нѣтъ улыкъ! А самъ онъ такъ спокоенъ,
Съ юныхъ лѣтъ въ довольствѣ очерствѣлый,
Смѣло шолъ онъ по широкой жизни
И идетъ, красиво посѣдѣлый.

Онъ срывалъ однѣ лишь только розы,
Цвѣтъ срывалъ, шиповъ не ощущая;
Въ чудный панцирь правъ своихъ закованъ—
Сѣялъ онъ страданья, не страдая.

О, Господь! Да гдѣ-же справедливость?
 Божья месть! Тебя не обрѣтають!
 Смолкли жертвы, ихъ совѣсть не слышно,
 Но зато—свидѣтели рыдаютъ...

XLVI.

Лѣсъ густой; за лѣсомъ—праздникъ
 Здѣшнихъ мѣстныхъ поселянъ:
 Клики, гулъ, обрывки рѣчи,
 Тучи пыли—какъ туманъ.

Видно издали—мелькають
 Люди... Не понять-бы намъ,
 Если-бы не знать причины:
 Пляска, или драка тамъ?

Тѣ-же самыя сомнѣнья
 Были-бъ въ мысляхъ рождены,
 Если-бъ издали, случайно
 Глянуть въ жизнь со стороны.

Праздникъ жизни, бойня жизни,
 Клики, говоръ и туманъ...
 Непонятное верченье
 Краткосрочныхъ поселянъ.

XLVII.

Эта злая буря пронеслась красиво—
 Налетѣла быстро, быстро и пропала;

Ясный день до бури, ясный вслѣдъ за нею,
Будто этой бури вовсе не бывало.

Но она промчалась далеко не даромъ:
Умертвила сѣснѣ многовѣковую,
Повалила на-земь, обнажила корни...
Плачу я надъ нею, глубоко тоскую!

Ну, такъ усыхайте, дѣвственные корни!
Нѣтъ, не пережить вамъ, корни, обнаженья.
Ты, хвой, рассыпся пожелтѣлымъ прахомъ,—
Ты вѣдь не осилишь злого прпниженья!

Плачь, душа, плачь горько по соснѣ убитой!
Лейтесь, лейтесь, слезы, молчаливо-дружно...
Это надъ собою самъ хозяинъ плачетъ:
Говорять, что бури этой было нужно?..

XLVIII.

Полно! Прислушайся къ пѣснѣ...
Можетъ-быть, въ душу твою
Ласковыхъ звуковъ порядокъ
Мирную пустить струю.

Можетъ-быть, если смиришься,
Будетъ покой тебѣ данъ,
Если вышучивать бросишь
Жгучесть печалей и ранъ.

Мало-ль, что есть... Нерушимая
Общая людямъ стезя;

Въ жизни людской—какъ и въ пѣснѣ—
Выкинуть слова нельзя!

XLIX.

Какая засуха!.. Отъ зноя
Къ землѣ всѣ травы прилегли...
Не подалась-ли ось земная,
И мы подъ тропикъ подошли?
Природа-мать—лицеприятна;
Вѣдь по разсказамъ не слыхать,
Чтобы въ Сахарѣ или въ Коби,
Могли вдругъ льденымъ наростать?
А здѣсь, на сѣверѣ, Сахара!
Край неба солнце обожгло;
И даже море, обезумѣвъ,
Совсѣмъ далѣко въ даль ушло...

L.

Съ какимъ глубокимъ уваженьемъ
Стою подъ этимъ склепомъ я:
Тутъ длинный рядъ почившихъ предковъ
Хранить нѣмецкая семья.

О! Если-бъ только люди знали,
Какой счастливый въ томъ залогъ,
Чтобъ не разбрасывать имъ мертвыхъ,
Чтобъ ихъ живой замѣтить могъ!

Чтобъ намъ къ нимъ съ сердцемъ относиться
И въ ихъ покоѣ отдыхать,
Искать молитвы, нлѣ молиться,—
И знать, гдѣ намъ самимъ лежать.

Вотъ хоть-бы тутъ! Вполнѣ здоровый,
Живой сознаньемъ бодрыхъ силъ,
Вѣдь я, совсѣмъ помимо воли,
Охваченъ жпзнію могилъ.

Я слышу ясно, какъ тихонько
Въ дунгѣ моей, сквозь ихъ покой
Родится въ чувствѣ уваженья
Хорошихъ чувствъ счастливый строй...

LI.

Не помѣряться-ль мнѣ съ моремъ?
Вволю, всласть души?
Савки крѣпки, очи зорки,
Кони хороши...

И песчитанныя версты
Понеслись назадъ,
Гдѣ-то, мнится, берегъ дальній
Различаетъ взглядъ.

Кони шибче, веселѣо,
Мчатъ во весь опоръ...
Море мѣста прибавляетъ,
Шире кругозоръ.

Дальше! Кони утомились,

Надо понукать...

Море будто шире стало,

Раздалось опять...

А нескитанныя версты

Сзади собрались

И кричатъ, смѣясь, въ-догонку:

«Эй, остановись!»

Стали кони... Нетъ въ нихъ силы,

Клонятъ морды въ снѣгъ...

Ну, пускай другой, кто хочетъ,

Продолжаетъ бѣгъ!

И не въ томъ теперь, чтобъ дальше...

Всюду—ширь, да гладь!

Вонъ какъ вдругъ запорошило...

Будемъ умирать!

III.

Ты подарилъ мнѣ лучшую изъ книгъ—

Евангеліе! Но миновали годы,

Коснулись книги всякія невзгоды,

Я добылъ новую. И снова ты возникъ,

Ты—подарившій первую когда-то...

Давно ты умеръ; все забвеньемъ взято,

Но въ памяти моей, для сердца, для меня—

Ты живъ въ сіяніи таинственного дня!

Такихъ таинственностей въ мірѣ духа много,
И въ каждой видится какая-то дорога...

Умру и я въ свой срокъ. Но, можетъ, этотъ стихъ,
Безъ самопомощи, безъ воли, безъ отваги,
Проживъ вѣка на лоскуткѣ бумаги,
Дойдетъ до новыхъ дней и до людей иныхъ...
Безсмертье будетъ въ томъ, — безъ имени, конечно...
Однако можетъ быть, что за могилой, тамъ,
Не будетъ смысла личнымъ именамъ,
Но каждый будетъ жить свѣтло и безконечно...

ЛИІІ.

Гораздо больше позабыто,
Чѣмъ жизнь памъ новаго даетъ!
Что было въ дѣтствѣ пережито,
То ярко такъ въ душѣ живетъ.

А то, что только-что недавно
Въ усталой памяти легло, —
То — блѣдно, мертвенно, безправно
И только отблескомъ свѣтло...

То были дни произрастаній
Земли и теплой, и сырой,
Дни допотопныхъ очертаній
Съ ихъ мощной, дерзкой красотой.

LIV.

Его портретъ лѣтъ тридцать только
 Тому назадъ—былъ всѣмъ знакомъ!
 Блестящій умъ, значенье въ людяхъ,
 Успѣхъ въ дѣлахъ, богатый домъ...

Теперь нещадно затерялось
 Былое нестрое его,
 И—быстро, быстро тьмой покрыто—
 Оно безслѣдно и мертво!

И только здѣсь!.. Случайно какъ-то,
 Забавой нѣсколькихъ минутъ,
 Ничтожный даръ его богатства
 Былъ кинуть, и—возникъ приютъ!

Въ немъ, со стѣны, еще глядитъ онъ,
 И имя здѣсь сохранено...
 И въ страшный часъ,—онъ есть и нынѣ,—
 Свой слабый откликъ дастъ оно...

LV.

Съ простымъ толкую человѣкомъ...
 Телѣга, лошадь, входъ въ избу...
 Хвалю порядокъ въ огородѣ,
 Хвалю оконную рѣзьбу.

Все дѣло рукъ его... Какая
 Въ немъ скромныхъ мыслей простота!

Не может пошатнуться вѣра,
Не можетъ въ ростъ пойти мечта.

Онъ тридцать осеней и вѣсенъ
Къ работѣ землю пробуждалъ;
Вопросъ о томъ: зачѣмъ все это—
Въ немъ никогда не возникалъ.

О, какъ жестоко подавляетъ
Меня спокойствіе его!
Обидно, что признанье это
Не измѣняетъ ничего...

Ему—раёкъ въ театрѣ жизни,
И слезъ, и смѣха простота;
Мнѣ—злобы дня, сомнѣнья, мудрость
И на вѣсь золота мѣста!

LVI.

Соловья живыя трели
Въ свѣтлой полночи гремятъ,
Въ чувствахъ будто акварели
Прежнихъ, свѣтлыхъ дней скользятъ!

Рядъ свиданій, рядъ прощаній,
Рядъ божественныхъ ночей,
Чудныхъ ласкъ, живыхъ лобзаній...
Пой, о, пой, мой соловей!..

Пой! Гремни волнами трелей!
Можетъ-быть, на зло уму,

Эти грезы акварелей
 Я за правду вдругъ приму!
 Цой! Теперь еще такъ рано,—
 Полночь только-что прошла,
 И сейчасъ изъ-за тумана,—
 Вотъ сейчасъ,—она звала...

LVII.

Я мыслить жажду потому, что въ этомъ —
 Живой покой, святая тишина,
 Все полно яснымъ, нетревожнымъ свѣтомъ,
 Въ душѣ легко, и ясно даль видна!
 И, если мгла за нѣкоторой гранью
 Передъ умомъ какъ-бы скрываетъ даль, —
 Страдать отъ этого немислимо сознанью:
 Мнѣ жаль, что—мгла, но мнѣ спокойно жаль..
 Тогда какъ въ чувствахъ столько острой боли,
 Такая мощь безумной толчеи
 Терзаній духа и страданій воли,—
 Успокоенье только въ забыти,—
 Что всѣ восторги страстныхъ наслажденій,
 Всѣхъ оргій чувствъ за время лучшихъ лѣтъ
 Не искупятъ безвременныхъ мученій,
 Всегда идущихъ оргіямъ во-слѣдъ..
 Спѣши, спѣши въ спокойствіе мышленья,
 Въ немъ нерушимъ довременный покой;

Тамъ нѣтъ борьбы, не надобно прощенья,
Ты у себя—желанный и родной!..

LVIII.

Тьма непроглядна. Море близко,—
Молчить... Такая тишина,
Что пѣсня комаровъ полночныхъ
И та мнѣ явственно слышна...

Другая ночь, и тоже море
Нещадно бьетъ вдоль береговъ;
И тьма полна такихъ степеній,
Что я своихъ не слышу словъ.

А я все тотъ-же!.. Не завишу
Отъ этихъ шутокъ бытія,—
Меня влечетъ, стезей особой,
Совсѣмъ особая ладья.

Ей все равно: что тишь, что буря...
Другъ! Полюбуйся той ладьей!
Прочти названье: «Все проходить!»
Ладья не купишь,—самъ построй!

LIX.

Вдоль Наровы ходятъ волны,
Противъ солнца—огоньки!
Волны будто что-то пшутъ,
Набѣгая на пески.

Тянемъ топо; грузинъй неводъ.
Онъ по дну у насъ идетъ
И захватитъ все, что встрѣтитъ,
И съ собою принесетъ.

Тянемъ, тянемъ... Что-то будетъ?
Окупъ, щука, сигъ, лосось?
Иль щепъ одна, да травы,—
Незадача, значить, брось!

Ближе, ближе... Замѣчаемъ:
Что-то грузное въ мотѣ;
Какъ барахтается, бьется,
Какъ мутитъ песокъ на днѣ.

Вотъ всплеснула, разметала
Воду; всѣхъ насъ облила!
Моря синяго царица
Въ нашемъ неводѣ была:

Засверкала чешуею
И короной золотой
И на насъ на всѣхъ взглянула
Жемчугомъ и бирюзой!

Всѣ видали, всѣ слышали!
Всѣ до самыхъ пять мокрѣ...
Если-бъ взяли мы царицу,
То-то-бъ шли у насъ пиры!

Значить, сами виноваты,
Недогадливый народъ!

Поворачивайте вѣроть,—
Тоня цевая идетъ...

И—какъ тоня вслѣдъ за топей—
За мечтой идетъ мечта;
Хороша порой добыча
И богата—да не та!..

LX.

Сказочку слушаю я,
Сказочка—радость моя!
Сколько ужъ, сколько вѣковъ
Ткаными этихъ-же словъ
Ночи въ таинственный часъ
Дѣтскихъ сомкнулося глазъ!
Жизнь паша, сказки быстрой,
Насъ обращаетъ въ дѣтой.

Слышу о зломъ колдунѣ...
Вотъ онъ—сидитъ при огнѣ...
Чудная фея добра
Блещетъ въ лучахъ серебра...
Множество замыслѣвъ злыхъ—
Фея разрушила ихъ...
И колдуня больше нѣтъ!
Только и въ ней меркнетъ свѣтъ...
Дѣсь, что куда-то пропалъ,
Вдругъ очарованный всталъ...
Вотъ и колдунъ на печѣ...
Сказка! Молчи-же, молчи!

Сказочку слушаю я,
Сказочка—радость моя!
Жизнь наша, сказки быстрѣй,
Насъ обращаетъ въ дѣтей...

LXI.

Сказать-бы я такъ много, много;
Но не усилю,—срокъ мнѣ данъ!
Коротокъ день, узка дорога,
И такъ громаденъ караванъ...
Оставить многое придется...
А жаль!.. Хорошая есть кладь...
Не всѣмъ на свѣтъ удаётся
Все,—что хотѣлъ-бы кто,—сказать...
Вотъ отчего краснорѣчны
Молчанья кладбища!.. Невпопадъ,
Не въ срокъ засѣяныя нивы,—
Онѣ, подъ спудомъ дней молчать.
Но изъ безмолвнаго общенья
Жильца земли съ жильцомъ могилъ
Не разъ шли первыя движенья
Неудержимо мощныхъ силъ...

LXII.

При свѣтѣ трепетномъ лампады въ часъ ночной
Идутъ умершіе бесѣдовать со мной,

И въ скромномъ обществѣ мнѣ близкихъ и родныхъ
Мой духъ смиряется, и сонъ мой будетъ тихъ.

Ты милое дитя, ты, прелесть, дочь моя,
Когда покончу срокъ земнаго бытія,
Ты въ часъ сомнѣнія, печали, нль любви
Меня, загробнаго, къ совѣту призови!

И я приду тогда, неслышимъ и незримъ!
Я буду пѣстуномъ внимательнымъ твоимъ;
Прохладою тихою тебя я опашу,
Нетлѣннымъ окомъ я въ тайникъ души взгляну,

Я слово ласковое шопотомъ скажу,
Стези невѣдомыя сердцу укажу—
И брату моему, недремлющему Сну,
Скажу: Смѣни меня—а я опять всну!...»

LXIII.

Часто съ тобою мы спорили...
Умеръ! Осилить не могъ
Сердцемъ правдивымъ и любящимъ
Мелкихъ и крупныхъ тревогъ.

Кончились споры. Знать, правильнѣй
Жилъ ты, не вкривъ и не вкось!
Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!—
Сердце твое порвалось...

LXIV.

Здѣсь все мое!—Высь небосклона
И солища ликъ, и глубь земли,
Призывъ молитвеннаго звона
И эти въ морѣ корабли;

Мои—всѣ села надъ равниной,
Стога, возникшіе окрестъ,
Рѣка съ болтливою стремниной
И все бывшее этихъ мѣстъ.

Здѣсь для меня живутъ и ходятъ...
Мнѣ—свѣжесть волнъ, мнѣ—жаръ огня,
Туманы, даже, тѣ, что бродятъ,—
И тѣ мои и для меня!

И въ этомъ чудномъ обладаньѣ,
Какъ иннокъ, на исходѣ дней,
Пишу послѣднее сказанье,
Еще одно, другихъ яснѣй!

Пуškai живое мѣстолюбье
Въ родной мнѣ русскій міръ идетъ,
Гдѣ можно—дать успокоенье
И никогда, ни въ чемъ не лжетъ.

633/84 871.

net
65

3402
28
9271

